

БЕРА

МАТОБА

МАТОБА

МАТОБА
МАТОБА

Annotation

Со смерти Паука прошел год, жизнь Кристины только начинает подниматься из руин. Вот только, так ли мертв маньяк?

Увы, осень действует на автора мрачным образом, так что герои будут страдать.

Вера Шматова

Паучьи сети

Глядя сквозь окно на черепичные крыши частных домиков я с легкостью могла представить, что никуда не уезжала. Такое же солнце, на закате заливающее улицы горячим оранжевым светом, таким интенсивным, что казалось, коснись — и останется ожог. Две сотни километров — так много для меня и так мало для природы — разделяли дом старый и дом новый. Похожие деревья — да и откуда взяться другим? Все те же птицы, стремительными росчерками пропадающие на границе взгляда, спешащие вернуться в родные гнезда до наступления темноты. Они были почти как люди, которые с закатом также высыпали на улицы, с радостью расставаясь с кондиционированными офисами.

Вена оказалась не таким плохим городом, как казалось вначале. Четыре месяца жизни здесь в конце концов успокоили и примирили душу со всем, что успело случиться. После смерти Паука и точки в истории с мафией пришлось разбираться со многочисленными последствиями. Первое и главное — полиция. Никто и не подумал снимать с меня обвинения в убийстве Дэни, разве что бандиты перестали лезть в это дело, что существенно поправило положение. Однако ничто не отменяло факта, что главная подозреваемая сбежала из-под надзора полиции и не смогла предоставить внятного оправдания. О Пауке я молчала, решив не поднимать эту тему. Отчасти было страшно взглянуть — вдруг вернется? Отчасти же не хотелось влезать в расследование еще глубже. Паук мертв, справедливость восторжествовала, а мои мучения на допросах никого счастливыми не сделают.

Следствие все равно затянулось на несколько месяцев пока не закончилось моим полным оправданием и опустошением банковского счета в пользу адвоката. В течение этого периода я успела стать объектом безумной страсти репортеров, героиней пары десятков статей в желтых газетенках и, разумеется, почетной безработной. О возвращении в мир риэлторского бизнеса не могло быть и речи, поиски же новой работы кончились через пару недель, когда я поняла, что одно только имя уже заставляет потенциальных работодателей лихорадочно строчить письма отказа.

Спасение пришло как всегда оттуда, откуда его меньше всего ждут. «Центр поддержки женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации», находящийся в соседней Австрии каким-то образом прослышал о моей истории. Письмо, пришедшее на емейл можно было выразить двумя предложениями: «Если нужна работа, ждем к нам. У нас есть сочувствие, деньги и печенки». На фоне депрессии, отчаяния и всепоглощающей ненависти к самой себе я собрала чемодан тем же вечером. В конце концов, я люблю печенки.

Пелену нахлынувших воспоминаний прервал звонок телефона. Так, пора заканчивать с осенней фрустрацией. Годовщина смерти Дэни еще не повод забывать о работе. Номер звонившего не высветился — скрытый. Кто бы это мог быть?

— Алло? — с некоторой опаской проговорила я, не вполне уверенная, как каком языке придется разговаривать.

— Это Ганс, — знакомый голос успокоил зародившееся было волнение. После всей этой истории с мафией и Пауком мои нервы походили на оголенный провод. Малейшее движение и я уже готова лезть на потолок от беспокойства. Надеюсь, это лечится. — Так что насчет сегодня?

— Да, конечно, — после небольшой заминки ответила я. — Только давай чуть попозже. Мария сегодня не пришла на работу, трубку не берет. Хочу к ней зайти, поведать.

— Позже? Во сколько?

— Часов в восемь.

Я быстро прикинула, что провести у подруги меньше пары часов вряд ли получится. Если совместить ее любовь к «поговорить» с истинной убежденностью, что гостя надо накормить обедом из трех блюд и добить десертом, то два часа это еще немного. Возможно, кому-то подобная общительность могла показаться странной, но я, знаю Машину историю, могла только удивляться, как этот удивительный человек не обозлился на весь свет и нашел в себе силы помогать другим. Именно она послала то самое письмо с предложением работы, фактически спасшее мне жизнь. До сих пор ума не приложу, как ей это вообще пришло в голову? Или же она всем оскандалившимся женщинам емейлы присылает?

Как бы то ни было, все сложилось так, как сложилось и за эти месяцы мы по-настоящему сдружились. Быть может, виновато то, что нам обоим пришлось пережить не самые лучшие времена, хотя моя история по сравнению с ее значительно меркла. Маше было чуть за двадцать, когда соблазнительное предложение работы за границей с огромной зарплатой заставило ее покинуть родную деревню в России и уехать в сказочные Эмираты. Вот только даже туда она не добралась, попав в руки работоторговцев. Без документов и средств к существованию, являясь игрушкой для каждого подонка с деньгами, она жила на востоке, пока счастливый случай в виде спасательной операции не помог ей и остальным несчастным бежать. С тех пор прошло пятнадцать лет, но ощущение безысходности и унижения остались в душе на всю жизнь. Так появилась идея Центра, которая быстро обрела жизнь.

Обо мне Мария знала почти все. Даже историю с Пауком я ей рассказала, опустив многие факты и искажив имена. Если подруга и поняла, что здесь чего-то не хватает, то настаивать не стала. Пожалуй, никто кроме нее не мог понять меня лучше. И именно Мария озвучила то, что я не решалась принять и осознать сама: Паук навсегда останется в моем сердце. Кем бы ни был этот человек при жизни, для меня он останется самым большим соблазном и сожалением.

В общем, тема для разговора у нас с Машей всегда находилась. И если ради этого придется подвинуть свидание, значит, так тому и быть.

— Я сделал резервацию стола на семь, — голос Ганса звучал немного сердито. — Может, зайдешь утром?

— Прости. Просто так мне будет спокойнее, — в последнее время Мария часто болела. Видимо, любовь к походам на природу сказывалась. Осень не самое подходящее время для таких вылазок.

— Ладно, ничего страшного. Что-нибудь придумаю.

— Спасибо. Значит, в восемь у моего дома?

— Договорились.

Знакомство, начавшееся почти месяц назад в кафе все никак не могло перерасти во что-то большее, оставаясь на уровне переписки в телефоне и нескольких довольно романтических емейлов. В конце концов, если бы Ганс сам не предложил, я бы вряд ли сделала шаг вперед. Не отрицаю, мужчина был красив: высокий, поджарый, с коротко стриженными светлыми волосами и пронзительными зелеными глазами. Просто картинка с обложки глянцевого журнала. Люба, увидевшая фото на моем мобильном, тут же заявила, что нашей дружбе настанет конец, если такой красавец останется за бортом. Не скажу, что люблю подобные формы шантажа, но в целом, рациональное зерно в этом было. В конце концов, сколько

можно горевать?

О том, что происходило в тот период между смертью Дэни и моим триумфальным возвращением подруге известно не было. А потому она не могла знать, что я только-только перестала рыдать ночами в подушку вновь и вновь переживая смерть Паука. Встреча же с Гансом впервые заставила задуматься о возможности начать все сначала. В конце концов, впереди еще целая жизнь и провести ее в воспоминаниях о нескольких безумных днях с сумасшедшим маньяком было бы глупо.

Так что, как только Ганс предложил свидание, я согласилась без лишних раздумий. Одна встреча сменяла другую и через несколько недель пришлось признать, что у меня появился бойфренд. Мария, словно строгая мать, потребовала привести кавалера на смотрины и также осталась довольна. Так что в итоге дело оставалось лишь за сердцем, которое упорно молчало. И как решить эту проблему я не имела ни малейшего понятия.

Была еще одна трудность, которая с которой так или иначе придется разбираться в ближайшем времени. Ганс был приятен, галантен и определенно сексуален. Вот только мысль о том, чтобы допустить его в свою постель пока не вызывала энтузиазма. Поцелуи, легкие объятия вот и вся любовь. Слава богу, что и мужчина пока не настаивал.

Я села за стол, намереваясь проработать оставшиеся полчаса, но мысли все равно уходили в сторону. Стоило ли продолжать отношения с Гансом? Рациональная часть мозга голосовала «за», сердце же тревожно сжималось, не спеша открываться новому человеку. Мы знакомы всего месяц, слишком мало, чтобы что-то решать. Но мерзкий шепоток в душе вновь и вновь затягивал басенку о Пауке. Уж с ним то мне потребовались всего пара недель, чтобы влюбиться по уши. Дура. Нет бы возненавидеть, сейчас было бы в сто раз легче.

Взглянув на часы я вздохнула. Сплошная хандра и никакого прогресса на рабочем месте. Что же, придется признать свое сегодняшнее полное поражение и идти с повинной к Марии.

Осенняя погода уже успела порадовать первыми заморозками. Застегнув пальто на все пуговицы и замотав горло шарфом, я бросила последний взгляд на себя в зеркало. Растрепавшиеся белокурые волосы, чуть бледнее, чем надо лицо, мерцающие глаза с темными мешками. Красавица. Надо бы взяться за себя всерьез. Тоска тоской, а в пугало превращаться тоже не стоит.

Дом Марии находился всего в нескольких станциях метро от офиса. Тщательно заперев все двери, я вышла на улицу. Порыв холодного осеннего ветра щедро поделился порцией желтых листьев с первыми каплями дождя. Небо над головой принимало угрожающий темно-серый оттенок, несмотря на то, что лучи солнца на горизонте просвечивали улицы насквозь. Зонт, как назло, остался дома.

Я поспешила к подземке, зябко кутаясь в теплое пальто. Многочисленные прохожие, такие же офисные служащие, ручейками стекались с маленьких улочек на проспект, образуя целеустремленную толпу. Отсутствующие лица, механические движения, топот ног, отголоски разговоров. Да, год назад мне бы и в голову не пришло, что придется променять свое уютное Брно с любимой работой на шумный, но безликий мегаполис в соседней стране. Скучала ли я по дому? Бесспорно. Но сил вернуться туда, где все оказалось в руинах, не было. Любимая квартира сдана, репутация потеряна. Просто нужно собраться и придумать, как жить дальше.

Когда метро выпустило очередных счастливцев из душного нутра, снаружи уже во всю барабанил дождь. Серо-желтые осенние улицы разбавили яркие проблески зонтов и дождевиков. С завистью покосившись на счастливцев, я кое-как намотала на голову шарф и

поспешила к Марии. Коварная влага оказалась суровым противником. Капли падали с кончика носа, а пальцы, державшие концы шарфа успели покраснеть и заоченеть, когда мой путь, наконец, закончился в сухом тепле подъезда. Мысль о горячем чае вызывала почти экстаз, так что на кнопку дверного звонка я жала с истинным энтузиазмом.

По прошествии нескольких минут Мария все еще не открывала. Мобильный все также не отвечал, хотя мелодию было слышно сквозь дверь. Неужели подруга куда-то уехала, оставив телефон дома? Странно. На душе разливалось разочарование. Ну вот, ехала, под дождь попала, теперь еще обратно идти, снова мокнуть. Такими темпами и заболеть недолго. Напоследок, я дернула ручку двери, которая неожиданно легко поддалась. Секундное колебание закончилось победой беспокойства. Надо зайти. Вдруг что случилось?

— Маша? — нерешительно позвала я с порога, не решаясь пройти дальше.

Пустая квартира отозвалась лишь легким эхом. Ничто не нарушало тишину, кроме звука моего дыхания и легкого шуршания одежды. Эта безмолвность отзывалась безотчетно сильной тревогой в сердце. Предчувствие чего-то ужасного буквально захлестнуло душу, заставляя желудок судорожно сжиматься. Вделав глубокий вдох, я на секунду прикрыла глаза, справляясь с нахлынувшим страхом. Квартира пуста, дверь незаперта. Вещи вокруг выглядели нетронутыми, значит, вряд ли сюда забирались воры.

— Есть кто дома? — мой голос гулко отдавался в просторной гостиной.

Стерильный интерьер, выполненный в белых и серых цветах, в сочетании с металлическими опорами стеллажей всегда вызывал у меня ассоциации с больницей. Маша, также, как и я, любила пространство и свет в доме. Большой диван, пара стеллажей по сторонам и большой рабочий стол составляли всю обстановку. Пушистый серый ковер на полу немного смягчал впечатление пустоты, но не мог скрыть ее совсем.

Легкий запах ароматической смеси витал в воздухе, словно подруга только что жгла благовония. Мария любила иногда создать особенную атмосферу, главным образом по вечерам. Сейчас пахло лавандой, но что-то в ней было неправильным. Какая-то нотка, тяжелая и неприятная вплеталась в аромат. Этот запах вызывал острое неприятие, навевал воспоминания о чем-то плохом, о чем-то, что разум давно похоронил на самом дне. Дурное предчувствие скрутило внутренности в узел.

Берясь за ручку спальни, я уже почти знала, что меня там ждет. Большая светлая комната была погружена в полумрак. Плотные шторы на окнах не пропускали свет заката с улицы, так что мне пришлось щелкнуть выключателем, чтобы зажечь свет. Первым, что выхватил взгляд, была Мария посреди кровати. Она лежала на спине, вытянувшись, словно по струнке. Зеленые глаза застыли распахнутыми от страха. Светлые волосы разметались по подушке, почти полностью окрасившись в алый цвет. На горле зияла страшная рана, вокруг которой запеклась темная корка. Простыни пропитались кровью, а в воздухе висел тяжелый запах крови. Восковая бледность кожи, остекленевший взгляд и ни признака дыхания.

Несколько секунд я просто стояла на пороге. Мозг отказывался осмыслить увиденное. Мария... мертва? Подойти к трупу, чтобы полностью в этом увериться у меня не было сил. Произнести что-либо также не получалось. Губы застыли, отказываясь подчиняться приказам мозга. Паника начала подниматься откуда-то из живота, заполняя внутренности, скручивая их в тугий комок. Перед глазами заплясали темные мошки, а в ушах пронзительно зазвенело.

Чтобы успокоиться, я сделала глубокий вдох. Ошибочность этого действия проявилась сразу же. Воздух, наполненный запахом смерти ринулся в легкие. Желудок совершил

кульбит и мне едва хватило времени, чтобы выскочить из комнаты, так что весь ланч достался ковру в гостиной. Но даже когда жидкость в желудке закончилась, спазмы не утихали. Держась за стену, я тяжело дышала, чувствуя, как слезы текут по щекам. В душе царил опустошение, по венам циркулировал адреналин. Так, нужно взять себя в руки.

Однако решить было проще, чем сделать. Тело пробивала дрожь, а в носу все еще стоял запах застоявшейся крови. Хотелось расцарапать лицо, лишь он ушел, исчез, дал хотя бы вздохнуть. Вместо этого я принялась дышать ртом. Маленький вдох, такой же крошечный выдох. Вдох-выдох. Ни о чем не думать. Просто десять секунд спокойствия. Маленький тренинг действительно помог, так что через несколько минут способность двигаться вернулась.

Перебравшись на кухню, подальше от страшной комнаты, я дрожащими пальцами нашарила в сумочке телефон. Проклятый сенсор реагировал слишком оперативно, так что набрать нужный номер получилось не с первого раза. Не помню, что сказала диспетчеру, мозг словно включил собственный автопилот, но полиция была на месте уже через десять минут.

С появлением экстренных служб сонная тишина многоквартирного дома разбилась о гвалт многочисленных голосов, шуршания натягиваемой ленты, переговоров по рации. На шум вышли соседи, со смесью любопытства и ужаса наблюдавшие за происходящим. Для меня все происходящее было какой-то абстрактной картинкой, шоу на экране телевизора. Казалось, нажмешь кнопку и канал переключится.

После первых вопросов о случившихся меня отвели в коридор и попросили подождать освободившегося полицейского. Я не возражала, погружившись в странное оцепенение. Мысли текли вяло, холод пронизывал тело до кончиков пальцев. Какой-то человек в форме помог мне подняться и отвел вниз. Полицейские задавали вопросы, на которые приходилось отвечать раз за разом. В конце концов, поток их иссяк и меня оставили в одиночестве на лавочке у подъезда, обещав отвезти домой на служебной машине. Добродушный водитель скорой было поинтересовался, не нужна ли помощь, но я только помотала головой.

Взгляд бездумно скользил по погружившейся в вечерний сумрак улице, перескакивая с кустов на машины, когда из подъезда вынесли тело. Вид упакованной, словно кусок мяса из магазина, Марии подействовал словно ушат холодной воды, заставив вынырнуть из глубин ужаса и посмотреть правде в лицо.

Конечно, полиция будет собирать улики и искать виновного. Вот только догадаются ли они сопоставить убийства в Чехии с произошедшим здесь, в Вене? Перед внутренним взором мелькали виденные когда-то фотографии в шкафу Паука. Двадцать семь жертв с идентичными ранами на горле. Если бы маньяк не погиб практически от моих же рук, я была бы готова присягнуть, что это сделал он. Сердце тяжело забилося, с трудом перегоняя по венам разом загустевшую кровь. Пугала сама возможность того, что Паук мог выжить, а тот факт, что я так или иначе имею отношение к его теперь уже гипотетической гибели ситуацию не улучшал. С другой стороны, с чего бы маньяку оживать? Его бездыханное тело еще недавно являлось в кошмарах, заставляя переживать этот эпизод вновь и вновь. Возможно ли, что произошедшее является лишь невероятным совпадением? Или же кто-то намеренно подражает стилю Паука? Сплошные вопросы и никаких ответов.

Как бы то ни было, Мария мертва. Моя замечательная, любимая подруга, столько раз помогавшая и вытаскивавшая из различных эмоциональных передрыг теперь лежит в морге. И самое малое, что я могла сделать, это как следует подумать, кто же мог ее убить.

Через несколько минут подошел полицейский и предложил подвезти до дома. Пока мы ехали, я вспомнила о назначенном на вечер свидании. Ганс взял трубку со второго гудка, словно ждал звонка.

— Привет. Прости, но сегодня не получится встретиться, — контролировать голос оказалось трудно. После потрясения постепенно наступал откат и на глазах закипали слезы.

— Что случилось?

— Мария умерла, — слова дались с трудом и последний слог прорвался в судорожном вздохе. Горячая влага все же потекла по щекам, вызвав сочувствующий взгляд полицейского за рулем.

— О боже, — проговорил Ганс на том конце провода. — Как это случилось?

— Кто-то убил ее, перерезав горло, — слезы потекли по проторенным дорожкам непрекращающимся потоком.

— Боже, — повторил мужчина потрясенно. — Как ты? Может, мне приехать?

Это неподдельное участие вызвало волну тепла, впрочем тут же угасшую. Увы, но Ганс не был тем человеком, которому можно было бы доверить душевные переживания. Скорее уж Люба приедет из Брно.

— Нет, не стоит. Мне нужно побыть сегодня одной.

— Ты уверена?

— На все сто. Извини за испорченное свидание.

— Позвони, если понадобится какая-то помощь. Я готов приехать в любое время.

— Спасибо.

Телефон замолчал и я откинулась на сиденье машины.

— Хотите салфетку? — прервал молчание полицейский. — Возьмите в бардачке.

— Спасибо, не откажусь, — я достала пакетик с бумажными платками и промакнула глаза.

— Сочувствую вашему горю, — продолжил мужчина. Он смотрел на дорогу, но в голосе звучало истинное сожаление. Полицейский был невысоким, темноволосым мужчиной лет тридцати с небольшим. Довольно взрослый для стажера, но я могла поспорить, что именно им он и являлся. Проработавшие дольше перестают обращать внимание на слезы.

— Спасибо, — слова благодарности прозвучали очень тихо. В голову пришла неожиданная мысль, которую стоило опробовать. Раз уж мне повезло встретить сочувствующего стажера, то и информации из него можно вытянуть больше. — Кто же мог сотворить этот ужас?

— Будет проводиться расследование, — заученно ответил мужчина, не сводя взгляд с дороги. — Не переживайте, мы обязательно найдем подонка.

— Я не знаю, кто мог желать Марии зла, — совершенно искренне произнесла я, нервно комкая платок в кулаке. Слезы вновь подступили к глазам, но сила воли оказалась сильнее. Не буду плакать, только не так, в машине. — Что за зверь мог такое сотворить?

— У нас пока нет предположений, — произнес полицейский, сворачивая на подъездную дорожку дома. — Честно говоря, первый раз вижу такое. Но будьте уверены, что мы найдем того, что это сделал.

— Не сомневаюсь, — я слабо улыбнулась. Как и предполагалось, стажер проговорился. Если у них нет зацепок, это значит, что подобное убийство случилось в Вене впервые. Стоило над этим подумать. — Спасибо, что подвезли.

— Не за что. Если что-то вспомните касательно дела, сразу звоните в участок. Любая

информация пригодится.
— Непременно.

Дома накатила запоздалая истерика. Плакать я не любила, но сейчас ничего не могла с собой поделать. Подруга, коллега, просто очень хороший человек... Кто же совершил это зверство? Ненависть боролись в душе со страхом, а пришедшая на ум догадка не давала покоя. Если Паук жив и убил Марию, то следующей в списке должна оказаться я. Вот только какой тогда смысл в смерти подруги? Предупреждение? Или безумие окончательно подкосило и без того не самую устойчивую психику маньяка?

Одни вопросы порождали другие. Если бы Паук действительно выжил, он бы вряд ли начал с Марии. Я знала убийцу достаточно хорошо, чтобы быть уверенной — пока в его списке есть незаконченное дело, он не примется за новое. Да и в конце концов, почему именно этот маньяк? Может же существовать сумасшедший, готовый повторить подвиги так и не пойманного Паука. Или все это вообще не имело отношения к серии преступлений в Чехии, а перерезанное горло — всего лишь совпадение. Эта нестыковка несколько успокаивала разбушевавшееся воображение.

Выпив стакан теплого молока, я закуталась в мягкое одеяло и попыталась отрешиться от беспокойных мыслей. Сон, как назло, не шел. Вроде бы и усталость свинцовой волной прижимает к кровати, но мозг никак не хотел отключаться. Ворочаясь с боку на бок в тщетной попытке найти оптимальную позу для сна, я против воли прислушивалась. В пустой квартире, погруженной в ночную тишину, мной начинали овладевать иррациональные страхи. Мерещились шорохи, тихие шаги на кухне, скрип далекой двери. Привычные предметы в темноте приобретали новые, угрожающие очертания, вновь и вновь заставляющие сердце биться быстрее. Пролежав около часа, я решила прибегнуть к верному средству против бессонницы — банально выпить. Если не засну, так хоть время скоротаю и хотя бы на секунду отвлекусь от произошедшего вечером кошмара.

В шкафу в гостиной хранилась бутылка хорошего виски для особых случаев. Притрагивалась я к ней редко. Во-первых, не так уж много поводов давала жизнь, а во-вторых, вкус напитка невольно возвращал к воспоминаниям о Пауке. Первый вечер, проведенный в его доме, когда внутренности сводило от страха, особенно четко врезался в память. Стоило сделать глоток, прикрыть глаза и прошлое оживало с поразительной ясностью. Казалось, еще секунда и плеча коснется горячая ладонь, а хриплый голос прошепчет, что виски пьют не торопясь, смакуя каждую каплю.

Свет в гостиной я зажигать не стала, хватало и того, что горел в спальне. Комната в полумраке выглядела жутковато. Диван посреди отбрасывал жутковатую глубокую тень, шкафы вдоль стены зияли темными пастями полок, в глубине которых поблескивали вещи, приобретавшие ночью совсем другой вид. Мои ноги утопали в ворсе темно-зеленого ковра, который сейчас казался почти черным и напоминал разлитую кровь. Возможно, во всем виновато разыгравшееся воображение, но чужое присутствие буквально витало в воздухе. Это ощущение было так сильно, что волоски в основании шеи встали дыбом, а по коже прошлись мурашки. Наверное, стоит завести собаку. Когда в доме есть хоть кто-то еще, страх уже не имеет над тобой такой власти.

И в тот самый момент, как мои пальцы сомкнулись на горлышке бутылки, за спиной послышался явственный шорох. Сердце пропустило удар, оставив в груди болезненную пустоту. Резко обернувшись, я не успела ничего сделать, буквально врезавшись в

появившегося человека. Непроизвольный вскрик заглушила чужая ладонь, беспардонно прижатая к губам. Одно движение и сильное тело уже прижимает меня спиной к шкафу, лишая возможности сопротивляться. Расширившимися от ужаса глазами я смотрела на того, кого уже никогда не надеялась увидеть живым.

— Здравствуй, малышка, — хриплый шепот раздался у самого уха, мгновенно парализовав мысли.

Света было мало, чтобы разглядеть лицо, но все остальное... Голос, прикивавший, казалось, в самую душу, ореол непокорных жестких волос и травяной, горький запах, который не спутать ни с чем. Сердце подождало минутку, а затем забило как сумасшедшее, словно стремилось проломить брешь в грудной клетке и вырваться на волю.

— Я отпущу тебя, если обещаешь вести себя тихо, — вкрадчиво произнес мужчина.

После судорожного кивка руки исчезли с талии исчезли и я чуть было не сползла на пол от неожиданности. Колени внезапно ослабели, отказываясь держать тело в вертикальном положении. Пришлось схватиться за ручку шкафа, чтобы придать себе дополнительную точку опоры. Мысли, словно шарики на лакированном полу, раскатывались в разные стороны, решительно отказываясь собираться во что-то рациональное.

— Паук, — шепотом произнесла я, словно пробуя слово на вкус. Мужчина, стоявший передо мной был реален. Или это лишь очередной сон? Но разве может сон содержать так много деталей? Звук дыхания, запах, след тепла на лице, где еще секунду назад находилась его ладонь? О нет, маньяк был жив и вернулся, чтобы закончить начатое.

В душе поднялась густая волна страха, а вместе с ней пришли слезы. Они закипали на глазах против воли и спроси кто, что явилось их причиной, у меня не нашлось бы ответа. Все еще судорожно держась за шкаф одной рукой, а в другой сжимая бутылку, я попыталась отодвинуться от мужчины.

— Ты жив, — проговорила я. Из-за слез голос прозвучал глухо. — Как тебе удалось? — что вообще можно сказать человеку, которого любила и думала, что потеряла навсегда? Как себя вести, когда он восстает из мертвых, чтобы закончить смертельный танец, начатый год назад?

— Это не имеет значения, малышка, — произнес мужчина, касаясь моей щеки. Пальцы, затянутые в черную кожу перчаток, очертили линию скулы и стерли слезы со щек.

Возможно ли, что рана Паука была не смертельна? Он мог упасть, потерять сознание, но не умереть. Вот только сейчас это все не имело никакого значения. Стоя так близко от маньяка я понимала, что кошмар возвращается. Не так же важно, что было между нами, гораздо важнее то, что должно неизбежно случиться. Страх, липкий и неприятный, скрутился в животе тугой спиралью, а колени подгибались. Лишь остатки воли не давали упасть на пол, удерживая в вертикальном положении.

— Зачем ты пришел? — прошептала я, уже понимая, что знаю ответ.

Паук промолчал, продолжая почти невесомо ласкать нежную кожу. От этих прикосновений хотелось растечься мягким желе и позволить мужчине делать все что угодно. Это было опасное чувство, которое могущее стоить жизни. Времена, когда смерть казалось не таким уж плохим выходом, давно прошли. В том же, что нужно маньяку сомнений не возникало. Призрак или нет, но Паук вернулся, чтобы завершить нашу связь. Вопрос в том, что я могу сделать, чтобы этому помешать?

Лицо мужчины было всего в нескольких сантиметрах. Его ноздри трепетали, он обнюхивал меня словно зверь, чуть склонив голову на сторону. Длинные волосы спадали на

плечи, а темные глаза смотрели холодно и изучающе. Было в повадках Паука что-то кошачье. Невольно на ум пришла ассоциация с леопардом, готовящимся к прыжку.

— Ты прекрасно пахнешь, малышка, — прошептал мужчина и его ладонь спустилась ниже, проведя незримую черту по горлу. — Запах жасмина и страха, восхитительная комбинация.

Мое тело среагировало моментально, послав волну жара по всему телу. Я боялась Паука как никогда раньше, почти физически ощущая, как утекают драгоценные секунды, когда еще можно было что-то изменить, но в то же время безумно хотела его. Всем своим естеством хотела оказаться под ним, подчиниться сильным рукам, почувствовать уверенное движение внутри. Несколько ночей, проведенных вместе до сих пор отдавались в кончиках пальцев призраками оргазма. И только одна мысль, вспышкой пронесшаяся в мозгу остановила меня перед тем, как отпустить вожжи. Мария. Если Паук жив, то убийство его рук дело.

Ненависть разом смыла нахлынувшее было возбуждение. словно спала пелена, давая взглянуть на все под другим углом. Я смотрела прямо в темные глаза перед собой и понимала, что эти же глаза видела перед собой Мария в последние секунды жизни.

— Это ты убил Марию? — на этот раз мой голос зазвучал в полную силу. Ноги, до этого служившие не слишком то надежной опорой, налились силой.

— Я не убивал никого в последний год, малышка, — произнес мужчина серьезно.

— Тебя не было целый год, а вчера вечером я нахожу лучшую подругу с перерезанным горлом в луже собственной крови. А теперь ты приходишь ко мне домой и врешь прямо в глаза, — ярость придавала храбрости. Краем сознания я понимала, что нахожусь не в том положении, чтобы спорить, но пережитое действовало не хуже таблетки озверина.

Вместо ответа мужчина перехватил мои руки и вновь прижал спиной к шкафу. Бутылка виски упала на ковер с глухим стуком. Паук навалился так сильно, что ручки на дверце больно вдавились в поясницу, вызвав у меня невольный стон. Наши лица находились буквально в сантиметре друг от друга и в бледном свете я могла видеть только глубокие темные глаза напротив моих. Этот взгляд завораживал, теплое дыхание касалось лица, вновь пробуждая чувства. Еще одна отчаянная попытка вырваться с треском провалилась — маньяк с легкостью удерживал меня на месте, сжав запястья так сильно, что на утро наверняка останутся синяки.

— Я не убивал твою подругу, — почти прошипел Паук мне в лицо.

Жесткое колено вклинилось между ногами, а горячие губы впились в мои, полностью парализовав сопротивление. Мозг словно отключился, освободив место для ощущений. Долгие ночи я мучилась воспоминаниями о сводящих с ума прикосновениях, руках, скользивших по телу, о движении, что порождало самые потрясающие ощущения в жизни. Целый год целомудрия и самоедства исчез под напором чужого языка, прокладывавшего путь вперед, несмотря на отпор. Горячая волна поднялась изнутри и всего несколько секунд спустя я капитулировала. Борьба бесполезна, когда знаешь, что битву не выиграть.

Все вокруг исчезло, остались лишь мы. Вселенная словно растворилась. Не нужно было слов, чтобы понять, что Паук скучал. Обмякнув в стальной хватке, я позволила себе просто наслаждаться происходящим, отвечая на поцелуй и выбросив из головы остальное. Пальцы, сжимавшие запястья, чуть расслабились, позволив мне освободить руки и обвить плечи мужчины.

Но, как и все прекрасное, поцелуй в конце концов закончился и мир вновь оказался реальным. Мы еще касались друг друга губами в легкой, нежной ласке, но момент единения

уже прошел, а разум постепенно очищался от пелены забвения. По щекам вновь потекли слезы, которые Паук перехватил, едва они проторили дорожку на коже.

— Зачем ты пришел? — задала я вопрос, едва дыхание восстановилось. Мои руки дрожали от возбуждения и страха. Паук не убивал Марию. Но он все равно здесь, рядом, совершенно реальный. Значит, есть всего одна причина для его визита.

— Поговорить, — убийца отпустил меня и отошел к дивану. — Ты вроде бы собиралась открыть эту бутылку?

Я недоуменно посмотрела на виски, валявшемся на ковре и медленно кивнула. Можно было ожидать любого ответа, но поговорить? Значит ли это, что у меня появился шанс? В душе царил настоящий кавардак. Смерть Марии, возвращение Паука, возбуждение, страх, ненависть — такой коктейль не способствует размышлениям.

Достав два стакана с полки, я наполнила их и поставила на стол. Действия были автоматическими, в то время, как туман в голове и не думал рассеиваться. Поведение Паука как всегда выбивало из колеи, не давая ничего планировать. Мужчина расположился на диване, подогнув одну ногу под себя и небрежно облокотившись на спинку. Я передала один стакан ему, и наши пальцы на секунду встретились. От этого прикосновения по телу прошел новый разряд, отозвавшийся где-то в животе жаркой волной. Не к добру это. Так можно потерять бдительность и забыть, кто он на самом деле. И если в истории с мафией меня хранил его инстинкт собственника, то сейчас рассчитывать было не на что.

Я поскорее отошла от Паука и присела на диван, стараясь оказаться как можно дальше. Повисла тишина, разбавляемая лишь дыханием. Мужчина не торопился приступить к сути, пристально разглядывая меня, а я попросту не знала, что ему сказать. Поинтересоваться, как дела? Спросить, как он пережил собственную смерть? Наконец, я решилась задать вопрос, ответ на который точно хотела бы знать.

— Ты пришел, чтобы убить меня? — голос предательски сорвался в конце предложения.

— Нет, малышка, — Паук покачал головой и поднял бокал. — Пока нет.

— Тогда зачем?

Чтобы хоть как-то заглушить напряжение, я сделала большой глоток виски. Обжигающая волна прошла по горлу, заставляя закашляться так, что слезы на глазах выступили. Наверное, никогда не научусь пить правильно.

С противоположного конца дивана раздался смешок.

— Ты совсем не изменилась, — с долей нежности произнес Паук. Но в следующую секунду его тон поменялся, став ниже и нейтральнее. — Разве что, нашла себе мужчину?

Вот этого вопроса я не ожидала. Паука не было в моей жизни целый год. Год он позволял мне думать, что мертв и теперь, внезапно появившись в гостиной посреди ночи, спрашивает о новом любовнике? Конечно, мы с Гансом еще не переступили эту черту, но это уже не было так важно. Я могла предположить все что угодно, но только не банального визита ревности. По позвоночнику пополз холодок, заставивший передернуть плечами. Некстати вспомнился рассказ о его первой любви и фотографии последующих убийств. Нехорошо все это.

— Да, — ответила я, не видя смысла отрицать очевидное.

— Хм, — мужчина сделал большой глоток из бокала и аккуратно поставил его на столик.

Это тщательно контролируемое, сосредоточенное действие пугало. Паук сказал, что «пока» не собирается меня убивать, значит, этим вечером я в безопасности. Или это его

обещание распространяется лишь на ближайшие двадцать минут?

Несказанные слова повисли в воздухе. Это был редкий момент предельной ясности, когда разговор был не нужен, чтобы понять, что у каждого на уме. Возникнув из небытия, словно чертик из табакерки, Паук возвращается, чтобы узнать, встречаюсь ли я с кем-то. Целый год, мучительный, полный тоски год, его где-то носило, чтобы снова начать портить мою жизнь в тот момент, когда она было начала налаживаться. Ошибки, совершенные тогда до сих пор тяготили совесть. Конечно, меня извиняла экстремальная ситуация и постоянное балансирование на тонкой грани между жизнью и смертью, но все же... Все же, я переспала с маньяком убийцей, позволила себе влюбиться, а потом еще не один месяц оплакивала его кончину.

Горячее тепло алкоголя уже начинало лучиками расходиться от желудка, заменяя страх яростью. Злость заполняла душу постепенно, все больше распаяясь от каждой мысли о Пауке.

— Ты хотел поговорить только о моем новом кавалере? — спросила я, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрожал. Не сказать, чтобы после минувших приключений психика стала крепче. Скорее уж чувствительней. И сейчас ярость боролась в сердце со страхом, а от переполнявших эмоций тело начинало покрываться мурашками.

Одним движением Паук поднялся с дивана и двинулся ко мне. Я с ужасом смотрела, как он приближается, но почему-то не могла двинуться с места. Мужчина парализовывал одним только взглядом, словно удав, приметивший кролика. Сердце стучало, казалось, у самого горла. Ярость, второй раз за вечер, незаметно испарилась, оставив после себя только холод, поселившийся в желудке. «Бежать!» — кричал мозг, но сигналы не доходили до конечностей.

— Я скучал по тебе, малышка, — проговорил мужчина, остановившись в пол-шаге от меня. В этих словах не было ни капли тепла. Таким тоном можно зачитывать смертный приговор, но никак не признаваться в привязанности.

Ответить было нечего, в основном из-за того, что горло попросту перехватило от страха и волнения. Паук медленно наклонился вперед, отчего я непроизвольно подалась назад, с силой вжавшись в мягкую спинку дивана. Отступать некуда, бороться невозможно. Оставалось лишь ждать, что будет дальше.

— Целый год я старался забыть о тебе и отпустить. Ты не представляешь, как это тяжело. Мне пришлось многим пожертвовать, чтобы ты могла жить, — маньяк медленно проговаривал каждое слово и склонялся все ниже, упершись одной рукой в спинку дивана. В конце концов, наши лица оказались так близко, что стали видны блики в темных глазах. Мужчина стоял против света и казался демоном, сотканным из тьмы. — Видит бог, я пытался. Однако видеть тебя с мужчиной оказалось тяжелее, чем могло казаться. Вначале, мне хотелось убить его, а затем прийти сюда, чтобы закончить начатое, — голос Паука стал ниже и тише. Его пальцы нежно прочертили линию на коже горла, намечая место, куда мог бы прийти удар. — Тогда бы ты не смогла меня больше предать. К сожалению, малышка, я слишком привязался к тебе... живой.

Я смотрела в его глаза и понимала, что маньяк вернулся. За целый год воспоминания о его поведении успели почти стереться, потерять остроту в призме времени. Теперь все вернулось. Страх, смешанный с толикой болезненного желания и кристальное осознание, что Паук болен. Он настоящий серийный убийца и можно только поражаться тому, что мужчина столько времени держался в стороне.

Ладонь скользнула по горлу вверх и пальцы зарылись глубоко в волосы. Это прикосновение было интимным и вызвало неожиданное возбуждение. Паук только что признался в том, что хочет забрать мою жизнь, а вместо отвращения в теле вновь поселилось желание. Неправильное, болезненное, извращенное, оно пустило корни в животе и разрасталось вместе с невинной лаской теплых пальцев на коже головы, подпитываясь теплым дыханием, касавшемся щеки и сильным телом, нависавшим над моим.

— И что теперь? — голос сорвался на шепот.

— Теперь я готов пойти на уступку, — усмехнулся Паук. Его рука на секунду сжалась на волосах, а затем исчезла, оставив вместо себя исчезающий призрак тепла.

— Какую? — почему-то казалось, что ничего хорошего меня не ждет.

— Я оставлю тебя в живых, если ты перестанешь встречаться с другими мужчинами, — произнес убийца. Его глаза смотрели внимательно, готовые поймать любое движение.

Слова медленно доходили до сознания. Только что Паук запретил мне заводить отношения с кем-либо кроме него? Мысль оформилась и пелена возбуждения тут же начала спадать. Условие на первый взгляд не страшное, постепенно подвергалось обработке мозга.

— А если не соглашусь? — поинтересовалась я, пристально разглядывая линию тонких губ, избегая прямого взгляда в глаза.

— Тогда ты не оставишь мне выбора.

Паук опустился на диван рядом и притянул к себе. Я оказалась прижата лицом к его рубашке и не смогла удержаться, чтобы не вдохнуть чудесный травяной запах. Это объятие было таким домашним и уютным, что совсем не вязалось с предыдущим разговором. Маньяк вновь и вновь ломал любые представления, не давая ухватиться за постоянную эмоцию и выработать четкую позицию. В этот момент мне больше всего хотелось, чтобы секунды чудесной тишины и покоя длились вечно. Всю жизнь вдыхать этот запах, чувствовать невероятную тягу и получать в ответ горячее ответное желание. Вот только к чему этот самообман? Мечта никогда не станет реальностью.

— Ты... будешь жить со мной?

— Нет, малышка. Но я буду приходить.

Значит, приходящий муж. Или как его еще можно назвать? И я буду обречена провести всю жизнь с убийцей, трясясь от каждого шороха, ожидая его визитов, ограничив себя ради чего? Сомнительного счастья наслаждаться безумным сексом? Надежды, что Паук никогда не решится занести надо мной лезвие? Неужели он думает, что я соглашусь на это? На самом деле, какая-то часть меня хотела согласиться, хотела быть с ним, смирившись с прошлым и будущим. Но эту извращенную маленькую частичку себя я послала подальше.

— Я могу заложить тебя полиции, — мой задумчивый голос прозвучал особенно ясно в наступившей тишине. Руки Паука легко скользили по моим плечам, оглаживая и успокаивая. Волнения и в самом деле не было, разум полностью очистился, позволив, наконец, начать мыслить рационально.

— И как ты объяснишь им, что все это время покрывала убийцу? Нет, малышка, ты этого не сделаешь, — Паук тихонько засмеялся мне в волосы.

Это самодовольный смех поставил окончательную точку в размышлениях и я решительно выбралась из-под мужского тела. Маньяк не мешал, лишь наблюдал внимательным, колючим взглядом.

— Хорошо. Пусть будет по-твоему, только не трогай Ганса. Я... сама с ним порву.

Паук удивленно приподнял бровь. Я не стала изображать безумную радость. В конце

концов, он должен был понимать, что шантажом обожания не добьешься. Но такая легкая победа моего маньяка очевидно удивила.

— Налей нам еще виски, а я сейчас вернусь, — мой голос почти не дрожал, несмотря на то, что предстояло сделать.

Развернувшись, я почти бегом бросилась в туалет. Заперевшись на щеколду, полезла за бачок, где уже несколько месяцев хранился пистолет. События с участием бандитов и маньяка-убийцы научили меня многим вещам, в том числе и той, что оружие дома никогда не повредит. Руки тряслись, так что пришлось потратить еще несколько секунд на дыхательные упражнения. Вдох-выдох. Все будет хорошо. Я вышла из туалета, заткнув пистолет за пояс пижамных штанов. Под халатом его видно не было, так что можно было рассчитывать на внезапность.

Мужчина сидел на диване и пристально рассматривал жидкость в стакане. Его темные волосы растрепались, а на фоне освещенной спальни четко выделялся выразительный профиль. Если бы все сложилось иначе, я могла бы его любить. Увы. Он маньяк-убийца, а я всего лишь хочу нормальной жизни. И право на нее мне теперь придется защищать.

Встав перед Пауком я, слегка помедлив, выхватила пистолет. Дуло уставилось прямо в голову мужчины. Руки уже не дрожали, словно с началом действительно серьезного момента организм перестал выделять адреналин.

— А теперь убирайся из моего дома, пока не получил пулю, — охрипшим от волнения голосом потребовала я.

Паук не ответил, медленно поднеся бокал к губам. Похоже, он решил, что это блеф.

— Ты не слышал? — мой голос стал выше. Стоять вот так, наведя пистолет на живого человека было совсем непросто. Уже второй раз Паук находится в одной нажатии курка от смерти и второй же раз не боится. Игнорирование было хуже любой провокации, но я старалась не поддаваться панике.

— Ты стала гораздо интереснее, малышка, — внезапно улыбнулся мужчина, отставляя виски и поднимаясь на ноги.

Я непроизвольно попятилась, но тут же остановилась, так и не опустив оружие.

— Убирайся и никогда больше не появляйся в моей жизни. И если ты хотя бы посмеешь дотронуться до Ганса или кого-то, кто мне дорог, будь уверен, я сдам тебя полиции, даже если при этом сяду сама. И сделаю все, чтобы посмотреть на твое лицо при оглашении приговора.

— Когда-нибудь, ты будешь полностью принадлежать мне, — произнес Паук и от этого голоса мне стало жутко. Если бы мужчина стал спорить, что-то доказывать, угрожать, было бы проще. Но чертов маньяк выиграл и тут, просто констатировав очевидное.

Убийцы развернулся и двинулся к двери. Я настороженно шла следом, не решаясь отпустить взглядом подтянутую фигуру и снять его с мушки. Только запертая на все замки дверь позволила напряжению уйти и разжать судорожно сжатые на ручке пистолета пальцы. В этот момент тело словно лишилось опоры, а ноги налились неимоверной тяжестью. Из последних сил я проверила замки на окнах и только после этого позволила себе вернуться в спальню.

В темноте и тишине квартиры накатил эмоциональный откат, уже второй за этот вечер. Слезы сами собой заструились по щекам, а в груди появился противный ком. Появление Паука перевернуло все, что я так упорно строила последний год. Моя новая, не самая лучшая, но все же приличная жизнь летела в тартарары. Старая рана на сердце открылась и

болела так сильно, что хотелось кричать. Я любила Паука так сильно, как еще никого в своей жизни. Одержимость Дэни была ничем, по сравнению с тем, какие чувства вызывал убийца. Одно прикосновение лишало разума, заставляло желать сумасшедшей близости, совершенно не заботясь о последствиях. Мне хотелось раствориться в объятиях маньяка, согласиться на любые его условия, лишь бы так продолжалось все оставшуюся жизнь.

Но это была лишь иллюзия. То, что я сделала, было необходимо и продиктовано реальностью, а не больной фантазией. Невозможно строить жизнь с одержимым, который может прикончить тебя в любую секунду. Я бы просто не смогла знать, что на руках, скользящих по моему телу было столько крови. Однако, несмотря на логику, в душе было пронзительно пусто.

Когда кончились слезы я просто осталась сидеть на краю постели без единой мысли в голове. И только когда за окном забрезжил рассвет пришло осознание, как нестерпимо опухли глаза. Усталость, смешанная с оцепенением наконец взяли верх, позволив забыться, едва оказавшись под одеялом. Слава богу, в эту ночь мне ничего не снилось.

Утром я проснулась по привычному звонку будильника. Еще минуту полежала в кровати, пытаюсь понять, почему так болят глаза, а в животе свернулся тугой ком. Сны мне снились беспокойные. Их ошметки ускользали из сознания быстрее, чем я могла их остановить, но общее впечатление оставляли тоскливое. Бывает, приснится что-то такое неприятное и целый день ходишь под впечатлением. Но общая разбитость явно не имела отношения к кошмарам.

Я с трудом села на кровати, отметив, что заснула в халате. Такое со мной случалось нечасто. И эта то деталь разбудила наконец мозг, услужливо выгащивший на поверхность воспоминания о вчерашнем вечере. От одного только осознания, что в квартире был Паук меня прошиб холодный пот. Вскочив на ноги, я почти бегом бросилась осматривать комнаты. Паника взметнулась внутри неукротимой волной, затрудняя дыхание и придавая движениям лихорадочную резкость.

Квартира оказалась предсказуемо пуста. С другой стороны, неужели Паук бы вновь вломился сюда, поджидая пробуждения любимой жертвы с чашечкой чая на кухне? Разыгравшееся воображение тут же нарисовало маньяка в виде Безумного Шляпника в огромном цилиндре и страстью к перемене мест. С губ сорвался нервный смешок. Я с облегчением прислонилась лбом к зеркалу в коридоре, пытаюсь восстановить сбившееся было дыхание и нормализовать ход мыслей. Так, спокойно. Вчера мне удалось выгнать его под угрозой пистолета. Значит, все не так уж плохо. Вряд ли Паук отступится так просто, но начало положено. Остается только понять, что делать дальше.

Из спальни донесся второй звонок будильника, сигнализирующий, что настало время завтракать и собираться на работу. При мысли о конторе я вновь замерла, осознав, что из-за нежданного визита почти забыла о Марии. Смерть подруги, так сильно меня потрясая, практически смылась из сознания новой катастрофой. На глаза навернулись слезы, стоило лишь вспомнить уютные вечера, проведенные за бутылочкой вина и разговорами. Милая, добрая, всепонимающая Маша. Кто мог с тобой это сделать? Теория о причастности Паука разбилась ночью о стену его отрицания и отчего-то мне хотелось в это верить. Но если маньяк не при чем, то кто виноват?

Я прошла на кухню, чтобы заварить кофе. В любой непонятной ситуации пей кофе — эта заповедь неизменно держала меня на плаву все эти годы и никакие потрясения не были способны это изменить. Кофеварка, привезенная со старой квартиры послушно выплевывала крошечные кофейные струйки прямо в пол-литровую чашку. Горячий напиток отдавал легкой кислинкой — новый сорт, купленный в магазине, оказался на удивление неплох. Вот только никакая горечь не могла избавить от противного металлического привкуса на языке. Я отлично знала это ощущение — так чувствуется страх. Страх перед Пауком, страх за будущее, страх перед собственным бессилием. Боже, за что мне это? Неужели история повторится?

Холод, исходящий от сердца выстудил все существо. Стоя у окна на кухне, я держала ладони на кружке и никак не могла согреться. Сегодня солнечная осень решила, что хорошего понемногу и сменила сияющую роскошь на серые нищенские цвета. Небо затянуло низкими тучами, грозящими в любой момент пролиться дождем на землю. Пожелтевшие деревья из золотых превратились в грязно жухлые с беззащитно оголенными стволами. Если

подумать, то ровно год назад я также стояла у окна своего маленького, уютного гнездышка в Брно и размышляла о том, как быстро может пойти под откос отлаженная жизнь.

Готовности к приключениям в душе не было. Хотелось просто услышать звонок будильника, приподняться на локтях и с облегчением осознать, что произошедшее — лишь кошмарный сон. Что пора одеваться на работу, где Мария к моему приходу уже приготовит свежий кофе и принесет домашний пирог. Что можно еще разочек взгрустнуть, размышляя о смерти Паука, а затем начать придумывать, что же одеть на свидание с Гансом.

Присев за кухонный стол, я задумчиво вытащила из вазочки печенье. Что делать дальше? Делом Марии занимаются полицейские, с Пауком же придется разбираться самой. Вчерашний разговор оставил в душе неприятный осадок безысходности, а теперь к ней примешалась еще и тревога за Ганса. Маньяк знает моего нового бойфренда — значит тому грозит реальная опасность. Самое лучшее, что можно в данной ситуации сделать — расстаться. Это причинит мужчине боль, но по крайней мере уберезет от Паука.

Вот только что будет после этого? Я останусь один на один с чокнутым убийцей, который хоть и пообещал мне неприкосновенность, но все остается сумасшедшим маньяком. Печенье осыпалось крошками в стиснутых пальцах. Значит, придется бежать. Вновь бросить все, что дорого, бросить дело Центра, которым так болела Мария и заразилась я. Удариться в бега без особой надежды скрыться. Конечно, есть еще один выход, самый простой и очевидный — обратиться в полицию. Вот только после все тех же событий годичной давности доверия к сотрудникам органов было меньше, чем Пауку. К тому же, как объяснить сокрытие собственной причастности к этому делу?

Способность маньяка находить меня где угодно неприятно поражала. Раньше как-то не приходило в голову спросить, как же в самом деле мужчине удастся каждый раз оказываться рядом? Возможно, жучок на одежде? Или сверхъестественное чутье хищника, который не отступится от жертвы, пока не загонит в угол? Как бы то ни было, вполне вероятно, что придется прибегнуть к помощи полиции. И если Паука поймают, его ждет принудительное лечение в клинике, где из него сделают овощ, а затем на всю жизнь посадят под замок. Эта картина живо встала перед глазами. Йозеф, с потухшим взглядом и бритой головой, спеленутый в смирительную рубашку, на всю жизнь заключенный в крошечной одиночной камере. Была ли я готова нести ответственность за это? Конечно, готова. Он — убийца, не заслуживающий снисхождения. А также человек, которого я болезненно любила. И второе как-то незаметно перетягивало чашу весов, не давая прямо сейчас поднять трубку и набрать номер полиции.

Я сидела довольно долго, предаваясь невеселым размышлениям и рассеянно перебирая пальцами крошки от печенья. Из задумчивости меня вырвало ощущение ледяного кофе на языке и начинавшаяся легкая дрожь. Интересно, сколько прошло времени? Тонкий халатик почти не давал тепла, так что кожа покрылась мурашками от холода. Пришлось подняться с места и вернуться в спальню. Завернувшись в одеяло, я свернулась калачиком на постели, чувствуя, как возвращается тепло. Мысли все также теснились в голове, ситуация требовала выхода. Вот только как принять решение, когда так мало информации и так мало желания что-либо менять?

Одно я знала точно. Нужно порвать с Гансом. Это даст хотя бы призрачную надежду, что Паук его не тронет. И было бы глупо не признаться самой себе, что с таким весомым аргументом разрушать едва начавшиеся отношения было легко. По крайней мере легче, чем прекращать их из-за простого ощущения пустоты. Да, именно так и ощущались наши

свидания. Пустота. Холодная, вежливая, но не более. Никакого романтического трепета, бабочек в животе, эмоций. Просто он был симпатичным мужчиной, который хотел добиться моего расположения, а я — женщиной, которой было в общем-то все равно с чьей помощью переживать тяжелые времена. Это не отношения.

К сожалению, настоящее чувство в груди разжигал Паук. Чертов маньяк, разрушающий мою жизнь, одним только появлением в мыслях вызывал тянущее, почти болезненное ощущение внизу живота, а сердце начинало биться быстрее. Возможно, мне тоже пора на лечение в психушку?

Я еще немного полежала под одеялом, не спеша выбираться из теплого защитного кокона, собирая мысли в кучу и продумывая слова для Ганса. Не хотелось ранить мужчину, он не сделал ничего, чем мог бы заслужить такой резкий отказ. Конечно, будь возможность рассказать ему все, как есть, он бы понял и, возможно, даже восхитился бы моим благородством. К сожалению, так поступать нельзя и придется придумать другую причину.

Решившись, наконец, я отбросила одеяло в сторону и, накинув на плечи легкий плед, вышла в гостиную. Телефон лежал на тумбочке. Пальцы на секунду замерли над экраном, а затем осторожно набрали номер Ганса. Трубку мужчина снял сразу, словно ждал звонка.

— Кристи? Как ты?

— Довольно паршиво, — сил, чтобы улыбаться и поддерживать жизнерадостность у меня не было. — Но жить буду.

— У полиции уже есть какие-то предположения по поводу Марии?

— Не знаю. Я вчера ушла оттуда и больше не связывалась с ними.

— Ясно, — мужчина помолчал. — Хочешь, приеду?

— Знаешь, я тут подумала... Нехорошо вчера вышло со свиданием. Может, встретимся сегодня?

— Не сходи с ума. Тут такое случилось, а ты думаешь о свидании? — Ганс говорил взволнованно, словно ему и вправду было не все равно.

— Знаешь, мне нужно отвлечься. И поговорить, — я вздохнула, чувствуя, как в груди нарастает противный ком. Выяснить отношения не хотелось, равно как и ехать куда-то. Но от каждой минуты промедления может зависеть его жизнь, так что рисковать нельзя.

— Конечно. Тогда приезжай ко мне?

— К тебе? — я замешкалась на секунду. Возможно, в воображении Ганса возникло неправильное представление об утешении девушек, переживающих смерть подруги.

— На кофе. Обещаю, никаких приставаний. Просто мне кажется, что в домашней обстановке тебе будет уютней. Можешь даже заночевать, — мужчина зачастил и в голосе его было столько искренности, что даже сердце сжималось.

— Хорошо. Скажи свой адрес и во сколько можно подъехать?

— Давай, я сам тебя заберу? Скажем, встретимся у метро часов в семь и сразу поедem ко мне? Не хочу, чтобы ты в таком состоянии водила машину.

— Хорошо. Спасибо за заботу, — я слабо улыбнулась, хоть Ганс и не мог этого видеть.

— Ты — особенная. Как же тут не заботиться? — от тона, которым были произнесены последние слова по коже прошлись мурашки. И с этим человеком мне придется расстаться?

Положив трубку, я посмотрела на часы. Полдень. Еще чертовых семь часов до свидания, которые нужно чем-то занять. Возможно, уборка это то самое занятие, которое поможет отвлечься? Мысль оказалась в корне неправильной. Едва бросив взгляд на столик в гостиной я увидела два стакана и открытую бутылку. Атмосфера ночного разговора накатила вновь,

принеся с собой воспоминания о поцелуе и предложении Паука. Что будет дальше? Расстанусь с Гансом, приду домой — и что? Буду терпеливо ждать очередного визита маньяка? Нет, определенно нет. После того, как я выгнала его из квартиры не стоит надеяться, что мужчина останется благосклонен. Если уж вернется, то только чтобы закончить нашу трагикомедию.

Оглядевшись по сторонам, я представила, как вновь буду упаковывать в чемодан целую жизнь. Не так уж много ценного, если подумать. Мебель, одежду и безделушки можно купить и на новом месте. Главное взять альбомы, новый дневник, самые важные бумаги, даже в небольшую сумку поместится. От осознания этого стало еще паршивее. Складывалось впечатление, что с каждым днем все меньше ниточек меня связывало с реальностью, а со смертью Марии порвалась еще одна.

В конце концов время до вечера прошло в прострации. Я включила телевизор, но содержание дневных шоу просто проходило мимо сознания. С приближением назначенного времени нарастала нервозность — расставаться всегда тяжело, особенно если не можешь честно объяснить причину. Ожидание вылилось в лихорадочное желание выглядет на все сто. Механизм этой реакции я объяснить не могла, но руки уже сами потянулись к косметичке.

Два часа усилий увенчались смешанными ощущениями удовлетворения и легкого стыда. Из стеклянной глади зеркала скептически смотрела стройная блондинка в маленьком черном платье. Вырез был достаточно большим, чтобы преподнести грудь в самом выгодном свете, но еще не переступил границы пошлости. Мешки под глазами замаскировались тональным кремом, на глазах появились черные тени с блестками. Даже почти не видно, что белки покраснели, а веки опухли после ночной истерики. Мда, как-то чересчур вызывающе для последнего свидания. С другой стороны, Ганс может решить, что я стерва, раз так оделась, а это бы значительно облегчило мне задачу. Оставалось лишь накинуть кожаную куртку поверх, чтобы не замерзнуть и взять сумочку.

Как и договаривались, мы встретились возле метро. Под вечер воздух прогрелся настолько, чтобы гордо называться «не очень холодным», так что финишную прямую до места икс я прошла с распахнутой курткой, не скрывая платья. Ганс ждал у сияющего входа в подземку. Светлые волосы он уложил гелем на правую сторону, что вызывало ассоциации с дешевыми гангстерами из боевиков, но несмотря на это, все равно был потрясающе красив. Пока я приближалась, то успела перехватить пару оценивающих женских взглядов, направленных на него. Ревность нежданной волной взметнулась взметнулась внутри, тут же погашенная недовольством. Нельзя быть собакой на сене. В конце концов, через час другой мы вообще перестанем быть парой и было бы проще, если бы Ганс дал для этого хотя бы маленький повод.

— Привет, — мужчина осторожно обнял меня, словно боялся раздавить. На миг в голове мелькнула безумная идея рассказать ему про Паука. Никогда ведь не знаешь, как отреагирует человек на новости. Вот только, даже если Ганс не испугается, то что я буду делать с ним дальше? Любви между нами не будет никогда, а значит просто нечестно взваливать подобный груз на его плечи. — Ты даже в трауре восхитительна.

— Спасибо, — я не спешила освобождаться из теплого кольца рук. Такое простое прикосновение вызывало ощущение защищенности и спокойствия. Жаль, что это лишь иллюзия.

— Просто совершенство, — Ганс коснулся губами макушки. — Как ты?

— Жить буду. Ночью было хуже всего, но сейчас почти норма. Иногда тянет поплакать, так что ты не пугайся.

— Все нормально. Ты не передумала насчет кофе?

— Нет, ты же знаешь, я никогда не откажусь от кофейника другого.

Мужчина тихонько рассмеялся. Этот смех был таким мягким и уютным, что в него хотелось завернуться, словно в пушистое одеяло. Как жаль, что у нас не сложилось и уже не сложится. Я глубже зарылась лицом в грубую ткань пальто, вдыхая легкий аромат одеколona и пытаюсь спрятать слезы, вновь наворачившиеся на глаза.

— Тогда поехали? — Ганс осторожно отстранил меня от себя и наши взгляды встретились. От выражения его глаз защемило в сердце, так много в них было восхищения и искренней тревоги. Нужно быть сильнее. Если этот человек хоть немного мне дорог, то нужно его защитить от Паука. И не важно, что душа при этом совершает кульбит, а желудок сводит от страха и чувства вины.

— Конечно. Надеюсь, у тебя найдутся печеньки? — я улыбнулась и отступила.

— Разумеется. Я давно готовлюсь к твоему визиту, так что у меня не только печеньки припасены, — мужчина внезапно подмигнул и широко улыбнулся. Глядя на это веселое лицо невозможно было удержаться от ответной улыбки. — Ну вот, теперь ты хоть немного повеселела.

— Поехали. Умираю, как хочу кофе.

Как и обещал, Ганс накормил меня печеньем. Сидя в гостиной его скромного домика, я с любопытством рассматривала обстановку. Комната была оформлена в кантри-стиле, что значит максимум деревянной мебели, шкуры неведомых зверей на полу и креслах, да куча безделушек на полках. В целом, интерьер оставлял ощущение уюта и спокойствия. Единственное, что не давало покоя, это необходимость предстоящего разговора. Чем дольше мы сидели на диване перед камином, тем больше росло тоскливое ощущение неотвратимости, щедро сдобренное хорошей порцией вины.

Может, не стоит ничего делать? Попрошаться с Гансом, приехать домой, поднять трубку и рассказать полиции, что знаю? Известно мне настолько много, что Паук даже не успеет опомниться, как окажется за решеткой. Когда-то, в один из тоскливых вечеров меня посетило желание найти на карте все места, по которым нам с маньяком довелось проехать. И, составляя маршрут, я неожиданно наткнулась на поселок, где находился дом Паука. Виртуальная экскурсия по улицам все подтвердила. С тех пор мне несколько раз хотелось съездить туда, но что-то останавливало, то ли страх, то ли боязнь, что воспоминания оживут, вновь затянув в душные объятия депрессии.

— Кристи? Все в порядке? — голос Ганса прорвался сквозь пелену мыслей, возвращая в реальность.

— Да. Да, в порядке, — сморгнув, я еще раз взгляделась в лицо мужчины перед собой и поняла, что пора. Как говорила бабушка, не тяни kota за хвост. — Мне нужно тебе кое-что сказать. Только, пожалуйста, постарайся понять.

— Хорошие разговоры такими словами не начинаются, — радость с лица Ганса исчезла, словно лампочка выключилась. Сердце кольнуло болью от того, что я стала причиной этой перемены. Но уж лучше так, чем смерть от ревнивца-маньяка.

— Помнишь, я говорила тебе, что когда-то состояла в отношениях и тяжело переживала разрыв? — такой разговор действительно был. В один из вечеров на меня напала особенная откровенность и Ганс кое-что узнал, разумеется в адаптированном варианте.

— Теперь припоминаю, — чуть раздраженно проговорил мужчина, резким движением поправляя светлую прядь, упавшую на лицо. — Только не говори, что он вернулся и хочет тебя вернуть.

На секунду внутренности скрутились в узел — откуда Ганс мог узнать? Но в следующий момент пришло осознание, что это всего лишь предположение, вызванное подозрением. Проблема в том, что он почти попал в точку. Да, стоило подумать над этим разговором подольше.

— Нет. Дело не в этом. Понимаешь, когда умерла Мария... Я просто поняла, что еще не готова к новым отношениям. Это не принесет счастья ни тебе, ни мне, — произнося эту ложь я почти в нее верила. Действительно, какие тут новые отношения, когда старые вернулись и настойчиво требуют внимания?

— У тебя просто тяжелый период, — Ганс протянул руку, чтобы коснуться, но я отстранилась. — Я все понимаю. Мы можем взять паузу, пока все не закончится.

— Нет. Это не просто тяжелый период, просто... просто все не так. И дело не в тебе, — боже, я это сказала. Самая избитая фраза всех времен.

— Постой, — Ганс поднял руки, словно сдаваясь. — Ничего не говори. Я знаю, сейчас тебе это кажется хорошей идеей, но...

— Ганс, все кончено, — я постаралась вложить в эти слова как можно больше уверенности, которой не было и в помине. Сердце стучало, кровь прилила к щекам. — Сегодня мы видимся в последний раз. Ты очень хороший, просто для меня еще не время.

Мужчина ничего не ответил, глядя куда-то в сторону. Было видно, как эмоции борются на его лице. Гнев, сожаление, удивление — все смешалось и уже не понять, что же выражают глаза. Наконец, мужчина взял себя в руки и глубоко вздохнул.

— Если ты уже все для себя решила, то спорить бессмысленно. Но я не хочу с тобой расставаться. По крайней мере, мы можем оставаться друзьями?

— Не думаю, — я покачала головой, внутренне переживая настоящий шторм. Люди не бывают такими хорошими, как он. А потому получается вдвойне подло. — Прости.

— Что ж, — Ганс поднялся с дивана и прошел на кухню, туда, где начинал закипать чайник. — По крайней мере, останься со мной хотя бы еще на полчаса и Расскажи, что тебя к этому решению привело.

Такого рода предложение было последним, что можно было бы ожидать от человека, которого только что бросили. Как ему удастся быть таким спокойным? Или это специальная тактика, чтобы путем блестящих рассуждений убедить меня в ошибочности принятого решения? Как бы то ни было, пришлось согласиться. Ганс жил на отшибе, приехали мы на его машине, так что не стоило ссориться, ведь ему еще обратно меня везти или придется выложить кругленькую сумму за такси.

— Держи, — мужчина уже протягивал новую чашку. — Этот сорт ты еще не пробовала.

— Спасибо, — я вдохнула ароматный пар. К запаху кофе примешивалась сладковатая нотка, действительно, необычно.

— А теперь Расскажи о Марии и почему ты думаешь, что мне не место в твоей жизни? — Ганс вновь устроился на диване. Было ясно, что без детального объяснения мужчина меня не отпустит. Что ж, это по-своему честно. По крайней мере, не бесится и не устраивает истерик.

Большой глоток из чашки оставил терпкое послевкусие на языке. Очень неплохо. Хоть что-то этим вечером приносит удовольствие.

Следующие полчаса превратились в сплошной поток сознания. Как оказалось, мне было необходимо выговориться, просто выплеснуть накипевшее. Как всегда при воспоминании о произошедшем с Марией на глаза наворачивались слезы. Мужчина внимательно слушал и не перебивал, словно выжидая, когда слова кончатся сами собой. Я была ему благодарна за это молчаливое понимание. Немногие люди могут так внимательно слушать. Чем больше я плакала, тем сильнее накатывала сонливость. Наверное, нервное напряжение достигло своего пика, потому что глаза буквально закрывались.

— Пойду принесу тебе новых салфеток, — Ганс поднялся с дивана и вышел из комнаты.

Я откинулась на мягкую спинку и прикрыла глаза. Как же жаль, что все у нас так заканчивается. Нужно уже попросить его отвезти меня домой. Вот только подремлю две минутки. На этом мозг отключился окончательно и погрузился в пучину тягостного сна.

Очнулась я от холода. Мышцы сводило судорогой от неудобного положения, сильно болела голова. Веки налились свинцовой тяжестью и глаза удалось открыть далеко не с первой попытки. Да уж, лучше бы не пыталась. Я лежала на сером бетонном полу. Вокруг, насколько позволял увидеть нынешний угол обзора, не было ничего, кроме темных коробок в отдалении и каких-то шкафов.

Последнее воспоминание — кофе в гостиной у Ганса. А потом... Что же было потом? Вроде бы, я решила немного вздремнуть, а проснулась уже тут. Ужас поднял мерзкую голову, лишая способности связно мыслить. Что происходит? Где я? Страх прогнал сонливость и выпустил дозу адреналина в кровь. Попытавшись подняться, я поняла, что не могу. Препятствием оказалась металлическая цепь, обвязанная вокруг лодыжки, второй конец которой крепился к массивному кольцу, намертво впаянному в бетон пола. На руках обнаружился аналогичный агрегат, только крепившийся к другому кольцу.

Присев на пол, я обхватила руками колени и попыталась успокоиться. Несколько глубоких вдохов, подумать о бескрайнем океане... В конце концов, я все еще жива, все части тела при мне и ничего не болит. Первым делом нужно оценить обстановку и понять, что вообще происходит. Судя по всему, это подвал. Окон не видно, единственный источник света — тусклая лампа под потолком. Вдоль стен металлические стеллажи с какими-то инструментами и пакетами на полках. Позади — металлическая дверь с глазком. По всей видимости, это единственный выход отсюда. Скверно.

Меня приковали прямо посередине помещения таким образом, чтобы длины цепи хватало лишь на то, чтобы встать на четвереньки. Кое-как приняв устойчивую позицию на коленях, я попыталась подергать цепи. Бесполезно. Металл не поддавался и не было ничего, чтобы его подцепить. Лишь на самих металлических браслетах темнели узкие замочные скважины.

На мне все еще было вчерашнее вечернее платье, слишком открытое и легкое для сидения на полу. Холод от бетона проникал, казалось, в самое сердце. Или это был страх? Что же, нужно попытаться включить логику. Болящая голова ситуации не улучшала, но тем не менее мысли постепенно собирались в кучу. Если последнее воспоминание связано с Гансом, то рационально будет предположить, что именно он меня сюда и упрятал. Вот только зачем ему это нужно? Новый маньяк для Кристи? Неприятная мысль остро кольнула душу. Маньяк... Сначала Паук, теперь Ганс? Не много ли безумных убийц на одну меня? С другой стороны, пока ничего нельзя сказать наверняка. Возможно, Ганс здесь вообще не при чем. Разве может такой человек, как он кому-то причинить вред? Мерзкий голосок внутри тут же зашептал, что может. Не зря же наши отношения так и не перешли на стадию

двухголового зверя. Возможно, его возбуждают совсем другие игры...

Я потрясла головой, пытаясь избавиться от устрашающих образов, чем заработала очередную вспышку боли. Ситуация вызывала острое ощущение дежа-вю. Вновь обездвиженная и во власти непонятно кого. Что же теперь делать? Ждать, пока придет неведомый тюремщик и тем временем медленно зарабатывать воспаление легких? Ну уж нет. Решили девушку изнасиловать, так насилуйте, а не томите.

— Эй, там! Выпустите меня отсюда! — мой голос отдался эхом под потолком.

Никакого ответа не последовало. В какой-то момент нахлынул иррациональный страх, что никто не придет. Меня просто запрут здесь и забудут. Но какой в этом смысл? Если кто-то потратил столько усилий, чтобы одурманить, а затем затащить жертву сюда, значит, он вряд ли собирается просто забыть о пленнице. Какими бы ни были его, ее или их планы, скоро они станут явными.

Долго скучать не пришлось. За дверью раздался звук шагов, шорох. Затем, с сухим щелчком, дверь распахнулась. И в эту секунду пришло озарение. Почему-то, подозревая Ганса, я совсем выпустила из вида самый очевидный вариант.

Сердце забилось с удвоенной скоростью, выпуская волны адреналина в кровь. На пороге стоял Паук. Его фигура четко выделялась на фоне ярко освещенного проема. Заморгав, я смахнула выступившие от света слезы и прищурилась, пытаюсь разглядеть лицо маньяка. Мужчина шагнул в комнату и аккуратно прикрыл дверь за собой. Помещение вновь погрузилось в полумрак, отчего глазам стало легче.

— С добрым утром, Кристина, — убийца сделал шаг вперед.

Взгляд еще не успел разобрать черты лица, но по голосу стало понятно, что возбужденное воображение сыграло со мной шутку. Это не Паук, а всего лишь Ганс. Мужчина был одет в кожаную куртку и джинсы — любимый наряд Паука — что собственно и ввело меня в заблуждение. Значит, в происходящем все же виновен экс-бойфренд. Вопрос только в том, что ему нужно?

— Доброе утро, — медленно произнесла я, пытаюсь начать диалог. В такой ситуации нет ничего хуже молчания. Страх почти осязаемым комом подступил к горлу, отчего голос напоминал сдавленный хрип.

— Доброе, — тон Ганса был ровным и дружелюбным, как всегда. — Голова не болит?

— Болит, — согласилась я. — Что происходит? Почему я прикована к полу?

— Какая деловая, — мужчина улыбнулся и сделал еще несколько шагов вперед, оказавшись прямо надо мной. Эта позиция вынуждала высоко задирать подбородок, чтобы смотреть ему в глаза. — Никакой светской болтовни, сразу к делу.

— Отпусти меня.

— Не могу, — покачал головой Ганс. — Прости, но ты никогда уже отсюда не выйдешь.

— В каком смысле? — мысли перемешались, не желая выстраиваться в единую цепочку. Лихорадочное возбуждение вызвало непроизвольную дрожь, которая не укрылась от взгляда мужчины.

— Тебе должно быть холодно. Здесь где-то должно быть старое одеяло, — Ганс отвернулся к стеллажам.

В свете тусклой лампы светлые волосы отливали сталью. Теперь, когда я увидела его со спины, то заметила рукоять пистолета, небрежно засунутого в задний карман джинсов. Если мне удастся освободиться, то можно выхватить пистолет и выбраться отсюда. Вот только как избавиться от цепей?

Мужчина пол-минуты погремел чем-то у стеллажа и вернулся с пыльным одеялом, которое осторожно, стараясь не приближаться больше необходимого, накинул на мои плечи. Стало немного теплее, но никак не спокойнее.

— Ганс, что происходит? Почему я в цепях?

Догадок было много и ни одной обнадеживающей. Самая вероятная — Ганс разозлился, что я бросила его, так и не допустив к телу и теперь собирается наверстать упущенное. Смущало только наличие цепей, вмонтированных в бетонный пол. Такое за ночь не сделаешь, здесь налицо серьезная подготовка. Значит, план созрел не сразу, а был заранее продуман до мелочей. От этой мысли становилось еще страшнее.

— Теперь ты принадлежишь мне, — просто ответил мужчина и улыбнулся. Это была все та же обезоруживающая улыбка простого парня, совершенно не подходящая к данной ситуации.

Ганс сунул руки в карманы джинсов и повернулся боком, так что его профиль попал в круг света потолочной лампы.

— И что это значит?

— Мы будем делать то, для чего познакомились, — мужчина начал неторопливо вышагивать передо мной. Три шага вперед, разворот на пятке, три назад. Очень нервирующе.

— Запер в подвале, чтобы изнасиловать? Очень храбрый и благородный поступок, — несмотря на бравату, я чувствовала, как страх внутри перерастает в ужас и избавиться от него уже не получалось. Сейчас сила на стороне Ганса и совершенно непонятно, как это изменить.

— Думаю, тебе что-то говорит имя Паук.

Смена темы была настолько неожиданной, что удивление даже переселило панику. При чем здесь Паук? Ганс знает о нашем знакомстве? Или же он действует по наводке маньяка?

— Видишь ли, я всегда хотел быть художником, — продолжил мужчина, остановившись передо мной. — Но ничего не выходило. Не было образования, вдохновения, таланта в конце концов. Все шло к черту. Знаешь ли ты, как тяжело заниматься тем, что тебе не нравится? Быть примерным клерком, когда внутри сидит беспокойный творец? В моей мастерской сотни кистей, тысячи набросков, не стоящие даже бумаги, на которой нарисованы.

Ганс на минуту замолчал и я видела, как исказилось ненавистью его лицо. Его исповедь оказалась неожиданной и вселяла еще большую неуверенность.

— Ничто не приносило результата. Я художник, который не может творить! Душа болела, требуя искусства и ничто, совершенно ничто не помогало. Но однажды мне улыбнулась удача. Год назад я нашел идеальный холст.

Шестое чувство подсказывало, что ничего хорошего дальше не последует. Ужас постепенно обхватывал ледяными пальцами сердце, мешая нормальному его движению.

— Около года назад на парковке у придорожного кафе валялась тетрадь, — продолжал Ганс, пристально глядя мне в глаза. — Не знаю почему я подобрал ее, видимо, веление судьбы. Это оказался дневник, принадлежавший молодой женщине. Я прочел его захлеб, всего за несколько часов. Столько интересных подробностей! Но самое интересным оказались письма под обложкой.

Последняя фраза вспышкой отдалась в мозгу, воскресив в памяти события годичной давности. Письма? Неужели Гансу в руки попали мои дневники, выпавшие во время той истории с побегом от Александра и допросом?

— Записки адресовались автору дневников, — Ганс внимательно следил за моей реакцией и продолжал историю с удовлетворенной улыбкой на губах. Теперь мужчина вовсе не казался привлекательным. Безумие исказило его черты, сделав почти отталкивающими. — Они воспевали ее красоту, нежность кожи, тонкий аромат... И в тот момент я понял, что нашел свой идеальный холст, — лицо собеседника осветилось мечтательной улыбкой, от которой по спине поползли мурашки.

— Что может быть лучше, чем самое прекрасное творение природы? Какой материал самый податливый и благодарный? О, да, именно тогда я понял, что способен сотворить шедевр, но не на бумаге.

Ганс замолчал, запрокинув голову к свету. Скользнув взглядом по его фигуре, я поняла, что рассказ его возбуждает. Явное свидетельство тому непреклонно бугрилось в районе ширинки, вызывая стойкое отвращение. Цепи давали немного свободы, так что я отодвинулась от мужчины настолько далеко, насколько могла. Тюремщик, казалось, не

обратил на шевеление никакого внимания, погруженный в собственные мысли. Приоткрыв глаза, он продолжил:

— Потребовалось совсем немного времени, чтобы сопоставить факты и понять, кто автор этих записок. Статьи в газетах, интернет-сообщества поклонников Паука... Когда я понял, что дневник принадлежит последней намеченной жертве знаменитого маньяка, то почти расстался с надеждой найти ее. Это означало поражение — нет холста, нет шедевра. Но внутреннее чутье заставило продолжить поиски женщины.

Я слушала монолог безумца и понимала, что жизнь сыграла со мной очередную шутку. Ну почему, почему пропавшие дневники нашел именно Ганс? Как же глупо дрожать от страха перед одним маньяком и не подозревать, что тобой вовсю увлекается другой. Господи, у меня что, феромоны особые, которые привлекают опасных сумасшедших?

— В конце концов я нашел тебя. Признаюсь, времени это заняло немало, но кое-какие зацепки оказались в дневниках. Как оказалось, ты не только жива, но и живешь почти в соседнем городе! Наше знакомство не было случайностью. Я долго наблюдал, выжидал удобного момента, узнавал все, что можно узнать и только после этого рискнул подойти.

— Тогда зачем была нужна игра в отношения? — задала вопрос я, совладав, наконец, с голосом. — Ты мог пригласить меня домой и раньше.

— О нет, Кристи, разве можно лишать себя возможности как следует познакомиться с будущим полотном? — последнее слово вонзилось в сердце острейшим ножом. Не человек, не разумное существо, всего лишь говорящее полотно. Ненависть поднялась из глубин души, немного притупляя страх. Это было хорошо, потому что прочищало мозги и позволяло эффективней думать.

— А когда я решила с тобой расстаться, ты понял, что другого шанса не будет?

— Да, — подтвердил Ганс, опускаясь передо мной на корточки. Вздувшаяся ширинка оказалась перед глазами и отвращение усилилось до тошноты. — Время пришло. Сегодня мы начнем работу над произведением, которое прославит нас на века.

— Что ты собираешься делать? — я замерла и даже почти перестала дышать, понимая, что сейчас прозвучит самое главное.

— Я создам настоящий шедевр на твоей коже. Мона Лиза, Кричащий человек, все это померкнет по сравнению с силой таланта настоящего творца.

— На... коже? — я чуть выдохнула, когда поняла, что с языка Ганса не слетело ничего, похожего на «смерть» и «убийство». Может, все еще обойдется? — Ты собираешься сделать татуировки?

— Не совсем. Ты когда-нибудь видела, как работают резцы по дереву?

Еще не успев как следует понять, я помотала головой. И только глядя на полное предвкушения лицо Ганса поняла, что именно он произнес. Мужчина любовался реакцией словно мать первыми шагами ребенка.

— Поясни, — разом пересохшие губы слушались с трудом.

— Я вырежу картину на твоём теле. Высеку потрясающий сюжет, используя бархат кожи, багрянец крови и белизну костей. Совершенное творение! Только подумай, как это будет выглядеть. Разве не волшебная идея? Ни одна краска не передаст сочной глубины раны, ни один камень не отразит выражения лица лучше его самого!

— Нет, — выдохнула я и в панике попыталась отодвинуться от Ганса. Цепи с грохотом скользнули по бетонному полу и натянулись, не давая пошевелиться. — Нет, не трогай меня! — мой голос сорвался на визг и мысли разом покинули голову.

— Ну-ну, не стоит бояться. Это тело послужит полотном для нового гения, — голос мужчины стал заигрывающим. — Ты станешь знаменитой! Подумай только, твое имя будет на устах поколений! Возможно, им повезет и тело будет выставлено в музее. Шедевром нужно любоваться, пусть даже и через толщу формалина.

Слова маньяка доходили до сознания сквозь густую пелену слепящего ужаса. Волны ужаса накатывали одна за другой, вызывая крупную дрожь. Цепи не поддавались, выхода не было. Что же будет? Неужели это конец? По щекам текли горячие слезы и я просто мотала головой, не в силах что-либо сказать.

— Не плачь, Кристина. Делать что-то важное всегда страшно.

— Может, я не хочу быть знаменитой? — слова едва прошли сквозь сжавшееся горло.

— Давай не начинать бессмысленный спор. Утри слезы. Тебе нечего бояться, ведь ты даже ничего не почувствуешь, — Ганс дотронулся до моей щеки и от этого прикосновения к горлу подкатила волна тошноты.

— Значит, ты сейчас убьешь меня?

— Нет! Резать по мертвому совсем неинтересно. Кожа должна быть жива и дышать, так, чтобы кровь бежала по венам. Но крики боли отвлекают от работы, да и твои мучения не входят в мои планы. Так что я кое-что приготовил.

Мужчина легко поднялся и отошел к стеллажам. Пистолет вновь сверкнул в свете лампы, даря незримую надежду. Выбраться, только бы выбраться! С одной из полок, заставленных непонятными бутылками, Ганс достал флакон из темного стекла и демонстративно поиграл им на свету.

— Пара инъекций — и никакой боли. Более того, ты даже сможешь понаблюдать, как я создаю шедевр.

— А потом ты меня отпустишь?

Прикованная к полу, одинокая, беспомощная, наедине с настоящим психом я ощущала беспросветное отчаяние. И если раньше мне казалось, что можно обмануть судьбу, что-то сделать, убежать, то теперь это чувство испарилось, оставив только тоскливый ужас.

— А потом тебе придется умереть, — подытожил мужчина, возвращая баночку на место. — Я законсервирую свой шедевр в формалине и позабочусь, чтобы мир проникся нашим величием, — эта спокойная уверенность не оставляла места надежде. Можно лишь молиться, чтобы смерть моя была быстрой и легкой. Сомнений в том, что она наступит, у не было.

— Ты больной убудок, — прошептала я тихо.

— Гений всегда вызывает отторжение у простых обывателей, — просто ответил Ганс, вновь приближаясь ко мне. В его руках поблескивало что-то металлическое, похожее на ошейник. — Я не в обиде. А теперь, Кристи, мне уже не терпится приступить к работе.

Мужчина обошел меня сзади.

— Будь хорошей девочкой и посиди спокойно. Начнешь делать глупости, вкачу дозу транквилизатора, — предупредил он.

Я ничего не ответила, замерев в напряженном ожидании. Одеяло, все еще согревавшее плечи, полетело на пол, а к горлу прикоснулась холодная сталь. Ганс защелкнул ошейник и отпустил цепь, легко скользнувшую вдоль спины.

— Что ты делаешь?

— Сейчас пойдем купаться, — ответил Ганс. — Сначала тебя надо отчистить.

Теперь теплые пальцы что-то делали с широкими браслетами на запястьях. Мужчина

завел мои руки за спину и соединил цепь с ошейника с наручниками. В последнюю очередь он соединил оковы на ногах таким образом, чтобы длины цепи хватало на один шаг, но не на активные передвижения. Мелькнули ключи, щелкнули замки в бетоне — и я поняла, что теперь могу подняться. Вот только время, долго проведенное на холодном полу и дополнительный вес железа не благоприятствовали равновесию. Ганс пришел на помощь, поддерживая под руки и буквально поставив меня на ноги. Несмотря на близкий контакт, мужчина старался сохранять дистанцию, словно опасаясь, что я выверну руку под невероятным углом и попытаюсь его достать.

— Пойдем, — мучитель потянул за цепь, принуждая следовать за ним.

За дверью оказалось так светло, что я прищурилась и на минуту потеряла ориентацию, в то время как ноги автоматически шагали в заданном направлении. Обуви не было, так что босые ступни чувствовали каждую песчинку на полу. Когда же глаза, наконец, адаптировались, то я смогла рассмотреть помещение, в котором оказалась.

Новая комната отличалась от предыдущей как размерами, так и обстановкой. Окон здесь не было, но свет обеспечивали яркие галогенные лампы под потолком. Серые стены в некоторых местах покрыты дешевым белым кафелем. В ближайшем к двери углу располагался большой поддон, над которым крепился покрытый известковым налетом душ. Следы ржавчины виднелись кое-где на стене и эмали. Неплотно прикрытый вентиль пропускал капельки воды, с характерным звуком срывавшимся в полет и опускавшимся на поддон. Одну из длинных стен закрывали огромные закрытые шкафы из некрашеного дерева. Вдоль другой на уровне пояса располагалась длинная металлическая полка, на которой в безукоризненном порядке выстроились блестящие инструменты и ванночки. Однако мой взгляд приковал к себе огромный операционный стол, разместившийся посреди комнаты. Он блистал в свете ламп словно артефакт из фильмов ужасов. В некоторых местах к нему крепились ремни, сейчас свободно висящие по сторонам и чуть зашевелившиеся от нашего приближения. Об их предназначении было легко догадаться.

В воздухе повис противный запах хлорки и чего-то еще, что нос определить затруднялся. Ганс запер за мной дверь и опустил ключ в карман джинсов. Здесь было так тихо, что слышно было даже дыхание. Казалось, еще немного и начнет отдаваться эхо от лихорадочно бьющегося сердца.

— Иди сюда, — мужчина потянул меня к душевому поддону.

Внезапно пришло осознание, что дальше он потребует снять одежду. Ощущения смущения и негодования даже на фоне реальной опасности нисколько не померкли. Можете резать, бить, убивать, но не заставляйте раздеваться перед незнакомцами! Но что я могу сделать? В ситуации, когда сила не на твоей стороне, можно лишь притвориться покорной и выждать подходящего момента, чтобы что-то изменить. Вот только предоставится ли оный?

— Я могу раздеться сама, — тихо предложила я, отчасти в попытке избежать окончательного унижения и отчасти в крошечной надежде воспользоваться ситуацией.

— Для этого мне бы пришлось освободить тебе руки, — проговорил Ганс, возыщийся с молнией платья на спине. Та в конце концов поддалась и ткань соскользнула вниз, к ногам. — Прости, но я достаточно почерпнул из дневника, чтобы понять — ты не сдашься просто так. Так что придется потерпеть, — голос маньяка звучал почти мирно. Если бы не ситуация, можно было бы подумать, что мы сидим в кафе за чашкой кофе.

Я промолчала, понимая, что спорить бессмысленно. Лифчик без бретелек так же беспрепятственно отправился на пол. Кожи груди коснулся прохладный воздух. Ладонь

Ганса легко огладила мое обнаженное плечо, спустившись ниже. Пальцы легко пощекотали сосок, а к ягодицам на секунду прижалась горячая выпуклость, все еще скованная тканью. От этих касаний меня передернуло и ужас нахлынул новой волной. Ганс издал тихий смешок, очень мужской и интимный, отчего стало еще хуже.

На мне все еще оставались колготки и трусики. Если учесть, что ноги скованы цепью, то есть только один способ снять их, не возясь с замками. Холодное лезвие на миг прижалось к коже и ткань трусиков поддалась под напором. То же самое случилось с другой стороны, так что белье превратилось в тряпку. Колготки разорвались по всей длине ног с легким треском и невесомой вуалью опустились к ступням, оставив полностью обнаженной.

— Вставай в поддон, — скомандовал Ганс. На миг мне захотелось взбунтоваться, но воспоминание об угрозе укола транквилизатора заглушило вспышку неповиновения.

Я послушно выполняла все указания и пыталась абстрагироваться от происходящего. Выходило плохо. Теплая вода лилась по телу, хотя бы немного согревая, но вот руки Ганса, скользящие по коже, то и дело задевающие груди и неуклонно стремящиеся к низу живота спокойствия не добавляли. Неужели еще вчера мужчина казался мне привлекательным? О чем я только думала? Уж точно не о том, что он может оказаться маньяком.

Пытка мытьем окончилась довольно быстро. Ганс на скорую руку меня вытер и даже накинул на плечи халат, висевший тут же на крючке. Халат был медицинским, из белого плотного хлопка и почти не грел.

— Ганс, пожалуйста, не надо, — тихо попросила я, глядя прямо в глаза своему мучителю. — Что я тебе сделала, чтобы заслужить такую смерть?

— Ты не понимаешь, — на секунду на его лице проявилась нежность. — Это не смерть, но вечность. Что значит простая человеческая жизнь на фоне неувядающей веками славы? Твое тело никогда не сгниет в могиле и останется навеки прекрасным. Обещаю, больно не будет.

Маньяк вновь потянул меня за собой, прямо к сверкающему столу. В этот момент нервы не выдержали. Я рванулась в сторону, забыв о цепи на ногах и тут же рухнула на пол. По щекам текли слезы, паника застилала глаза.

— Еще одна выходка и я погружаю тебя в сон, — предупредил Ганс, рывком поднимая на ноги. — Удачно упала, ни царапины.

В последней фразе звучала откровенная озабоченность. Так волнуется автовладелец, не появилась ли на новой машине первая царапинка. Господь, есть ты существуешь, помоги!

— Пожалуйста, — вновь прошептала я, пока сильные руки укладывали меня на стол лицом вниз. — Меня будут искать и придут сюда. Просто отпусти и я никому ничего не расскажу.

— Искать тебя некому. С Марией покончено, а больше близких у тебя нет, — равнодушно проговорил Ганс.

— Это ты убил Марию? — упоминание имени подруги навело на подозрения. Если ее не убивал Паук, то в свете открывшихся обстоятельств мотив мог быть лишь у Ганса.

— Никаких больше разговоров, дорогая. Мне нужно настроиться, — оборвал беседу маньяк.

Мужчина зафиксировал мои ноги на столе с помощью ремней, а затем расцепил руки и привязал их к специальным креплениям. Совершенно обнаженная, я лежала на животе и не могла ни пошевелиться, ни увидеть, что делает Ганс. С моего угла обзора можно было понять, что он отошел к полке. Металлический лязг по полу — и в поле зрения оказался

высокий металлический столик на колесиках, с разложенными на нем инструментами.

Ганс оказался одетым в халат, а на руках его красовались голубые хирургические перчатки.

— Сейчас будет немного больно, — сладким, словно у врача в педиатрии голосом, произнес он, доставая большой шприц. — Введем тебе анестезию и немного очень хорошего препарата, который притупит чувствительность всего тела.

Вид иголки заставил тихонько пискнуть. До меня наконец окончательно дошло, что все это не кошмарный сон, а ужасающая реальность. Правда, укол на спине оказался не таким болезненным, как я боялась. За ним последовал еще один, потом еще и еще. Последний был сделан уже из другого шприца и пришелся на шею.

— Шшш, не бойся, Кристи, — прошептал Ганс, склонившись к уху. — Открой рот.

Между зубами внезапно оказался резиновый шарик — кляп. Мужчина застегнул его на моем затылке, тем самым лишив возможности кричать. Отчаяние стало глубже, словно с каждой минутой костлявая над плечом становилась все материальнее.

Лежать, распластанной, словно звезда на холодном столе было неудобно. Постепенно я ощущала, как по коже спины разливается онемение и параллельно с этим начинала кружиться голова. Ганс чем-то звенел за спиной и эти звуки с каждой секундой нервировали все сильнее. Когда не можешь видеть, что происходит, это хуже всего. Воображение всегда страшнее любой реальности, хотя возможно в этом случае правило и не сработает. Никогда не знаешь, что еще учудит маньяк. Попробовав пошевелить лопатками, я поняла, что тело уже не совсем слушается. Еще через несколько минут стал уходить холод, сменяясь приятным теплом. По всей видимости непонятный препарат, введенный Гансом начинал действовать.

Кляп невообразимо мешал во рту. От ужаса, захлестнувшего целое существо, хотелось кричать и биться на месте, на худой конец просто потерять сознание, чтобы не ощущать грядущего кошмара. Но мой мучитель решил, что одурманенная, но в сознании я ему нравлюсь больше. Наконец, твердые шаги прозвучали по бетонному полу, мужчина приблизился к столу. Ногу задело что-то металлическое и я догадалась, что Ганс раскладывает инструменты.

— Ты готова, милая? Прекрасно.

На протестующее мычание мужчина не обратил внимания. Он склонился надо мной и только по легкому ветерку на ягодицах, да едва заметному давлению на кожу в некоторых местах я поняла, что мужчина ощупывает мою спину. Прикосновения не чувствовались абсолютно. Это немного радовало, но в то же время безмерно пугало. Как понять что происходит, когда полностью лишаешься чувствительности?

Видимо, маньяк остался доволен осмотром.

— Прекрасно, просто замечательно, — пробормотал он.

Послышалось легкое звяканье и краем глаза удалось увидеть что-то металлическое, сверкнувшее в ладони маньяка. Боже, начинается. Я глубоко вздохнула и замерла в ожидании. Ощущения пришли почти сразу, странное давление на спине, будто скользят резиновым скребком по стеклу. Больно и вправду не было, лишь неприятное, ноющее ощущение на грани сознания, грозящее превратиться потом в настоящую муку. В полной тишине подвала раздавалось лишь наше дыхание, легкий шорох одежды Ганса, да отвратительный звук, словно рядом разделяют кусок мяса. Хотелось заткнуть уши, закричать, исчезнуть, сделать хоть что-нибудь, чтобы не слышать, как раздается собственная

кожа под ножом маньяка.

Я боялась пошевелиться, словно от этого зависела жизнь. Хотя, кто знает, может и зависела. На периферии зрения иногда мелькали руки Ганса, измазанные кровью. Давление на коже нарастало, становясь все более ощутимым. Непонятно, сколько длилась экзекуция. В какой-то момент я просто впала в оцепенение, уставившись в одну точку. Челюсти слегка ныли от кляпа, но неприятные ощущения заглушались волной сонливости. Глаза постепенно закрывались и сознание погрузилось в муторные пучины сна.

Просьпаясь, я понимала, что что-то не в порядке. Во рту поселилась сухость, тело задеревенело и начинало ныть. Когда ощущения вернулись в полной мере, ожила и память. Она услужливо вытащила на поверхность последнее, что происходило перед беспамятством и ужас вновь поднял свою мерзкую голову. События мелькали перед глазами и от безысходности хотелось вопить. Вместо этого из горла вырвался лишь хриплый звук, скорее напоминающий карканье. Распластанная и припиленная к столу, я даже не могла пошевелиться и это только сильнее распаяло панику.

Шевеление и звуки привлекли внимание мучителя. Словно тень Ганс скользнул ко мне и, оказавшись в поле зрения, присел на корточки, чтобы наши лица оказались на одном уровне. Маньяк все еще был одет в халат. Теперь на белоснежной ткани расплывались пятна крови и у меня не было сомнений, кому она принадлежит.

— Ох, Кристина, жаль, что ты так быстро отключилась, — прошептал он, нежно кончиками пальцев по лицу. — Мне так хотелось поговорить.

Касание вызывало отвращение, но отвернуться не было сил.

— О чем? — губы с трудом принимали нужную форму, чтобы издать членораздельные звуки.

— О том, как прекрасно наше творение, — глаза маньяка сияли. — Если бы ты только видела!

Я на секунду прикрыла глаза, стараясь справиться с собой. В голосе Ганса звучало столько безумного восторга, что надежда на чудо исчезла, так толком и не оформившись. Этот мясник действительно порезал мне спину и один бог знает, как она теперь выглядит. Боли пока не ощущалось, лишь ноющее ощущение на грани сознания, не сулящее ничего хорошего в перспективе. Судя по всему в отключке я провела немного времени, иначе Ганс бы тут не сидел. Вот только что делать дальше?

— Я хочу пить, — произнесла я. — Пожалуйста.

— Конечно, Кристи, подожди минуту, — мужчина поспешно встал.

Было слышно, как звякнула посуда, а затем зашумела вода. Из-под крана наливает, пожалел бутилированной — мысль пришла неожиданно и вызвала смешок. Кто бы знал, что искалеченная жертва на операционном столе маньяка может думать о таких глупостях? С другой стороны, какой смысл беспокоиться о потенциальной опасности воды из-под крана? Через пару таких сеансов я буду мертва и заболеть просто не успею.

Ганс вернулся с большой керамической кружкой, до краев наполненной водой. Даже на вид в ней было пол-литра, не меньше. Вновь склонившись надо мной, мужчина приставил край посуды к губам. Я все еще лежала на животе и чтобы сделать глоток пришлось сильно вывернуть шею. Из-за позы вода пошла не тем горлом, заставив тяжело закашляться.

— Кристи? Ты в порядке? — беспокойство в голосе собеседника можно было хоть ложкой черпать.

Ганс неуверенно топтался на месте, то и дело неловко похлопывая меня по спине, отчего кашель только усиливался. Когда, наконец, большая часть воды покинула дыхательное горло и дыхание вернулось, я смогла проговорить:

— Я не смогу пить лежа.

— Но я не могу тебя развязать, — с напряжением произнес мужчина.

— Делай что хочешь, но если не дашь воды, то я сдохну от жажды гораздо раньше, чем ты закончишь свой кошмарный эксперимент.

Мужчина вновь отошел, но я уже не обратила на это внимания, пытаюсь восстановить дыхание. В горле саднило. Единственным плюсом происшествия было то, что мозг окончательно проснулся. Вместе с ним проклюнулась и первая ниточка боли от спины, но пока что ее можно было игнорировать.

Ганс вернулся и, поставив кружку на пол, начал отвязывать меня от стола. Похоже, желание оставить меня в сознании перевесило сомнения. В конце концов, что может сделать измотанная, раненная жертва?

Долгожданное освобождение принесло ощущение счастья, путь и поугасшего от мысли, что из подвала все равно никуда не деться. Когда упал последний ремень, я попыталась подняться, но затекшие мышцы слушались плохо. Ганс помог сесть, отчего спину пронзила новая вспышка боли. Эта оказалась сильнее предыдущей, но все еще не такой, чтобы потерять сознание.

Тело от ключиц и до низа живота оказалось забинтовано. По всей видимости, мужчина закрыл раны пока я лежала без сознания. Удерживать вертикальное положение было сложно. По всей видимости наркотик, введенный маньяком, еще не успел выветриться, потому что голова кружилась так сильно, что сосредоточиться на чем-либо не представлялось возможности. Я протянула дрожащую руку к кружке и удостоилась усмешки:

— Дрожишь как котенок. Смотри, не разбей, — обхватив кружку двумя руками, я сделала несколько жадных глотков.

От воды, прохладой прошедшейся по пищеводу, сразу стало легче. «Смотри не разбей» — самодовольная фраза навела меня на неожиданную мысль. Сил было немного, но все их я вложила в последующий удар. Тяжелая кружка с силой прилась на череп Ганса, отчего мужчина свалился на пол. На секунду взгляд задержался на теле на полу, а затем поднявшаяся волна адреналина буквально подхватила меня с места. Удача улыбнулась неожиданно и нельзя терять ни минуты.

Не обращая внимания на боль, я склонилась над телом мужчины и пошарила по карманам. Так и есть, связка ключей и телефон. При подробном осмотре выяснилось, что мурак все еще дышит. Внутри взметнулось темное желание придушить мужчину, но в этот момент он дернул рукой, напугав почти до икоты. Медлить нельзя.

Двинувшись к двери, я вдруг поняла, что не могу идти нагой. Сейчас осень, замерзну, не успев даже пары минут на улице пробыть. Взгляд зашарил по подвалу, пока не наткнулся на медицинский халат, висящий на спинке одинокого стула. Завернувшись в него на скорую руку, я дернула на себя ручку двери. Заперто. После судорожного перебора связки один из ключей оказался подходящим и замок поддался.

Я выбежала в коридор, преодолела ступеньки, ведущие наверх и оказалась в кухне. За окном темно, значит, сейчас ночь. Мимолетное чувство освобождения сменилось новой волной страха. Надо было запереть на замок дверь в подвал, чтобы Ганс не могу выбраться. Сделать это сейчас? Нет времени. Пролетев сквозь гостиную, я дернула входную дверь и оказалась на улице. Холодный воздух коснулся тела, моментально выдувая все накопленное тепло. Что дальше? Бежать босиком по улице?

Дом Ганса находился на отшибе, практически в лесу. До ближайшего жилья надо было ехать минут пятнадцать на машине или несколько часов идти пешком. При отсутствии обуви в такой холод можно даже не пытаться. Значит, нужна машина.

Гансов Фольцваген был припаркован тут же и оказался не заперт. Удача вновь явила свой приветливый лик, потому что ключи оказались в зажигании. Усевшись в кресло, я почувствовала, как болью отдалась спина. Надо быть осторожнее. Перед глазами все еще двоилось и как ехать в таком состоянии по трассе было непонятно. Вот только других вариантов нет, разве что подождать, пока не придет в сознание Ганс? От этой мысли пробрал смех. Повернув ключ в зажигании, я выехала на шоссе под ласковое урчание мотора.

Когда сосредотачиваешься на дороге, ехать становится легче. Вот только вопрос в том, куда? Первая мысль — полиция. Вторая — больница. И то, и другое было одинаково насущно, вот только... Полиции я больше не доверяла. События годичной давности научили меня многим вещам: борись за жизнь до конца, ищи нетипичные решения и никогда не доверяй властям. Быть может это и глупо, но и повод для сомнений у меня имелся немалый. Так что участок отпадал, больница тоже. Стоит только поступить в приемный покой с подобными ранами, как добрая сестра немедленно оповестит службы о женщине со следами пыток на теле. Остается единственный вариант.

Когда я, наконец, добралась до дома, действие анестезии начало прекращаться. Стоило выйти из машины, как тело пронзила боль. Пока еще не очень сильная, но уже симптоматичная. Это значило, что в ближайшие десять минут мне необходимо оказаться дома. Ключей у меня с собой не было, они остались в сумочке в доме Ганса. Но пару дней назад я как раз заказывала у консьержа новый комплект, грешным делом думая, что Ганс в конце концов может переехать ко мне. От мысли о том, что если бы не Мария, то маньяк вполне мог бы добраться до последней базы, а в перспективе и переехать, к горлу подступила тошнота.

С консьержем мы договорились, что если он не застанет меня во время смены, то кинет новые ключи в ящик. Сейчас ключа от него у меня не было, но я точно знала, что приподнять железную коробку с дверцами и снять ее с петель труда не составит. Оставалось лишь молиться, чтобы все было на месте. В халате, уже пропитавшемся кровью, я подхватила ящик и с усилием сдвинула в сторону. Новая вспышка боли была так сильна, что в глазах потемнело. Пришлось еще пару минут постоять, чтобы слабость отступила. Засунув руку в щель ящик, нашарила заветный металл. Хоть на этом спасибо.

Слава неведомым богам, в этот поздний (или уже ранний?) час мне не встретилось ни одного человека. Силы почти покинули тело у дверей квартиры, но еще было слишком рано, чтобы сдаваться. Едва попав ключом в замок, я, наконец, ввалилась в темный коридор и захлопнула дверь.

Спина горела, словно медленно поджариваясь на сковородке со все увеличивающейся температурой, а воспаленное сознание хотело лишь одного — отключиться. Но остатками разума я понимала, что сейчас не время растекаться лужей. Ганс придет в себя, если уже не пришел, а значит, бросится в погоню. Возможно, затаится где-то у дома в ожидании приедет ли полиция, но когда поймет, что ничего не происходит, обязательно попытается закончить начатое. Некоторый опыт в общении с маньяками у меня уже имелся, так что выводы я могла делать вполне обоснованные.

Оставалось очень мало времени и еще меньше сил. Добравшись до ванной, я распахнула шкафчик, дрожащими пальцами разыскивая обезболивающие. Таблетки запила водой из-под крана, надеясь, что не выпила слишком много. Так, теперь разобраться со спиной. Нужно что-то придумать, чтобы продержаться еще пару часов.

Кое-как в зеркале удалось разглядеть, что бинты сзади пропитались кровью. До ран не

дотянуться, так что развязывать смысла нет. Каждое лишнее движение только усиливает мучения. Остался последний вариант — прибавить к обезболивающему алкоголь. Когда балансируешь на грани жизни и смерти, такие мелочи как возможные последствия от комбинации того и другого тебя уже волнуют мало. В гостинной я нашла початую бутылку виски, ту самую, которую мы распивали с Пауком.

При мысли о маньяке, мне стало на секунду легче. Все что нужно, лишь добраться до него. О том, что может быть дальше мне думать не хотелось. В любом случае, Паук выглядел самым надежным вариантом из всех возможных.

Обезболивающее начало действовать, а адреналин разогнал сонливость. Было все еще очень плохо, но теперь я могла по крайней мере сосредоточиться. Включить компьютер, зайти в историю запросов, найти карты... Жить гораздо проще, когда есть четкий план. Все, что сейчас было нужно, это проложить оптимальный маршрут из Вены в Подивин, небольшой чешский поселок, недалеко от границы. Поездами ехать долго и с пересадками, на машине чуть более часа. Выдержу ли? Выдержу, если хочу добраться до безопасности.

Представив, что придется прижиматься к спинке сиденья разделанной спиной, я почувствовала, как объявившийся было оптимизм меня покидает. Так, только не сдаваться. В жизни со мной уже случались плохие вещи и эта просто еще одна такая же. Собрав волю в кулак, я занялась сбором вещей. Алкоголь подействовал быстро, делая движения размашистыми, а руки неловкими. Однако мне удалось найти паспорт, банковские карты, наличные и несколько дорогих сердцу вещей. Почему-то не возникало сомнения, что сюда возвращаться уже не придется.

Закончив сборы, я надела юбку, а поверх накинула махровый халат. Одевать блузку на раненую спину было бессмысленно, а халат хотя бы впитает кровь. Волна слабости накатила внезапно, отчего колени ослабели и опора почти ушла из-под ног. Перед глазами заплясали черные мушки. Плохо, очень, очень плохо. А ведь мне еще машину вести. Постояв немного в коридоре, ухватившись побелевшими от напряжения пальцами за косяк, я дождалась, когда дурнота пройдет. Похоже, обезболивающее с алкоголем успешно смешались. Господи, дай сил доехать до Паука и ни в кого при этом не врезаться!

Сев в машину, я прислушалась к ощущениям. Боль начала постепенно отходить на задний план. Голова несколько плыла, но если не гнать, то доехать вполне возможно. Машина мягко тронулась с места. Предрассветная автострада была почти пуста, так что никто не мешал мне ехать с комфортной скоростью.

После часа езды я, наконец, свернула по указателю к поселку и почти сразу выехала на нужную улицу. Солнце уже вставало и первые розовые лучи заливали тихий квартал. В саду напротив осторожно кралась меж кустов припозднившаяся кошка. Из приоткрытых окон доносилось эхо от разговоров, бормотание телевизора, звон посуды. Изредка по дороге проезжала машина. Еще немного, и машин станет больше, средний класс поедет на работу в офисы, дети, подхватив рюкзаки побредут в школу. Так что мне лучше поспешить, если не хочу быть замеченной.

Дом я узнала сразу. Здесь, в гостях у серийного убийцы были и душевные посиделки со стаканом виски, и ужасающие фотографии в шкафу, и чуткая забота, перемежавшаяся с холодными угрозами. В какую-то секунду храбрость мне изменила и я почти была готова повернуть назад, испугавшись сунуться в логово маньяка. Стало почти так же страшно, как тогда, на допросе, или когда Паук на моих глазах убил женщину на парковке. Как он отреагирует, увидев меня на пороге? Тем более после последнего разговора, когда я

фактически унизила его, отвергнув предложение, которое, уверена, далось убийце совсем непросто. Ладно, не время сомневаться, тем более что обратной дороги мне не выдержать.

Выбравшись из машины, я минуту постояла держась за капот, чтобы в глазах хоть немного прояснилось. После долгой езды тело затекло, раны на спине успели присохнуть к повязкам, а теперь, судя по ощущениям, вновь вскрылись. Попеременно кидало то в жар, то в холод, на лбу выступили мелкие капельки пота. Придя немного в себя, я двинулась в сторону дома. Десять метров до входной двери показались почти бесконечностью. Упасть на землю не позволяли гордость с упорством.

Я решительно нажала на кнопку звонка и вздрогнула от неожиданно громкой трели, раздавшейся внутри. Несколько долгих секунд ничего не происходило. Паука нет дома? Или память подвела и это вовсе не та улица? А может, он переехал? Как следует испугаться от последней мысли не дали тихие звуки, донесшиеся из-за двери. Шаги приближались и их ритм совпадал с ритмом сердца.

Наконец, дверь приоткрылась, окончательно развеяв сомнения. Паук выглядел очень подомашнему в старой, распахнутой на груди рубашке и потертых джинсах. Черные волосы забраны в хвост, из которого все равно выбилось несколько непослушных прядей. Из-под рубашки выглядывал рваный шрам на плече — все, что осталось от перестрелки год назад.

Несколько секунд мужчина смотрел на меня, словно не веря собственным глазам, а затем едва успел выставить руки и подхватить, когда я, попытавшись сделать шаг вперед, не удержала равновесие и рухнула. Его пальцы сомкнулись на спине. От этого касания из горла вырвался вскрик.

— Спина, осторожнее... — на глаза навернулись слезы, первые за сутки.

— Что произошло? — Паук обхватил меня за плечи, так что боком я полностью опиралась на него.

Мы вошли в дом. С хлопком входной двери накатило невероятное облегчение, а вместе с тем исчез и внутренний стержень, все это время помогавший сохранять концентрацию.

— Я... мне очень плохо. Он резал, у меня вся спина разрезана... — сбивчиво начала я. Мысли путались, не желая складываться в законченные предложения. — Пожалуйста... мне не к кому больше обратиться.

— Пойдем в гостиную, — на секунду виска коснулись горячие губы.

Повинуясь сильным рукам, я сделала несколько шагов и оказалась в комнате. Обстановка плыла перед глазами. От боли к горлу подступала тошнота, на сдерживание которой уходили последние силы. Господи, как же хреново. В такие моменты смерть кажется не самым плохим выходом.

— Ложись, малышка. Вот так, осторожней, — тихий голос успокаивал. Хотелось верить, что его обладатель способен защитить от всего на свете. Однако рациональная часть мозга считала, что плохое все равно найдет способ просочиться.

Паук развязал на мне халат и помог забраться на диван. На спине ткань успела пропитаться кровью и прилипнуть к бинтам. Медленно и аккуратно Паук избавлялся от халата, но несмотря на его старания, все равно было очень больно. По щекам уже давно текли слезы и только гордость не давала всхлипывать в голос.

— Шшш, еще немного, — голос мужчины звучал непривычно мягко. Как же плохи должны быть дела, чтобы Паук так следил за интонациями?

Наконец, мучительная процедура закончилась и халат полетел прочь.

— Что под бинтами?

— Раны, — свой голос я слышала словно со стороны. Верный признак надвигавшегося беспомощности. — Глубокие.

— Ясно, — Паук был немногословен.

Интересно, что бы я чувствовала на его месте? Любимая женщина, вчера под угрозой пистолета выгнавшая тебя из квартиры, на следующий день приходит на рассвете в крови и на грани обморока. Есть от чего растерять красноречие.

Я слышала, как мужчина вышел из комнаты. Несколько минут тишины наедине с болью погрузили меня в состояние близкое к оцепенению. Внутри не осталось ничего. Ни страха, ни паники, ни желаний — все затмила боль. Она заполняла, казалось, все существо, не давая заснуть и лишая способности ясно мыслить. Интересно, так ли выглядит смерть? Сплошная боль и ничего кроме нее?

Паук вернулся. Вместе с ним в комнату ворвался запах лекарств, щекочущий ноздри.

— Малышка, ты меня слышишь? — теплые пальцы коснулись щеки вырывая из прострации. — Сейчас я разрежу бинты и отделю их от кожи. Будет больно, но сделать это необходимо, чтобы раны не воспалились.

Я попробовала кивнуть и это движение отозвалось болью. Если мой маньяк говорит, что это надо сделать, значит надо. Просто сохраняй спокойствие и верь Пауку. Сознание вновь начало уплывать, когда раздался вопрос:

— Кто это сделал? — в этот же момент первый бинт отделился от кожи с характерным звуком раздираемой коросты и солидной порцией боли. Вырвавшееся шипение сделало ответ более эмоциональным.

— Ганс, — произнесла я ненавистное имя. — Оказалось, он твой страстный поклонник.

— Зачем ему было калечить тебя?

— Он... — еще одна лента бинта отправилась в мусор. — Хочет превратить мое тело в предмет искусства.

Остаток марли отошел легко, полностью пропитавшись кровью. Я слышала как судорожно выдохнул Паук, словно только сейчас разглядев масштаб трагедии.

— Насколько все плохо?

— Почему ты не поехала в больницу? — голос мужчины звучал растерянно. Такой интонации я у него еще не слышала и сердце затопило плохое предчувствие. Что же там такое, если даже Пауку стало не по себе?

— Я не доверяю никому, кроме тебя, — мой голос дрожал от боли и страха. — Если обратиться в больницу, то они вызовут полицию. А полиция сделала слишком много, чтобы потерять мое доверие.

— Малышка, мы должны обратиться к врачу, — лицо Паука оказалось прямо напротив моего. Серые глаза были серьезны как никогда. На его лбу обозначилась морщинка, а в уголках губ появились угрюмые складочки.

— Нет, — я постаралась вложить в это слово максимум несуществующей уверенности. — Я приехала к тебе не для того, чтобы ты вызвал скорую. Пожалуйста, не делай этого.

От боли и усталости сознание плыло. Хотелось провалиться в сон и больше не принимать никаких решений. Но для этого нужно быть уверенной, что Паук не вызовет врачей.

— Пожалуйста. Я больше не хочу полиции в моей жизни. Об этом должен знать только ты. Я доверяю тебе, — мне казалось важным повторить последнее слово. Наши отношения

были больными, полными страданий, бешеных эмоций и маленьких побед, но одно никогда не менялось — мы могли верить друг другу. И что бы ни происходило между нами, другие не должны вмешиваться.

На минуту в комнате повисла тишина. Паук всерьез задумался, неосознанно покусывая кончик пальца. Наконец, он вздохнул и произнес:

— Сделаю, что смогу. Но если твое состояние ухудшится, то я вызову знакомого врача.

— Хорошо, — сил спорить не было.

— Я обработаю спину антисептиком, чтобы предупредить заражение. Будет больно.

— Делай, что считаешь нужным.

На спину полилось что-то холодное, огнем ожегшее раны. Я невольно дернулась и зашипела. Паук мягкими движениями растирал субстанцию по спине и боль постепенно уходила, сменяясь мягким холодком.

— Эффект недолгий, но его хватит, чтобы заснуть, — предупредил вопросы мужчина. — Нам нужно наверх, в спальню. Сможешь идти?

— Постараюсь, — я слабо улыбнулась, чувствуя облегчение. С отступающей болью возвращалась и способность мыслить.

Паук помог сесть, а затем и встать на ноги. Я практически повисла на мужчине, уткнувшись носом в его рубашку и с удовольствием вдохнула знакомый запах. Сухое тепло от его рук иголочками расходилось по коже, напоминая о собственной наготе. Стоило об этом подумать, как дрожь прокатилась по телу, словно организм сообразил, что нам вообще-то холодно.

— Пойдем, малышка, — мужчина мягко поддерживал меня под локоть, помогая подняться по лестнице.

Хоть и прошел целый год с момента, как я была гостем в этих стенах, детали обстановки и расположение комнат не забылись.

— Твоя комната, — проговорил Паук. — Пойдем, моя малышка.

То, эти слова были произнесены не оставляли сомнений — на этот раз Паук окончательно заманил жертву в свои сети. И самое ужасное заключалось в том, что мне это нравилось. Спальня была той же самой, в которой я ночевала год назад. Казалось, время развернулось и перенесло случайную путницу в прошлое. Здесь ничего не изменилось, разве что шторы на окне теперь были темно-бордовые, бросающие зловещие тени на стены, да кресла переместились ближе к окну.

Мужчина помог мне лечь на кровать и отошел. Минуту в ванной шумела вода, а затем Паук вернулся с тазиком и губкой. На секунду я представила, как выгляжу со стороны — грязная, со спутанными волосами, опухшим лицом, вся в крови. От осознания, что меня будут обмывать губкой стало очень неловко. Еще десять минут назад, когда боль не давала думать, это бы не вызвало эмоций, но теперь, стоило облегчению взять верх, эмоции вернулись с новой силой.

Уткнувшись лицом в подушку, я чувствовала, как скользит губка по спине — аккуратно, стараясь не задевать порезы. Касания сместились на ягодицы, прошли по ногам. В них не было ничего сексуального, лишь нежность и забота. Когда частичное омовение закончилось, мужчина осторожно тронул меня за плечо, привлекая внимание:

— Малышка? Ты в порядке?

Повернув лицо к Пауку, я почувствовала, как краска залила щеки.

— Да. В порядке. Спасибо.

Убийца тихонько рассмеялся и этот звук отдался где-то глубоко внутри.

— Моя малышка, — прошептал он. — Сейчас я сделаю новую перевязку, а затем ты постарайся заснуть.

Пока Паук осторожно накладывал новые бинты, я ощущала, как в душе теплой волной поднимается благодарность. После попытки убить его, после вчерашнего инцидента, после всего сказанного, мужчина помогал мне. Конечно, вопрос о расплате за такую доброту непременно возникнет в будущем. Но сейчас... Сейчас было просто хорошо. Как же замечательно, когда в мире есть кто-то, кому можно довериться безоговорочно!

— Поспи, малышка.

Как оказалось, Паук уже закончил с перевязкой. Его пальцы нащупали мою ладонь и несильно сжали.

— Не уходи, — попросила я, чувствуя иррациональный страх перед одиночеством. — Пожалуйста.

Наши пальцы переплелись. Секунду мужчина медлил, словно решая что-то для себя. О, как же мне хотелось знать его мысли в этот момент! А затем Паук опустился на пол у кровати и, не разъединяя рук, опустил голову на подушку рядом. Взгляд серых глаз встретился с моим и от этой близости стало очень уютно. Наше дыхание смешалось на нескольких кубических сантиметрах, разделявших лица.

— Спи, малышка, — проговорил мужчина. — Я никуда не уйду.

Послушно прикрыв глаза, я почувствовала, как проваливаюсь в сон. И уже на грани яви мне почудился невесомый поцелуй на лбу.

Боль была везде. Ее жалящие щупальца, казалось, простирались по всему телу, доставали до каждого потаенного уголка. Иногда она становилось такой сильной, что почти исчезала, словно выжигая нервы дотла и лишая их чувствительности. В такие моменты мне почти удавалось вынырнуть на поверхность горячечного бреда и открыть глаза. Но затем боль то ли уменьшалась до значений, которые мозг снова был способен воспринять, то ли просто переходила на новую ступень.

Я находилась посреди липкого, бесконечного кошмара. Ошметки старых событий, ощущений, воспоминаний проносились в хаотичном калейдоскопе, изредка задерживаясь и втягивая в свои душные объятия. Все плохое, когда-либо со мной случавшееся сейчас поднялось наружу. Было очень жарко, словно адский котел уже распахнул гостеприимные объятия для новой грешницы. Я металась по кровати, изредка чувствуя, как чьи-то руки прикасаются к телу и слыша обрывки фраз, смысл которых не доходил до мозга.

А потом все прекратилось. Боль не ушла на совсем, но свернулась калачиком в уголке, напоминая о себе лишь редкими ноющими отголосками. Вместе с ней исчезли и кошмары, позволяя, наконец, вынырнуть из глубин сознания. Я задышала очень часто, будто и впрямь долго задерживала дыхание, находясь под толщей воды. В открывшиеся глаза ударил яркий свет, вызывающий невольные слезы. Зрение было нечетким, словно упало сразу на несколько единиц. Можно было различить лишь неясные очертания предметов впереди, но детали ускользали от взгляда.

Свет померк, загороженный чьей-то фигурой. Несмотря на помутнение рассудка и общее разбитое состояние, я отлично осознавала, где нахожусь. Паук подошел к кровати и присел на ее край. Возможно, в этом было виновато освещение, но мужчина казался постаревшим. Под усталыми глазами темнели круги, морщинки в углах губ и на лбу обозначились четче, сразу прибавляя ему лет.

— Малышка, ты меня слышишь? — прохладные пальцы осторожно коснулись лица, принося облегчение.

Сил говорить не было, так что я просто медленно моргнула.

— Скоро придет врач. У тебя началось воспаление. Сейчас должно было подействовать обезболивающее, но это не панацея, — в первый раз в голосе Паука я слышала страх. Всегда уверенный в себе, сейчас мужчина был на грани паники. — Нужно настоящее лечение.

Это сообщение придало мне сил, чтобы заговорить:

— Почему ты просто не убьешь меня?

— Сейчас не время размышлять над такими вещами.

— Почему? — это был явно неподходящий момент для выяснения отношений, но мне все равно хотелось знать. — Ответь.

Вовлекая в эту историю еще одного человека Паук рисковал. Если на спине все действительно так плохо, то доктор может вызвать полицию, тем самым фактически подписав Пауку приговор. Вопрос в том, зачем маньяку такой риск? По логике, он должен был достать стилет и перерезать мне горло, навеки соединив наши души.

— Спи, — мужчина проигнорировал вопрос, а сил на то, чтобы спорить, не осталось.

Послушно прикрыв глаза я провалилась в беспокойную дрему. Если выживу,

обязательно узнаю ответы на все вопросы. Через некоторое время сквозь пелену сонливости прорвался чей-то незнакомый голос:

— Кристина? Вы меня слышите?

Надо мной склонялся человек. Щурясь, я с трудом различала его лицо. Мужчине было за пятьдесят. Широкое, с морщинками лицо казалось добрым и приветливым, но глаза выдавали совсем другое: цепкие и внимательные они скользили по мне, словно стараясь запомнить наизусть. Темные, коротко стриженные волосы щедро разбавлены нитями седины, а ото лба начинали появляться солидные залысины. Мое внимание привлек белый халат, донесший наконец до не до конца проснувшегося мозга, что это тот самый доктор, обещанный Пауком.

— Кристина? — повторил врач и щелкнул пальцами у лица.

— Да, — я с трудом разлепила растрескавшиеся губы. — Можно мне воды?

— Конечно, — стакан с прохладной жидкостью в мгновение ока оказался перед моим лицом, а теплые, уверенные руки доктора помогли напиться. — Меня зовут Ян Долежал, я врач общей практики. Как вы себя чувствуете?

Прислушавшись к себе, честно ответила:

— Хреново. Но ничего не болит.

— Пока еще действует обезболивающее, которое вам вколол Йозеф.

Имя Паука мужчина произнес с запинкой. Знает ли Долежал о хобби хозяина дома?

— Что с моей спиной?

— Началось обширное воспаление. Если не прочистить и не зашить раны, может развиваться гангрена. Нужно ехать в больницу. Я уже говорил вашему... — врач замялся, подбирая слова. — Бойфренду, что проводить такие операции не в моей компетенции. Такое в домашних условиях делать опасно.

— Я не поеду в больницу, — как можно тверже произнесла я. — Просто сделайте то, что можете, а остальное пусть будет на моей ответственности.

— Почему вы не хотите обратиться за помощью? Как появились раны? — врач склонился ниже, оказавшись почти вплотную к моему лицу. — Йозеф вышел, вы можете мне все рассказать. Он пытал вас? Вы находитесь в заложниках?

— Я здесь нахожусь добровольно, — мой голос дрожал. Где же Паук?

— Я вызову полицию, — по всей видимости, Долежал сделал выводы, глядя на испуганное лицо пациентки. — Это моя обязанность как врача. Такие серьезные повреждения нуждаются не только в медицинской помощи, но и в расследовании.

Доктор развернулся к двери и увидел Паука, стоявшего чуть поодаль. Интересно, давно он тут стоит? По лицу маньяка нельзя было прочесть ничего. Приветливая улыбка не доходила до глаз и казалась искусственной. Я почувствовала, как зарождается внутри беспокойство. Кажется, ничем хорошим это не кончится.

— Уже уходите? — непринужденно поинтересовался убийца, делая шаг вперед.

Хищная грация и выверенные движения выдавали опасность. Врач, по всей видимости, тоже это ощутил и сделал шаг назад.

— Я не имею права оказывать подобную помощь. Жертвы насилия должны быть доставлены в больницу, — голос доктора звучал достаточно уверенно. Выражения лица я видеть не могла, но была уверена, что и с ним Долежалу удалось совладать.

— Никакой больницы, — почти по слогам проговорил Паук, делая еще один шаг вперед. — Либо вы сделаете то, что нужно, чтобы спасти жизнь Кристи, либо рискуете

умереть.

— Вы мне угрожаете? — страх взял верх и теперь явственно слышался в голосе врача.

— Несомненно, — Паук поднял руку достаточно высоко, чтобы я смогла увидеть пистолет. — За дело.

— Вы понимаете, что меня будут искать, а все вызовы регистрируются в базе? Вас вычислят.

— Если вы сделаете свою работу, то никому не придется никого искать, — голос Паука звучал очень любезно, но в глазах отражалась мрачная решимость.

Я лежала тихо, пытаюсь совладать с проснувшимся ужасом. Врач здесь оказался по моей вине и теперь мог умереть. Словно прочитав мысли, Долежал обернулся и его глаза встретились с моими. На его лице не было страха, лишь глубокое сомнение. Кажется, он не верил, что Паук способен на убийство и эта самоуверенность могла стоить ему жизни.

Нужно было что-то сказать, как-то помочь человеку, но стоило мне пошевелиться, как вернулась боль. Поморщившись, я зажмурила глаза в бессмысленной попытке спрятаться от ощущений.

— Принесите кипяченую воду, — голос врача звучал уверенно. — Еще понадобятся чистые тряпки и острый нож, прокаленный над огнем.

Кажется, Долежал принял решение.

— Кристина? — врач присел на корточки и наши глаза оказались на одном уровне. — Вам придется выпить сильное снотворное. Без него вы операции не выдержите.

Перед моим лицом оказалась ладонь с двумя белыми капсулами на ней. Я беспрекословно подчинилась, с трудом проглотив лекарство и запив водой. Глаза закрывались и так. Боль возвращалась быстро, вновь затягивая меня в пучину кошмаров. Наверное, прошло не больше пяти минут, когда сон полностью затянул сознание, отрезав от происходящего.

Проснувшись я от солнца, щекотавшего кончик носа. Плотные шторы, призванные создавать в комнате приятный полумрак оказались приоткрыты, чем и воспользовалось осеннее солнце. Открывшиеся было глаза заслезились, но я все равно не отводила взгляд от света. В воздухе витал запах лекарств, вызвавший в памяти воспоминания о прошедшем дне. На этой мысли мозг проснулся окончательно.

Я находилась все в той же комнате, что уже почти привыкла считать «своей». Напротив кровати в кресле сидел Паук. Мужчина спал, подперев голову кулаком. Непослушные пряди волос падали на лицо, на светлых джинсах алело несколько капель крови. На столике рядом стояла бутылка виски, опустошенная наполовину и тут же валялась пачка сигарет. Почему-то именно последняя деталь привлекла мое внимание. Паук никогда не курил, хоть иногда от его одежды и пахло табаком. Похоже, прошедшая ночь далась убийце нелегко.

Пошевелившись, я поняла, что боль в спине уменьшилась. Она по-прежнему была сильной, но уже не настолько, чтобы терять сознание. На самом деле, чувствовала я себя на удивление хорошо для человека, который только вчера стал жертвой сумасшедшего мясника. И это открытие наводило на подозрения. Возможно, прошло больше суток? Собравшись с силами я смогла сесть на кровати. Спина заболела сильнее, но опять-таки не настолько, чтобы тут же падать на кровать. Все тело затекло, в онемевшие мышцы впивались сотни маленьких иголок, сигнализируя о восстановлении кровообращения. Вся грудь была перетянута бинтами. Они начинались подмышками и заканчивались на бедрах. Кроме бинтов, одежды на мне не было. Волосы на затылке оказались собраны в неумелый хвост. По

всей видимости, Паук убрал их, чтобы не мешали. Судя по состоянию, голова грязная уже несколько дней, а значит, лежу я здесь не меньше пары суток.

От моих движений кровать чуть скрипнула, разбудив Паука. Мужчина вздрогнул и чуть помотал головой, словно стряхивая с себя остатки сна.

— С пробуждением, малышка, — тихо проговорил он.

Мужчина поднялся с кресла одним грациозным, тягучим движением. Так двигаются только те, кто долго и продуманно занимается спортом. В два шага преодолев расстояние до кровати, он остановился надо мной. Наши взгляды встретились и я почувствовала, как все сжимается внутри. В душе вновь проснулся страх, смешанный с надеждой. После побега от Ганса казалось логичным прийти к Пауку. Теперь же, когда вернулась способность мыслить ясно, стало очевидно, что за все придется платить. Осталось лишь понять, как велика эта самая цена?

— Как ты себя чувствуешь? — голос мужчины не выражал эмоций.

— Гораздо лучше, — я непроизвольно натянула на себя одеяло. — Спасибо. Сколько я проспала?

— Пару суток, — Паук только подтвердил мои опасения. — Спина не болит?

— Болит, но уже не так ужасно.

— Хорошо, — мужчина поднял руку и осторожно провел кончиками пальцев по моей скуле. От этого прикосновения по коже прошлись мурашки. — А теперь расскажи мне в деталях, что произошло.

Я глубоко вздохнула. Воспоминания о Гансе причиняли боль, смешанную с гневом и яростным желанием отомстить. Рассказ вышел недолгим, но довольно подробным. Голос начал срывать только на моменте, когда Ганс начал резать. Воспоминания о ноже на коже были такими живыми, что к горлу подкатила тошнота. Паук слушал внимательно, не перебивая. По его лицу было невозможно понять, что творится в его голове.

— Значит, он знает о нас и решил присвоить тебя? — в голосе мужчины сквозило мрачное веселье. От такой формулировки стало немного не по себе. Ганс считал меня вещью, собственностью, но Паук... до недавнего времени казалось, что он все же видит во мне человека.

— А еще он фактически признался в убийстве Марии, — воспоминание о подруге, отошедшее было на задний план, отозвалось болью.

— И покалечил тебя, — добавил Паук, прикрыв глаза, словно пытался справиться с собой. — Значит, он хотел сделать из тебя предмет искусства?

— Что-то вроде того. Ганс сумасшедший.

Внезапная догадка заставила похолодеть. Паук считает меня своей и с чувством собственности у него отношения болезненные. Теперь же, когда на его жертву посягнул кто-то другой, безумие вновь может взять верх. Предчувствие оказалось верным. Одно неуловимое движение — и в пальцах мужчины уже сверкнул стилет. Я замороженно смотрела на лезвие, отнявшее столько жизней и понимала, что очень скоро могу стать частью его истории.

— Ты убьешь меня?

Вместе со страхом внутри поднималась иррациональная обида. Столько усилий, переживаний, боли — и все для того, чтобы встретить конец в руках Паука, а не столе Ганса? Горячая ладонь легла на грудь и под ее давлением я легла на спину. Боль немедленно среагировала, но сейчас было не то время, чтобы обращать на нее внимание.

Паук забрался на кровать, нависая надо мной. Горьковатый травяной запах коснулся ноздрей, заставляя глубоко втянуть воздух. Я смотрела в глаза мужчины напротив и чувствовала, как неуместное возбуждение смешивается со страхом. В груди все замерло, а ужас надежной удавкой пережал горло, не давая издать ни звука.

— Всего одно мгновение и ты будешь навсегда со мной, — прошептал Паук. Его лицо было так близко к моему, что дыхание шевелило волосы на виске. — Всего один удар и больше никто не причинит тебе боли.

— Пожалуйста, не надо, — тихо прошептала я, чувствуя, как уходят драгоценные секунды. После всего, что мне удалось пережить, умереть вот так казалось глупым. — Ты лечил меня. Зачем? Мог бы убить сразу.

— Ты просила о помощи, малышка, — хриплый голос звучал устало. Грустная улыбка на секунду объявилась на лице мужчины и тут же погасла. — Ты страдала.

— Тогда зачем меня убивать сейчас?

— Я больше не могу рисковать, — покачал головой убийца и склонился ниже.

Я нашла в себе силы, чтобы попытаться перехватить его руки, но маньяк легко подавил слабое сопротивление, сильнее прижав к кровати.

— Не сопротивляйся, малышка, так будет только больнее, — в голосе убийцы звучало неподдельное участие, от которого хотелось кричать. — Ты пришла ко мне сама и теперь уже не в моих силах отпустить тебя снова.

Паук склонился ниже и его губы на миг коснулись моих. Короткая вспышка тепла закончилась, сменившись холодным касанием стали к горлу. Невольно дернувшись, я сама напоролась на острую кромку стилета и вскрикнула от боли.

— Пожалуйста, остановись, — мольба прозвучала совсем тихо. На глазах выступили предательские слезы, оставлявшие горячие дорожки на щеках. — Я больше не сбегу, останусь с тобой, буду делать то, что скажешь.

Лезвие чуть вдавилось в кожу и скользнуло по горлу, оставляя за собой болезненную полоску. Я начала вырываться, но сил было слишком мало, чтобы хотя бы поколебать мужчину. Он с легкостью удерживал мои запястья одной рукой, тогда как другая крепко сжимала в пальцах стилет.

— На что ты надеялась, придя сюда? — спросил Паук. Тепло его дыхания коснулось лица.

— Не знаю. Просто это казалось правильным, — голос дрожал, но в душе всколыхнулась призрачная тень надежды. Только что маньяк мог перерезать мне горло, но не сделал этого, а значит есть шанс выжить.

— Тогда к чему разговор? Ты знала, что должно произойти, — в голосе Паука сквозило сожаление. — Я больше не могу рисковать. Мы должны соединиться навсегда и ничто более нас не разлучит.

— Мы и так можем быть вместе, — проговорила я, стараясь не обращать внимания на лезвие, по-прежнему упирившееся в кожу. — Просто позволь остаться. Обещаю, больше никаких побегов.

Паук чуть склонил голову, раздумывая над моими словами. Несколько секунд тишины показались вечностью. Наконец, лезвие исчезло, оставив после себя лишь ноющий порез. Маньяк немного отстранился и теперь я смотрела снизу вверх на его подтянутый торс, на сильный подбородок и руку, в которой был зажат стилет, с которого упало на одеяло несколько капель крови. Моей крови.

— Ты так прекрасна, — мужчина провел пальцами по свежему порезу, отчего я дернулась. — Если бы я надавил сильнее, все бы закончилось. Но раз за разом тебе удается поменять план.

Я молчала, не решаясь вставить даже слово. По коже сбегали капельки крови, заставляя свежий порез щипать.

— Лежи и не двигайся, — Паук легко поднялся с кровати и вышел.

Телом овладело странное оцепенение. Кажется, смерть вновь отказалась от своих планов и дала несчастной смертной очередной шанс. Вот только насколько его хватит? Из глаз вновь полились слезы и к тому моменту, как вернулся мужчина, на подушке успело расплыться довольно большое мокрое пятно. Успокоиться не получалось, а вместо слов вырывались только судорожные всхлипывания.

Паук молча сел и осторожно положил мою голову себе на колени. Я безропотно уткнулась в его джины, продолжая плакать. Сказывалось напряжение и постоянная опасность последних суток. От одного маньяка к другому, от обманутого доверия к краю смерти. Закончится ли это когда-нибудь?

— Почему все вокруг хотят лишь причинить мне боль? — тихо спросила я и тут же прикусила язык. Уж у маньяка-убийцы это спрашивать точно бесполезно.

Вместо ответа мужчина просто поцеловал меня в лоб. От этой простой ласки стало еще хуже. Забота, нежность — все это обман. На самом деле, я никому не нужна. Мое тело — вот что видят мужчины. А как же то, что я живой человек? Неужели никому не хотелось заглянуть глубже? Мысль вызвала новый поток слез, который, как я его не сдерживала, прекращаться не собирался.

— Нужно залепить порез, — тихо проговорил Паук.

Опустив взгляд я увидела, что кровь залила светлую джинсовую ткань, пропитав ее насквозь. Ловкие пальцы промокнули ранку ватой, обработали чем-то щиплющим и наклепили поверх пластырь.

— Как твоя спина? — поинтересовался мужчина, отставляя аптечку.

— Болит, — гнусаво проговорила я. От слез нос забился и мне требовался платок. — Насколько все серьезно?

— Ты не пошла в больницу, — я видела, как сжались тонкие губы. — Врач сделал все, что мог, но останутся шрамы.

— Они не исчезнут?

— Такие — нет. Это на всю жизнь.

— Я хочу их увидеть.

— Ну думаю, что это хорошая идея, — в глазах Паука мелькнуло что-то похожее на страх. Насколько же все ужасно, если даже его проняло?

— Мне надо посмотреть. Это мое тело и я имею право знать, что с ним произошло.

— Хорошо. В ванной есть большое зеркало, — маньяк помог мне подняться на ноги.

Оказавшись в вертикальном положении я поняла, что путь до ванной будет долгим. Несмотря на улучшившееся самочувствие, спина нещадно болела. Ощущения отдавались во все части тела. Только поддержка Паука позволила мне в конце концов добраться до цели.

Ситуация вызывала ощущение deja-vu. Только в последний раз именно я была сильной стороной, а Паук — ранен. Время словно сделало крюк и вернуло нас на год назад. Триллер вернулся и моя непутевая жизнь вновь зависела от его настроения.

Медленно, стараясь не делать резких движений, я повернулась спиной к зеркалу,

готовая увидеть что угодно. Спина была тщательно забинтована, но от активных движений края свежих ран разошлись и наружу проступила кровь. На белом фоне отчетливо выделялись контуры огромного красного цветка, распустившегося во всю спину. Его верхние части прилипли почти что на верх плеч, а нижние лепестки частично захватили и ягодицы.

— Боже, — выдохнула я, отворачиваясь. Паук стоял рядом, скрестив руки на груди. — Что же под бинтами?

— Ничего хорошего. Твой приятель Ганс постарался на славу.

— Он не мой приятель, — эта небрежная фраза вызвала прилив настоящей ярости. — Ганс искалечил меня, пытался убить, обманом втерся в доверие. Как ты можешь после всего этого называть его приятелем?

— Пару ночей назад ты была о нем другого мнения, — почти спокойно заметил Паук, но я понимала, что это спокойствие скрывает под собой океан злости и не могла его в этом винить.

— Я ошиблась, — мой голос звенел частично от ярости, частично от слабости. — Но в конце концов пришла к тебе. Не в полицию, не в больницу, а именно сюда.

Напряжение внезапно отпустило и я пошатнулась, ухватившись за стену. Паук тут же оказался рядом, помогая удержать равновесие.

— Что будет дальше? — мой шепот отдался эхом в стенах ванной. — Ты убьешь меня?

— Нет, — покачал головой Паук. — Пока нет.

Его руки притянули меня к сильному телу и я расслабилась в этом теплом защитном коконе. Маньяк был таким надежным, что тревоги невольно отпускали сердце. Это было странно, но очень приятно.

— Но ты будешь жить по моим правилам, — добавил мужчина.

— Хорошо, — это я знала и так. Раз маньяк сохраняет тебе жизнь, значит, все будет на его условиях. — Теперь ты запрешь меня в подвале?

— Посмотрим на твое поведение, — мужчина усмехнулся и запечатлел невесомый поцелуй на виске. — Пойдем в спальню. Тебе нужно отдыхать.

Оставшись в одиночестве, я быстро провалилась в сон, словно прошедших двух суток организму не хватило. Разбудить же меня оказалось под силу только желудку, затянувшему голодную трель. За окном уже давно стемнело, а на небе высыпали яркие искры звезд. Луны видно не было, но ее бледный свет заливал палисадник и проникал косым узким лучом в комнату. Яркая дорожка протянулась по полу, маня подойти, ступить на нее и двинуться навстречу чуду.

Очертания мебели в темноте казались гигантскими, пугающими животными, затаившимися в ожидании удобного момента, чтобы напасть. Мне на секунду стало страшно — вдруг в комнате кто-то есть? Но испуг прошел, стоило лишь вспомнить, в чем доме я нахожусь. Ночные кошмары точно не посмеют шалить в доме Паука.

Я осторожно села на кровати. Из приоткрытого окна тянуло свежестью, отчего кожа тут же начала покрываться мурашками. Тело прикрывали лишь бинты и с функцией удержания тепла справлялись плохо. Надо бы найти одежду. Только где? Лазить по шкафам Паука не хотелось. В последний раз это закончилась находкой фотографий жертв маньяка, до сих пор являвшихся мне во сне.

Желудок снова подал голос. К проблеме одежды добавился еще и голод. Наверное, стоит спуститься вниз и поискать что-то съестное. Вот только как отнесется к самоуправству на кухне Паук? Раньше, когда он помогал мне в обмен на добровольную жертвенность все было ясно. Какие между нами отношения сейчас? Я пленница или гостья? Могу ли покинуть комнату или обязана сидеть в четырех стенах? Останусь в живых или безумные голоса в его голове таки возьмут верх?

Эта мысль привела к другой, более болезненной. Стоило ли столько бороться, чтобы оказаться в итоге там же, откуда я так упорно пыталась сбежать год назад? Кажется, не изменилось почти ничего. Все также наедине с маньяком, в его доме, ожидающая смерти в любую секунду. Единственное отличие было во мне. Год назад сюда попала совсем другая Кристина. Эта чудная девушка, уверенная, целеустремленная и отчаянно желавшая жить, умирала долго. Часть ее исчезла со случайным убийством бандита на дороге, еще одна — с болезненной страстью к маньяку-убийце. Последняя частичка утекла вместе с предательством Ганса, ушла вместе с кровью и плотью под ножом на холодном лабораторном столе. Старой Кристины, кажется, уже вовсе не осталось. Вместо нее выросла новая женщина и пока не понятно, какой она окажется. Наверное, это сумасшествие, думать так о самой себе.

Двое суток назад наедине с сумасшедшим в холодном подвале я с отчаянной ясностью осознала, что никто не придет на помощь. Последним человеком, которому было не все равно, была Мария. Быть может именно поэтому Ганс убил ее? Чтобы никто не хватился меня, не позвонил в полицию, не поставил под удар идеальный план. От этой мысли внутри поднялась ярость. Чувство походило на шар огня, разгоревшийся в доли секунды и опалявший все внутри. Еще ни разу я не ощущала такого звериного гнева и теперь новая эмоция с легкостью затмило остальные.

Какое будущее меня ждет? Я теперь калека. Не нужно разматывать бинты, чтобы осознать, насколько все плохо. Но пусть в мире не осталось вещей, ради которых стоит жить, одно дело я обязана завершить. Не ради себя, но ради Марии. Мечь — неплохой стимул

жить дальше. Пусть душа растоптана, тело искромсано, но цель не даст погрузиться в колодец депрессии. Я буду сильной, стану жить ради того, чтобы увидеть, как Ганс захлебнется собственной кровью. Но не стоит забывать и о Пауке. Сейчас я жива только потому, что согласилась подчиняться правилам. Разумеется, часть меня хотела взбунтоваться и сбежать. Вот только что это даст? Чтобы двигаться дальше нужно желание бороться, которого, как ни заглядывай в душу, нет. Судьба привела меня обратно в дом убийцы — значит, так нужно. После всего, что произошло было бы смешно ее не послушать. Только жажда мести заставляла сейчас сердце биться быстрее, разгоняя кровь по венам. Возможно, стоит поделиться этой жаждой с Пауком. В конце концов, судя по огню в глазах маньяка, когда я рассказывала о Гансе, он может встать на мою сторону.

Дальнейшие размышления прервало очередное завывание желудка, сопровождающееся неприятным тянущим ощущением. Пожалуй, дальше откладывать нельзя. Нужно хорошо питаться и стараться как можно быстрее выздороветь, если хочу выследить Ганса. Стоило перенести вес на ноги и принять вертикальное положение, как спина отозвалась вспышкой боли. Но в целом ощущалось достаточно сил, чтобы спуститься на кухню.

Так и не решившись залезть в шкаф, я завернулась в одеяло на манер греческой тоги. Тепло уютным коконом окутало озябшее тело. Одной проблемой меньше. Я вышла в коридор и сразу увидела слабый отблеск света на лестнице. Похоже, Паук еще не спал. Ступеньки тихонько заскрипели под моим весом. С каждым шагом внутри нарастал легкий страх. Он не имел под собой рациональной основы, просто волнение, порожденное излишней эмоциональностью последних дней.

Мужчина сидел на полу кухни, опираясь спиной на шкаф. Ноги согнуты в коленях, поверх лежат руки, сжимавшие стакан с виски. Я остановилась на пороге, не уверенная, что делать дальше. Кажется, момент выбран не слишком удачный.

— Иди сюда, малышка, — позвал мужчина, похлопав по полу рядом. Голос выдавал солидную степень опьянения.

Я заколебалась. Пьяный маньяк не лучшая компания для девушки ночью. Вот только есть ли выбор? Отказаться значит рисковать навлечь на себя гнев Паука, что опять таки хорошим выбором не назовешь. Я молча устроилась в полуметре от мужчины, ощущая запах алкоголя. Отсюда мне было видно пустую бутылку Джека Дэниелса, валявшуюся в стороне под столом и початую новую, притаившуюся у ноги маньяка. Похоже, алкогольный забег Паука длится уже не первый час.

— Почему ты сидишь на полу? — решила я нарушить повисшую было тишину.

— Он ничем не хуже дивана, — пожал плечами убийца. — А напиваться на нем бесспорно удобнее — падать ближе.

Паук хрипло рассмеялся и этот звук заставил сердце испуганно екнуть. Сейчас мужчина выглядел как настоящий сумасшедший: черные волосы в беспорядке падали на лицо, глаза лихорадочно блестели в электрическом свете, а на губах бродила безумная улыбка. Хотя, чему тут удивляться? Для маньяка Паук и так удивительно долго изображал нормальность.

Я сидела тихо, словно мышка и лихорадочно соображала, что делать дальше. Просто сидеть и молчать? Или попытаться завести разговор? Какую тему предложить? О перспективах совместного будущего или дискуссию о маньяках в моей жизни? От выбора отвлек желудок, в очередной раз заявивший о себе.

— Хей, малышка, — мужчина повернулся ко мне. На секунду наши взгляды встретились, отчего сердце вновь сжалось. — В холодильнике должно найтись что-то

съемное.

— Спасибо, — я с облегчением поднялась с пола и отошла на противоположную сторону кухни. Находиться рядом с пьяным Пауком было страшно и немного неловко.

В холодном нутре блестящего хромированного монстра под два метра высотой нашлись ветчина и фрукты. Но не успела я подумать, что было бы неплохо под предлогом ужина убежать наверх, как Паук, шатаясь, поднялся на ноги. Чувство равновесия явно осталось на дне стакана, так что мужчине приходилось придерживать за шкаф, чтобы не упасть.

— Не уходи, — попросил он и нетвердой походкой преодолел несколько метров до обеденного стола. — Сядь здесь.

На столешницу с глухим стуком опустилась бутылка с виски. Похоже, мне предлагают стать собутыльницей. Идея восторга не вызвала. Для начала, я боялась пьяных людей. А когда у этих самых людей наблюдаются явные психические проблемы, то страх пропорционально увеличивался. Во-вторых, не стоит нагружать организм алкоголем едва выбравшись с того света. Если я хочу расправиться с Гансом, то понадобятся все доступные силы.

Из хлеба и ветчины получился отличный бутерброд, при виде которого рот наполнился слюной. После вынужденного голодания нехитрое блюдо казалось на вкус настоящим деликатесом. Все время, пока я ела, Паук молча следил за мной, чуть склонив голову. Эта поза вновь напомнила ассоциацию с хищной птицей. От пристального внимания становилось еще больше не по себе, но даже оно не было способно испортить аппетит оголодавшей жертве.

Наконец, по проществе трех бутербродов, я почувствовала приятную наполненность. Мир начал приобретать краски. Я жива, почти цела и относительно в безопасности. Это гораздо больше, чем можно было надеяться двое суток назад. Наверное, стоит впервые встать на колени и помолиться высшим силам. В конце концов, если бы не их вмешательство, вряд ли бы побег из того страшного подвала сложился удачно.

— Как спина? — Паук сделал очередной глоток из стакана, продолжая изучать мое лицо.

— Хорошо. Похоже, врач действительно знает свое дело.

— Я рад, — мужчина кивнул и замолчал.

Я нахмурилась, ловя клочки воспоминаний о той ночи и пытаюсь понять, что же меня беспокоит. Врач думал, что перед ним жертва, удерживаемая против ее воли. Затем Паук угрожал ему, потому что тот хотел вызвать полицию. Потом я уснула. Вот только что произошло с Долежалом? Нехорошее подозрение закралось в душу. От мысли о том, что могло случиться, кончики пальцев похолодели, а на шее выступила холодная испарина. Неужели врач не покинул этого дома?

— Что было после того, как доктор закончил с моей спиной? — задала я вопрос, почти уверенная в ответе.

— Попытался сбежать, — почти равнодушно произнес Паук.

— Он жив?

Мужчина ничего не ответил, сделав очередной глоток из стакана. Это молчание лучше всяких слов говорило, что догадка оказалась правильной и Долежал мертв. Я почувствовала, как прилила кровь к вискам и бешено застучало сердце. Ужас, смешанный с чувством вины накатили одновременно. Паук убил ни в чем не повинного человека из-за меня. Если бы не отказ от больницы и решение довериться Пауку вместо полиции, доктор был бы жив. Горло

перехватило от слез. Я плакала почти беззвучно, зажмурившись, чтобы не видеть человека, сидящего рядом. Тяжесть на душе росла с каждой секундой, грозя утянуть за собой на дно омута отчаяния.

— Зачем? — прошептала я, приоткрывая глаза. — Неужели нельзя было поступить по-другому? — вина казалась почти реальным грузом, давящим на сердце.

Паук резко поднял взгляд от стакана и от пламени, плясавшего в его глазах, стало действительно страшно. В одно мгновение из расслабленного, хорошо выпившего человека он превратился в сосредоточенного и очень злого хищника, готового к нападению. Я машинально дернулась в сторону, ожидая, что сейчас последует удар, но ничего не произошло. Вместо этого маньяк заговорил и в голосе его не было ни намека на тепло.

— Чего ты хотела, малышка? Чтобы я отпустил его и позволил вызвать полицию?

— Неужели можно только убивать? Он спас мою жизнь, — с отчаянием проговорила я, вжимаясь в спинку стула. — Ты обещал его отпустить.

— Ты прекрасно знаешь кто я. К чему этот спектакль? — каждое слово падало словно камень. На губах мужчины расплылась нехорошая, безумная улыбка, вселявшая еще больший ужас.

— Я не...

— Ты пришла с просьбой о помощи. Знаешь, чего мне хотелось сделать больше всего на свете, как только увидел тебя на пороге, израненную и испуганную? Я хотел перерезать тебе горло и трахать теплый труп так долго, как это только возможно.

Паук внезапно подался вперед, так, что наши лица теперь разделало лишь несколько сантиметров. В лицо дохнула волна алкогольного запаха, такого сильного, что, казалось, вдохнешь и опьянеешь сама. Страх железной рукой сдавил сердце и парализовал движения. Только благодаря ему я еще оставалась на месте, а не убегала от убийцы, в одно мгновение ставшим настолько опасным, что перехватывало дух.

— Я был терпеливым, — продолжал маньяк уже шепотом. — Сдерживал себя, потому что видеть тебя живой довольно приятно. Но с каждой секундой мой контроль тает. Знаешь, что будет, когда он полностью исчезнет?

— Ты убьешь меня? — не знаю, каким чудом, но я смогла ответить, даже несмотря на спазм, перехвативший грудь.

— Да, я убью тебя, — внезапно спокойно согласился Паук. Его рука протянулась через стол и нежно коснулась моей щеки. — Рано или поздно это произойдет. Неужели ты не осознавала этого, когда ехала сюда?

— Ты предлагал быть вместе, — слова с трудом пробивались сквозь перехваченное спазмом горло. — Мне казалось, что мы можем стать парой.

Правда прозвучала вслух в обход мозга. И только произнеся это, я поняла, почему именно приехала к Пауку. Полиция, больница, страх — лишь часть мотива. Но кроме этого мной руководило желание увидеть своего маньяка. Гордость и рациональность не позволили мне согласиться на условия, что он выдвинул мне той ночью. А случившееся с Гансом стало отличным поводом сдаться и сломя голову броситься в объятия убийцы.

— Тогда я не понимал, как же тяжело видеть тебя рядом и понимать, что обладать тобой может кто угодно, — голос мужчины потяжелел. — Если все оставить как есть, то я потеряю тебя так или иначе. Ты слишком дорога мне, чтобы так рисковать. И чем дольше мы вместе, тем чаще рука тянется к стилету.

Островок мнимой безопасности в лице Паука внезапно оказался топкой кочкой,

стремительно уходящей под воду. Почему-то до этого разговора в сердце еще жила глупая надежда, что все разрешится. Наверное, за прошедший год хитрый разум сумел смазать все краски и ощущения, идеализировать прошлое. Вот только сталкиваясь с реальностью иллюзии имеют свойство разбиваться. От сознания этого внутри начала разливаться ледяная пустота.

— Я не могу так больше, — прошептала я, чувствуя, как рушится все, что поддерживало мои силы в последнее время. — Все вокруг хотят моей смерти.

— Не все, — покачал головой Паук.

— Ты прав. Есть еще семь миллиардов человек, которым все равно. И родители, которые меня любят, но какой-то особой, извращенной любовью. А люди, что были действительно дороги, либо мертвы, либо хотят меня убить, — голос сорвался в конце фразы.

Я прикрыла глаза, пытаюсь совладать с подступающей истерикой. Перед глазами вновь встала залитая кровью кровать, с лежащей на ней Марией. Это видение сменило смеющееся лицо Ганса, отчего в душе встрепенулась тошнота.

— Жизнь не всегда черно-белая. В ней есть множество серых оттенков, в которых можно найти убежище, — негромко проговорил Паук отстраняясь от меня. От ярости не осталось и следа. Теперь в его глазах отражалась странная задумчивость, смешанная с печалью. — Я готов отпустить тебя снова. Переезжай на другой материк, смени имя, начни новую жизнь как можно дальше от меня.

Маньяк сделал глоток прямо из бутылки. Я смотрела, как двигается кадык в такт глоткам и понимала, что сейчас получила самое щедрое предложение в своей жизни. Словно сама смерть дала мне второй шанс. Проблема в том, что же делать дальше? Я могу уйти от Паука, но что останется? Марии больше нет, где-то по планете разгуливает Ганс, который вряд ли откажется от своих безумных планов. Начинать жизнь с чистого листа в новом месте? Что может ждать дальше такого морального калеку, как я? Вряд ли найдется человек, способный заполнить собой ту гигантскую пустоту, что поселилась в сердце. Самым ироничным было то, что под формат этой дыры подходил лишь один кандидат, сидящий сейчас напротив и мечтающий отнять мое дыхание навсегда.

— А что, если я не хочу уходить? — вопрос прозвучал очень тихо.

— Малышка, ты не понимаешь, о чем говоришь, — голос Паука стал очень серьезным.

— Нет, понимаю, — голос внезапно обрел твердость. — Я хочу остаться. Куда мне идти? В жизни не осталось ничего, ради чего стоило бы бороться. А тебе я хотя бы доверяю.

— Доверяешь? Но как быть с тем, что я сам себе не верю? — в глазах Паука отразилась настоящая боль. В первый раз за все время нашего знакомства Паук позволял себе показать настоящие эмоции и стать настолько открытым. Это порождало странное, новое ощущение внутри. Щемящая нежность, смешанная со страхом и отчаянием — странный коктейль эмоций захлестывал душу и заставлял сердце биться быстрее с каждой секундой.

— Это уже не имеет значения. Я могла бы попытаться начать все заново, но уже никогда не смогу верить людям. Как можно в очередной раз открыть сердце, а затем жить в постоянном страхе предательства? Мне казалось, что Ганс может быть тем самым, ради кого я смогу забыть тебя и двигаться дальше. Этот путь в итоге привел меня сюда. Теперь ты можешь либо прогнать меня, либо позволить остаться.

Я потянулась через стол и обхватила пальцами горлышко бутылки, мягко отнимая ее у Паука. Наши пальцы на секунду встретились и по коже прошла волна мурашек. Даже во

время этого отчаянного разговора я чувствовала животное притяжение, повисшее в воздухе. Несмотря на все слова, наши тела говорили на ином языке.

Виски опалил горло и опустился в желудок. Холод, что поселился внутри немного потеснился, дав дорогу горячей волне алкоголя. Бутылка с легким стуком опустилась на стол. Руки дрожали, словно после тяжелой нагрузки. Внезапно подумалось, что виски я вью исключительно с Пауком. Наверное, это судьба.

Мужчина медленно поднялся со стула и сделал несколько шагов, оказавшись в центре кухни. От света лампа под его глазами залегли глубокие тени, делая лицо страшнее и загадочнее, чем оно есть.

— Если ты сейчас останешься, то пути назад не будет, — его голос звучал глухо. — Всю оставшуюся жизнь ходить по грани, разве этого ты хочешь?

Бесспорно, Паук был прав. Нормальный человек на моем месте уже давно бы убежал в ночь. Вот только назвать меня нормальной было бы ошибкой.

— Я хочу быть с человеком, которому доверяю. Мы проведем вместе столько времени, сколько получится, — тихо, но твердо произнесла я, опуская глаза.

— Даже если я завтра убью тебя? — Паук приблизился ко мне так близко, что можно было ощутить тепло, исходящее от его тела.

— Меня убьет Ганс, одиночество или ты. Последний вариант выглядит самым надежным. Просто пообещай, что перед смертью я не буду страдать, — я подняла глаза и встретилась взглядом с Пауком.

Вместо ответа мужчина осторожно притянул меня к себе. Зарывшись лицом в рубашку на его животе я с наслаждением вдохнула травяной запах. Пальцы маньяка неспешно скользили по плечам, отчего тело начало отпускать чудовищное напряжение, поселившееся во время разговора.

— Но сначала я хочу поквитаться с Гансом. Он должен заплатить за смерть Марии и то, что сделал со мной.

— Тут наши желания совпадают.

Еще несколько минут мы просто обнимались. Мне было просто хорошо. Мысли внезапно покинули голову, оставив после себя опустошающую пустоту.

— Пойдем спать, малышка. Уже поздно, — прошептал Паук, отстраняясь и протягивая руку. Я приняла помощь и поднялась, вновь поморщившись от боли в спине.

Мужчина погасил свет и путь вверх прошел в темноте. Против ожиданий, мы двинулись не в мою комнату, а свернули раньше. Понадобилось несколько секунд, чтобы понять — это спальня Паука. Здесь я была лишь раз, когда нашла те самые фотографии в шкафу. На секунду вернулся страх, тут же смытый волнением.

— Ложись, — прошептал мужчина, легко подталкивая свою жертву к кровати.

Эта комната, святая святых Паука — неужели он действительно решил пустить меня так глубоко в свою жизнь? Я нерешительно подошла к постели, неожиданно остро ощущая, что кроме одеяла на мне ничего больше нет. Казалось бы, к чему столько скромности? Мы уже были вместе, Паук видел мою наготу столько раз, что вряд ли удивится. Но это было так давно.

Маньяк избавился от одежды быстро. Откинув одеяло, он застыл по другую сторону кровати, ожидая, по всей видимости, моего решения. Глубоко вздохнув, я собрала в кулак всю волю и опустилась на прохладные простыни, продолжая сжимать одеяло, служившее последней защитой. От белья пахло Пауком. Этот запах внезапно успокоил, отрезал страх,

вселил уверенность, робким ростком пробившейся внутри.

Матрас чуть прогнулся, когда Паук. В ту же секунду горячие руки притянули меня к сильному телу, а щеки коснулось пахнущее алкоголем дыхание.

— Спи спокойно, малышка, — прошептал мужчина, не делая попыток избавиться меня от одеяла.

— Спокойной ночи, — также тихо прошептала я, чувствуя, как спокойствие и уют постепенно берут верх над измученным разумом.

Вчерашняя активность не прошла для спины бесследно. Проснулась я с противной, ноющей болью, отдающей в плечи и бедра. Паука в кровати уже не было и это вызвало чувство облегчения. Нет ничего хуже неловких утренних разговоров, тем более после вчерашней пьяной откровенности маньяка. Определить, сколько времени не удавалось — плотные шторы на окнах не пропускали солнечный свет, часов же в комнате не было. Я потеряла заспанные глаза и осторожно повернулась на бок. Спина отозвалась незамедлительной вспышкой боли, от которой на лбу выступила испарина. Остаться в постели? Или перебраться страдать в свою спальню? Второй вариант победил со значительным перевесом. Пусть Паук и доверил мне свою спальню, но страдать и болеть лучше в собственной кровати.

В конце концов мне удалось встать на ноги. В очередной раз обнаружилось, что одежды на мне нет. Этот нудистский образ жизни начинал надоедать — ходить, завернутой в одеяло не слишком удобно. Хотелось умыться и сходить в туалет, но сделать это в ванной Паука я не решалась. Конечно, подобные комплексы вряд ли уместны в наших с маньяком отношениях, но ничего поделать с природным смущением не получалось. Выглянув в коридор и убедившись, что Паука на горизонте не наблюдается, я проскользнула в спальню, которую уже привыкла считать своей и плотно прикрыла за собой дверь.

В комнате было светло. Солнце щедро делилось слабеющим осенним теплом со всем миром, окрашивая в бледное золото обстановку и начинавшие желтеть деревья за окном. После полумрака спальни Паука глаза заслезились. Возникла ассоциация с побегом из Тартара, царства вечной ночи. Я словно Персефона, вечная пленница мрачного Паука-Аида, украдкой пытающаяся сбежать на поверхность и вновь увидеть свет дня.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Я сделала несколько шагов по направлению к ванной, когда заметила свою сумку, притаившуюся у стены. В мозгу колыхнулись смутные воспоминания о лихорадочных сборах после побега от Ганса. Значит, это мне не приснилось. От находки на душе стало теплее, словно присутствие дорогих сердцу мелочей могло разогнать общий сумрак, порожденный депрессией.

Дверь за спиной чуть скрипнула. Обернувшись, я встретила взглядом с Пауком. Мужчина выглядел довольно хмуро. Видимо, вчерашний алкогольный забег сегодня обратился в суровое похмелье. Черные волосы беспорядочной массой лежали на голове, спутанными прядями свисая по бокам бледного, с темными мешками под глазами, лица. На мужчине были те же рубашка с джинсами, что и вчера.

— Доброе утро, — убийца улыбнулся. Получилось жутко. Похоже, последствия беспорядочного поглощения алкоголя еще хуже, чем мне казалось. — Держи. Думаю, тебе пригодится.

Паук протянул мне небольшую спортивную сумку.

— Что это?

— Твои вещи.

Я опустила неожиданное подношение на пол и, придерживая на себе одеяло, дернула язычок молнии. В сумке действительно оказалась одежда. Пара футболок, джинсы, немного белья. С этими шмотками я попрощалась еще больше года назад, списав на потерю в

спортзале или kleptomанию бойфрендов. А они, как оказалось, все это время хранились у моего самого страстного поклонника.

— Сколько еще моей одежды ты хранишь? — вопрос повис в воздухе, так как Паука в комнате уже не было.

Выбрав несколько вещей, я заперлась в ванной и с облегчением избавилась от тогидеяла. Ужасно хотелось принять душ, но с ранами на спине это сделать невозможно. Пришлось ограничиться фрагментарными гигиеническими процедурами. С волосами возникло больше всего сложностей — после вынужденного отдыха, они напоминали пропитанную жиром паклю и смотреть на них, а тем более шупать, не было никаких сил. Я села на колени и, осторожно склонившись, начала мыть. Спина нещадно заныла, но кто сдается перед лицом таких незначительных трудностей?

Результатом усилий стала чистая голова и такая сильная боль, что даже в глазах начало темнеть. Придерживаясь за душевую кабинку, я поднялась на ноги и несколько минут постояла, ожидая, пока тьма перед глазами рассеется. Ну вот кто, спрашивается, так делает? Мало того, что едва избежала смерти от воспаления, так теперь, как только спина начала заживать, сразу скачу как коза. Эх, глупая моя природа.

Наконец, мне удалось одеться. От ощущения настоящей одежды на теле я почувствовала себя защищенной. Удивительно, как сильно меняет мироощущение способность правильно прикрыть тело.

На этом готовый план действий закончился. Чем заняться теперь? Несмотря на вчерашний разговор — или благодаря ему? — настроение у меня было хорошее. В конце концов, теперь в жизни есть небольшая стабильность и четкая цель, которую Паук тоже разделяет.

Я вышла в коридор. В доме царил тишина. Ее нарушало лишь тихое жужжание холодильника, да отдаленные звуки работающей газонокосилки, доносившиеся с улицы. Ощущение простой домашней жизни накатило с ужасной силой. Боже, если забыть, что Паук — маньяк, то так легко было бы представить, что мы обычная пара, живущая в собственном доме! Я тряхнула головой, избавляясь от незваных мыслей. Никогда нельзя так забываться. Вчера идеалистические представления уже разбились о реальность, не стоит допускать этого снова.

Прокравшись по коридору я заметила в щель неплотно прикрытой двери, что Паук лежит на кровати. Похоже, даже мельчайшие бытовые звуки заставляли его мучиться, потому что мужчина прикрыл голову подушкой. Это зрелище вызвало странное удовлетворение внутри — не только я страдаю. Даже неуязвимый маньяк может претерпевать обычное, житейское похмелье. Через минуту радость сменили легкие угрызения совести. В конце концов, Паук почти всегда делал все, чтобы помочь мне, а я только смотрю и потешаюсь. Наверное, стоит сделать доброе дело и помочь своему спасителю-мучителю.

Спустившись на кухню, я открыла холодильник в поисках ингредиентов для утреннего лекарства. Рецепт мне открыла соседка по комнате еще в университете и оный не раз спасал мою буйную голову от законных последствий обильных возлияний. Слава богу, у Паука нашлось все необходимое, оставалось только смешать. В объемную чашку я выбила яйцо, добавила перца, соли, сахара, а затем слила туда же рассол от банки маринованных огурцов. Получившаяся жидкость выглядела неприглядно, да и пахла соответствующе. Интересно, рискнет ли Паук довериться моему опыту? Я нашарила на полке еще один стакан и

наполнила его чистой водой, чтобы дать пациенту запить вкус лекарства.

Мое появление на пороге комнаты с двумя бокалами наперевес было воспринято равнодушно. Паук даже не шевельнулся. Я опустила свою ношу на тумбочку и осторожно присела на край кровати.

— Эй, — осторожно тронув мужчину за плечо, я тут же отшатнулась от резкого движения. Паук, по всей видимости, не ожидал чьего-то присутствия рядом и тут же принял сидячее положение, изрядно меня испугав.

— Что случилось? — хриплый голос совсем не полнился дружелюбием.

— Вот. Это от похмелья, — я протянула стакан с коктейлем Пауку. Сердце забилось быстрее, но отступить было некуда.

— Что это? — маньяк принял стакан, понюхал содержимое и с отвращением отвернулся.

— Рассол и еще кое-что. Пахнет отвратительно, но эффект стоящий. Проверено годами.

Маньяк скептически посмотрел на меня, словно принимая решение, а затем залпом опрокинул жидкость в себя. Я с готовностью подала ему стакан с водой, который был осушен также в один присест. Наконец, мужчина упал обратно на подушки и вновь прикрыл глаза. На этом свою миссию я сочла выполненной и тихо покинула комнату.

После возвращения в спальню руки сами потянулись к сумке, принесенной из дома. Паспорт, деньги, коробочка с ключами от брненской квартиры, памятные вещицы и, на самом дне, дневник. Как ни странно, тетрадка, заведенная год назад взамен утраченной, выжила во всех приключениях и теперь служила вместилищем многочисленных моих тревог и печалей. Любовно проведя пальцем по корешку, я не удержалась и вдохнула запах бумаги, пропитанный чернилами — чуть терпкий и бесконечно родной. Взгляд зацепился за еще одну вещь, тускло блестящую между папкой с документами и маленьким фотоальбомом — плеер. Эта нежданная находка вызвала прилив восторга. Надо же, даже заряд еще есть!

Устроившись на кровати, я вставила наушники, включила песню и раскрыла дневник на середине. В тетрадке оказалась очень кстати забытая шариковая ручка, так и манящая излить мысли на бумагу. Вкрадчивый голос Элиса Купера нашептывал «Pick up the bones», как нельзя соответствующей моей жизни. Спина все еще болела, но я решила просто не обращать на это внимания. Все равно не получится сесть так, чтобы она успокоилась, так что какой смысл переживать?

Вчерашний разговор с Пауком подбодрил и разочаровал одновременно. Наставив ручку на бумагу, я вывела посреди новой страницы:

Ганс

Итак, я должна его найти. Вопрос в том, как это сделать. Мысли толпились в голове, цепляясь одна за другую. Чернила легко ложились на страницы, четко и лаконично расписывая план будущих действий.

— *Обыскать дом Ганса.*

— *Если он сбежал, найти информацию о нем.*

Немного подумав, я поставила напротив второго пункта жирный знак вопроса. Как

искать человека, который намеренно скрывается, у меня не было ни малейшего понятия. Здесь можно спросить Паука — ему постоянно удавалось находить свою жертву, как бы та не старалась затеряться.

— *Убить подонка.*

Увидев написанное, я замерла, чувствуя, как страх смешанный с сомнением поднимаются внутри. Неужели так просто спланировать чье-то убийство? Догнать, обезвредить и застрелить, хладнокровно глядя жертве в глаза? Пальцы задрожали от внезапного холода, разлившегося по коже. Если я действительно способна лишить жизни человека, пусть и очень плохого, чем я лучше маньяка?

С другой стороны, разве можно позволить Гансу разгуливать на свободе? Он найдет свой идеальный холст в ком-то другом, кому не повезет так сильно, как мне. Вот только кто дал мне право быть судьей и палачом? Мы больше не живем в мире хаоса и анархии. На все существует порядок и закон. И если бы дело заключалось лишь в достойном наказании для убийцы, то я должна обратиться в полицию. Но правда заключалась в том, что мне хотелось взглянуть в глаза Ганса перед тем, как последний вздох покинет его тело. Страстное желание отомстить лично с легкостью расправилось с налетом цивилизованности и пробудило в глубинах души совсем другое — охотничий азарт. Это было новое ощущение, вовсе не похожее на панический страх добычи, которым до сих пор наполнилось сердце.

Отбросив в сторону тетрадь с ручкой, я резко поднялась на ноги и отошла к окну. Внутри прочно сцепились отвращение к самой себе и подлое ощущение правоты.

Размышления прервала трель дверного звонка, пробившаяся даже сквозь музыку в плеере. Вытащив наушники, я подбежала к двери в коридор. Судя по звукам, Паук уже встал и теперь спускался на первый этаж.

Не в силах совладать с природным любопытством, я тихонько прошла вперед и остановилась у лестницы. Мне не было видно, что происходит внизу, так что пришлось довольствоваться лишь звуком разговора.

— Офицер Шкода, добрый день, — я рискнула сползти на ступеньку ниже, чтобы улучшить слышимость. — Пан Седлак?

— Добрый день. Да, это я, — голос Паука излучал сплошную доброжелательность. Похоже, мое лекарство успело подействовать.

— К нам поступил запрос об исчезновении человека. Я бы хотел задать вам пару вопросов.

— Разумеется. Проходите.

Раздались звуки шагов.

— Прошу, — голоса теперь раздавались ближе, значит, Паук пригласил полицейского в гостиную. — Чем могу помочь?

— Вы знаете доктора Долежала?

— Да, конечно. Он был здесь два дня назад. Спина у меня пошаливает, иногда не разогнуться без чьей-то помощи, — врал маньяк так гладко, что не знай я о настоящем положении вещей, то поверила бы каждому слову. — С доктором что-то случилось?

— В котором часу вы видели его в последний раз? — зачитал офицер следующий вопрос, проигнорировав вопрос Паука. В том, что мужчина читает с бумажки, я не сомневалась, уж больно складно и механически это у него выходило.

— Думаю, часа в четыре вечера, — Паук чуть запнулся. — Может, пол-пятого. Честно говоря, не смотрел на часы.

— Вы не заметили чего-то странного? Может быть доктор нервничал или говорил о еще одной встрече?

— Дайте-ка подумать, — задумчиво проговорил убийца и я буквально видела, как он хмурится и задумчиво трет подбородок. — Пан Долежал упоминал, что бензина в машине осталось немного, а ехать ему нужно в Брно. То ли в Жиденице, то ли Речковице, не помню район. Может, он еще что говорил, но я не помню.

— Благодарю. Можете еще раз повторить названия районов?

Паук повторил. Я сидела, чувствуя, как тревожно бьется сердце. Убийца намеренно уводил следствие от своего дома, но не приходилось сомневаться в том, что рано или поздно полиция выйдет на правильный след.

— Надеюсь, доктор найдется в скором времени, — с большим участием проговорил Паук.

— Обычно восемьдесят процентов пропавших возвращаются сами в течение недели и причины их отсутствия довольно банальны. Загулы, обиды, внезапные путешествия. Но мы обязаны проверять каждый случай, — в голосе офицера проскользнула веселая нотка. Видимо, вспоминал подобные случаи из практики.

— Разумеется, — маньяк негромко рассмеялся.

— Спасибо за помощь. Если вспомните что-то еще, имеющее отношение к пану Долежалу, дайте мне знать.

Я слышала, как закрылась входная дверь и осторожно прокралась обратно в комнату. Кто знает, как отреагирует Паук на подслушивание? Предмет моих мыслей зашел в спальню минутой позже. По его лицу ничего нельзя было прочесть, но в глазах мерцал огонь.

— Ты все слышала? — спросил мужчина, приближаясь ко мне. Я забралась с ногами в кресло, стоявшее у кровати и теперь маньяк стоял совсем близко, блокируя выход.

Чуть помедлив, я кивнула. Бессмысленно отрицать то, что и так очевидно. Вопрос в том, как Паук узнал? Неужели услышал шаги? Или просто не сомневался, что я захочу знать все, что происходит?

— Нам нужно бежать, малышка, — мужчина коснулся моих волос и я невольно подалась навстречу этой легкой ласке. Было что-то завораживающее в том, как горячие пальцы скользили по чистым, еще влажным волосам, а затем неспешно перебрались к нежной коже за ухом.

— Мы уходим сейчас? — задала я вопрос, с трудом собрав в кучу разбегавшиеся мысли.

— Завтра. Время еще есть.

— Значит, ты действительно убил врача, — почему-то в глубине души еще жила по-детски наивная надежда, что вчерашний разговор был лишь страшной шуткой. Теперь, после визита полиции, она испарилась, оставив после себя лишь горестный осадок.

Мы помолчали, погруженный каждый в свои мысли. Паук выглядел довольно спокойно, даже если учесть, что ему придется бросить собственный дом. Безусловно маньяк знал об этом, когда убивал доктора. Или же преступление было совершено под влиянием момента? Как бы то ни было, раньше у Паука было собственное логово, где можно спрятаться и зализать раны. Что будет теперь я не имела ни малейшего понятия.

— Ты не передумал насчет Ганса? — упоминание ненавистного нам обоим имени прервало неспешное движение пальцев по моей коже.

Паук осторожно обхватил мой подбородок и поднял его, принуждая встретиться с мужчиной взглядом.

— Твой поклонник попытался отобрать то, что мое по праву. Разве я могу отказаться от идеи разmozжить его голову огромным камнем? — кривая улыбка исказила губы маньяка, делая выражение лица совсем жутким. Паук — псих. Но это обстоятельство играло мне на руку. Кто еще мог бы согласиться на подобную авантюру, кроме него?

Я потянула мужчину вниз и тот послушно опустился на колени перед креслом. Руки несмело скользнули по плечам, прикрытым черной рубашкой. Жар его тела немедленно передался мне. В следующую секунду я уже прижималась губами к его, желая поглотить так много огня, как это только возможно. Паук ответил на поцелуй, его язык боролся с моим, порождая тяжелое, тянущее ощущение внизу живота. Ладони мужчины скользнули по моим ребрам выше, мягко обхватив грудь, обтянутую футболкой. От этого касания я чуть слышно застонала. В этот же момент маньяк отстранился, оставив ощущение требовательной пустоты после себя.

Паук дышал тяжело, словно после длительной пробежки и избегал моего прямого взгляда.

— Что случилось? — прошептала я, вновь протягивая руку, но мужчина уже встал и отошел на несколько шагов. Эта отстраненность отдалась болезненным уколом в сердце.

— Как спина? — сухо поинтересовался Паук, опускаясь в кресло напротив. На его лице вновь воцарилась нейтральная маска, не пропускающая эмоции.

— Все еще болит, но я почти научилась не обращать на это внимания, — немного сбивчиво ответила я, растерявшись от смены темы.

В следующую секунду меня настигло понимание. Паук всегда любил мою кожу, был буквально помешан на ее безупречности. После того, что сотворил Ганс, шрамы останутся на всю жизнь, а значит для маньяка я перестала быть идеальной. Возможно, я больше не возбуждаю его? Эта мысль выглядела логичной и такой жестокой, что к глазам сами собой подступили слезы. Но сейчас расклеиться нельзя, только не перед Пауком. Если он умеет справляться со своим лицом, я тоже научусь. А потом, оставшись одна, как следует поплачу.

— Куда мы направимся? Нам нужен план, — быстро проговорила я, не доверяя собственному голосу. Только бы не заикливаться на случившемся, иначе сдержаться точно не выйдет.

— Есть пара мыслей. Но в первую очередь мы навестим нашего друга Ганса, — Паук усмехнулся.

— А что, если его не будет в доме?

— Я почти уверен, что мы его не найдем. Человек, решившийся сотворить такое, не будет оставаться на месте. Думаю, сейчас он надежно укрылся в запасной норе и следит за тем, как будут развиваться события.

— А у тебя тоже есть запасная нора? — мысль показалась мне здоровой. Действительно, если маньяк убивает и знает, что в любой момент может быть раскрыт, было бы логично обзавестись надежным убежищем.

— Что-то вроде того, — Паук поднялся из кресла и подошел к окну. — Надеюсь, ты понимаешь, что для тебя обратной дороги уже не будет? — голос мужчины стал вкрадчивым, почти соблазняющим.

— Обратной дороги куда? К разрушенной жизни? Нет уж, спасибо, — почти грубо ответила я, украдкой прикасаясь пальцами к губам, все еще хранившими влагу недавнего

поцелуя. — Мы с тобой найдем Ганса и прикончим подонка.

После того, как Паук отверг меня, желание расправиться с бывшим бойфрендом возросло многократно. Внутри поднялась ярость, смешанная с отчаянной обидой.

— Моя малышка, — почти восхищенно проговорил Паук, повернувшись ко мне. На фоне яркого окна его фигура казалась почти черной, словно сотканной из тьмы. — Ты нравишься мне все больше с каждым днем.

— Кстати, — меня осенила внезапная мысль. — А что ты сделал с машиной, на которой я приехала?

— Она в гараже.

— Это машина Ганса, я угнала ее. Думаю, там может найтись что-то, что нам поможет.

— Ты удивляешь меня, малышка, — Паук с одобрением улыбнулся. — Пойдем.

Мужчина подошел к креслу и протянул мне руку. Я приняла помощь и поднялась, вновь поморщившись от боли в спине. Это не укрылось от внимания Паука и по лицу его пробежала тень. Похоже, догадка о нарушенном идеале была верной и маньяк действительно глубоко переживает потерю. Я постаралась выбросить эту мысль из головы, но отделаться от нее оказалось не так то просто.

Мы спустились вниз и вышли во двор. Высокий сплошной забор огораживал территорию, делая ее недоступной для посетителей. Распахнутую калитку Паук запер, полностью изолировав нас от мира. Светло-серая дверца гаража поехала вверх, открывая моему взгляду пахнущее бензином нутро гаража. Здесь стояло две машины. Одна из них принадлежала Гансу, а вторая, вишневый мерседес, по всей видимости Пауку. Я в очередной раз задалась вопросом, откуда у маньяка столько денег?

Внутри машины Ганса пахло дешевым освежителем воздуха с запахом ели. На водительском сиденье застыли потеки крови, очевидно моей. От воспоминания о кошмарной ночи в подвали кончики пальцев похолодели, а внутри появился склизкие ком страха и отвращения.

— Что ж, давай посмотрим, что здесь может найтись, — Паук первым делом полез под сиденье, тогда как я распахнула бардачок.

Результатом обыска стала кучка мусора и несколько интересных находок. Одной из них была коробочка от сим-карты с указанным на ней номером. Паук сразу отложил ее в сторону очень полезных вещей, пояснив, что с помощью правильных людей можно выяснить, на кого карта была зарегистрирована. Также маньяк не дал выкинуть кипу парковочных талонов, с пугающим профессионализмом разделив их на кучки согласно месту парковки, то есть там, где есть вероятность встретить Ганса. Глядя на сосредоточенные и уверенные действия убийцы я начинала понимать всю тщетность затеи сбегать от него. Паук просто криминальный гений.

Последним и самым важным предметом в нашей коллекции оказалась квитанция на оплату коммунальных счетов. Судя по адресу, это был счет не за дом Ганса, а за какой-то другой. Зачем мужчине платить за что-то, что не принадлежит ему? Конечно, бумага могла оказаться в машине по ошибке или ее забыл кто-то из знакомых Ганса, но такой вариант был маловероятен.

Закончив с обыском, Паук закрыл гараж.

— Что же, даже если мы не найдем твоего друга завтра, то теперь у нас есть достаточно информации, чтобы поискать в других местах. Люблю игры в прятки, — Паук потянулся и жизнерадостно улыбнулся.

Мужчина выглядел действительно оживленным и это пугало. Маньяк наметил новую жертву и в этот раз я собиралась ему помочь.

— Ты готова?

Паук зашел в спальню ровно в тот момент, когда я закрыла молнию на сумке. Мой взгляд скользнул по комнате. Вроде бы все упаковано. Да и сколько там тех вещей? Ровно на сумку и хватило.

После сборов спина начала ощутимо болеть, но при Пауке я старалась держаться. Отдохну в машине. Маньяк сделал пару шагов по направлению ко мне и остановился в полуметре. На его лице не отражалось ничего, словно смотришь в лицо мраморной статуи. От этого становилось очень неуютно.

— Ты же понимаешь, что это дорога в один конец, малышка, — Паук смотрел куда-то вверх моей головы, а в голосе его сквозило напряжение. — Если ты сейчас сядешь в машину, то уже никогда не вернешься к нормальной жизни.

— Я знаю, — спокойно проговорила я. — Мы уже это обсуждали.

Несмотря на деланное спокойствие внутри все сильнее разгорался костер сомнения. Правильно ли я поступаю? Путешествие с одним маньяком в погоне за другим только на бумаге выглядит привлекательно, тогда как в жизни все окажется гораздо сложнее. Господи, да даже теперь все сложно. Паук может убить меня в любой момент, как только голоса в его голове обретут достаточную власть над рассудком. А если убийца сдержит слово и будет держать себя в руках, то лучшее, на что нам придется рассчитывать это тревожная жизнь под чужими именами, постоянная маскировка и не проходящий страх. Разве это то будущее, о котором я мечтала?

— Тогда пойдем, — Паук протянул руку.

Он снова носил перчатки, совсем как год назад. Черная, хорошо выделанная кожа. Один их вид посылал по коже волну жара. Наверное, это мой фетиш.

Мой взгляд встретился с темными глазами мужчины. Его глаза ничего не выражали, словно убийце все равно, приму я руку или нет. Вот только я знала, что спокойствие обманчивое. Паук пожертвовал собственной маскировкой и уютным убежищем, чтобы спасти мне жизнь. И в его голове выбор стоял совсем иного характера — либо я безоговорочно принимаю условия сделки и еду туда, куда скажет маньяк, либо остаюсь здесь в виде хладного трупа в ожидании полиции. Последняя мысль окончательно перевесила сомнения.

— Пойдем.

Я вложила свою ладонь в ладонь мужчины и слабо улыбнулась. Уверенности в правильности выбранного пути не появилось, но по крайней мере это лучше, чем стать двадцать восьмой строчкой в списке. Мы поедем разбираться с Гансом, а дальше... а дальше увидим. Наши жизнь совершили столь крутой виток, что загадывать что-либо на будущее просто бессмысленно.

Ощущение кожи перчаток, скользнувшей по руке, только усилило жар, постепенно смещавшийся вниз живота. Паук крепко сжал мою ладонь в ответ. И пусть вслух не прозвучало ни звука, облегчение, мелькнувшее в его глазах, сказало больше, чем все слова мира. Похоже, он до последнего сомневался в моем выборе.

Вишневым мерседес стоял посреди двора. Лучи послеполуденного солнца играли на крыше, отбрасывая рубиновые блики на забор и стены домов. Машина сияла от обилия света

и от этого выглядела почти игрушечной. Полной грудью вдохнув прохладный осенний воздух, я поежилась. Пальто осталось где-то в Гансовом подвале, а среди вещей, что принес Паук, ничего теплого не оказалось.

— Не слишком приметная машина для нас? — я с благоговейным трепетом провела пальцами по капоту, ощущая гладкую поверхность лакированного корпуса.

Мерседес был и впрямь шикарен. В темноте гаража у меня не было возможности в полной мере его оценить, но теперь, при свете дня, машина предстала во всем своем великолепии. На такую на трассе точно обратишь внимание, что и вызывало беспокойство. Как можно скрываться за рулем такой роскоши?

— Чем приметнее машина, тем меньше внимания уделят пассажирам, — проговорил Паук, открывая багажник. — Обычная психология.

— А если все-таки обратят?

— Обязательно обратят. Просто не сразу, — мужчина опустил мою сумку в багажник. — Так что пока покатаемся на этой, потом поменяем. Искать будут двоих в мерседесе, а мы превратимся в пару на Шкоде.

Сумка упорно не хотела входить в небольшое пространство багажника, безуспешно соперничая с двумя вместительными чемоданами, уже угнездившимися в глубине. По всей видимости, это вещи Паука.

— У тебя шмоток больше, чем у меня, — полушутливо заметила я, решив сменить направление разговора. Обсуждение способов скрыться от полиции мне не нравилось.

Маньяк не ответил, но взгляд, брошенный поверх двери, был красноречивее слов. Похоже, не самая удачная шутка получилась. Наконец, сумка заняла положенное место и дверца багажника мягко скользнула на место. Я же задумалась. Паук не производит впечатления человека, убивающегося по шмоткам. Тогда что лежит в чемоданах? Книжки? Или... догадка заставила сердце биться чаще. Фотографии, трофеи, оружие — все, что могло бы помочь полиции провести параллель между Йозефом Седлаком и маньяком-убийцей. И как это мне сразу в голову не пришло?

— Садись в машину. Сейчас вернусь, — Паук вновь скрылся в доме.

Внутри мерседеса оказалось роскошно. Кожаные сидения, большой простор для ног, встроенная магнитола с колонками. Откуда же у Паука деньги на такую роскошь? Как-то раз мужчина обмолвился о полученном наследстве, но у меня были на этот счет сомнения. Однако других жизнеспособных предположений я выдвинуть не могла.

Мужчина вернулся быстро. Пристегнувшись, он бросил пристальный взгляд на покидаемый дом, а затем завел машину. Оставалось только догадываться, что именно чувствует маньяк, покидая уютное логово. Довольно вспомнить мои собственные ощущения, когда приходилось покидать вначале любимую квартиру в Брно, а затем и здесь, в Вене. Оба раза это происходило под влиянием чрезвычайных обстоятельств и другого выбора не было. Вот только у Паука он был. Убивая доктора, мужчина четко осознавал последствия. Значит ли это, что я ему дороже комфорта? Эта идея мне нравилась и вместе с тем пугала.

— Куда мы едем? — спросила я, когда машина мягко выехала со двора и заскользила по узким пригородным улочкам.

— Навестим Ганса, — ухмыльнулся Паук. — Думаешь, он будет рад тебя видеть?

Увы, бывший бойфренд оказался еще большим подонком, чем казалось. Дом, по чьему адресу мы приехали, исчез. Вместо него посреди выгоревшего дотла участка возвышался черный остов с остатками стен. Деревянный забор также погиб в пламени, оставив после

себя лишь почерневшие железные столбы.

Выйдя из машины, я на негнувшихся ногах прошла к чудом уцелевшей калитке. После нее начиналась выжженная земля, усеянная остатками черепицы и горелым деревом. По всей видимости, дом пылал достаточно долго, пока кто-то не вызвал пожарных. В результате тушения местность превратилась в болото, мерзко хлюпающее под ногами. Сделав несколько шагов вперед, я тут же увязла в черной липкой грязи и поспешила выбраться обратно на твердую землю.

Лучи закатного солнца окрашивали пепелище в багровые тона. В результате игры света казалось будто земля побурела от крови, отчего становилось не по себе. Лес вокруг бывшего дома также слегка пострадал, ближайšie к пожару деревья щерились обгоревшими стволами, а подпаленные ветки сиротливо тянулись к сизо-красному небу.

В воздухе висел тошнотворный запах горелого пластика. Хлопья пепла взлетали вверх от малейшего дуновения ветерка, превращаясь в серую, пачкающую вьюгу. Пристально вглядываясь в остатки дома, я пыталась угадать внутреннюю обстановку. Кажется, вот тут была гостиная, а направо располагалась кухня. Если пошарить, наверняка найдется вход в подвал. Вот только судя по количеству воды на поверхности, в подвале ее еще больше.

— Сволочь, — прошептала я в пустоту. — Неужели ты это специально поджег дом?

— Специально, — голос Паука прозвучал заставил меня вздрогнуть от неожиданности. Погрузившись в размышления, я успела забыть, в чьей компании сюда приехала. — Как только ты сбежала, он сделал примерно то же самое, что и мы. Собрал вещи и поджег дом.

— Но мы не сжигали дом. Или... ты?... — я пораженно уставилась на мужчину.

— Думаю, уже догорает, — равнодушно обронил Паук. — Надеюсь, огонь не перекинулся на соседские.

Сердце забило быстро-быстро, но даже несмотря на это меня пробил озноб. Неужели ради меня маньяк уничтожил собственный дом? И если до этого открытия внутри еще жила призрачная надежда на возвращение, то теперь стало абсолютно ясно — пути назад нет. Именно это и имел ввиду убийца, когда заходил ко мне перед отъездом. Но зачем такие радикальные меры?

Спросить я не успела. Паук шагнул вперед и уверенно прошел к остаткам дома, не обращая внимания на грязь. Черные брызги оседали на одежде, но мужчина упорно шел вперед. Чуть помедлив, я также наплевала на чистоту и двинулась за ним. Не хотелось признавать, что пусть сюда оказался напрасным. Может здесь что-то уцелело?

У самого дома на мощеной дорожке оказалось суше. Вода успела стечь с камней и впиталась в почву. Было хорошо видно, что пожар начался с кухни, а затем перекинулся на гостиную и начал пожирать стены с перекрытиями. Если учесть, что вход в подвал находился именно там, то сомнений не оставалось — Ганс намеренно поджег дом, чтобы замести следы.

Паук осторожно ступил на обгоревший пол и начал продвигаться вперед, вначале прощупывая ногой пол, и только после этого рискуя на него становиться.

— Где дверь в подвал?

— На кухне.

Я стояла на месте, не решаясь повторить путь мужчины. К тому же, запах гари был таким сильным, что у меня разболелась голова. Паук тем временем добрался до нужного пятка, перешагивая горы горелого хлама. Мой взгляд с удивлением выхватил полусгоревшее черное пальто — мое пальто! Неужели Ганс не избавился от него как от

улики?

Добравшись, наконец, до кухни, Паук с силой пнул дверь, ведущую вниз. Из подземного нутра тут же повалил густой черный дым.

— Черт! — выругался мужчина, отскакивая от входа. — Похоже, там все еще что-то тлеет.

— Ганс позаботился о том, чтобы было чему гореть, — задумчиво произнесла я. — Когда он держал меня внизу, там все было из бетона и железа.

— Значит, здесь нам ничего узнать не удастся, — Паук ловко пробрался обратно ко входу. — Впрочем, это было ожидаемо. Огонь как нельзя лучше подходит, чтобы замести следы.

— И что теперь?

— У нас еще достаточно зацепок.

Мужчина уверенно зашагал обратно к машине. Я поспешила за ним, чувствуя себя бесполезным придатком супергероя. Вот только в нашем случае, главной фигурой был скорее злодей, чем добряк-спасатель.

— Куда теперь? — спросила я, когда мы оказались в машине.

— Туда, где нас никто не будет искать, — ответил Паук, поворачивая ключ в зажигании.

Мерседес плавно заскользил по проселочной дороге. Несмотря на ужасное качество дорожного покрытия, при езде это не слишком ощущалось.

Закат догорел на горизонте и ему на смену пришла осенняя ночь. Под ее пологом скрылись придорожные деревеньки, выдававшие свое присутствие лишь редкими желтыми огоньками и темные леса, кроны которых изредка выхватывал свет фар.

Мерное движение и мельтешащие за окном деревья настраивали на сонный лад. Паук молчал, я же погрузилась в размышления, который раз за день. Рядом со мной мужчина, с которым, по всей видимости, нам придется провести немало времени наедине. Но какие между нами отношения? Раньше все было проще. Опасность, одержимость, запретное, но сладкое удовольствие. Хотя бы частично, но я была уверена, ради чего Паук оставляет меня в живых. Теперь же, когда маньяк так ясно отверг мое искалеченное тело, что же осталось? Общая тайна? Или... я нравлюсь ему как человек и секс тут уже не при чем? Мысль была неожиданной и вызвала странное ощущение внутри.

Многие ли бойфренды видели во мне именно человека? Природная блондинка с хорошим телом и неплохим заработком, вот что они ценили. Но думал ли тот же Дэни о моих чувствах? Восхищался ли характером, целеустремленностью, умом? Это маленькое, странное открытие вызывало внутреннее неудовольствие. С другой стороны, с чего я решила, что Паук видит во мне что-то иное?

Я покосилась на предмет размышлений, словно надеялась в его лице найти ответ. Мужчина неотрывно следил за дорогой, даже не поворачивая головы в мою сторону.

С другой стороны, потакая моим страхам и собственной жажде обладания, маньяк убил доктора, а затем сжег собственный дом. Последнее до сих пор поражало и ужасало одновременно. Смогла бы я уничтожить собственную квартиру? Ни за что. Пусть она и наполнена неприятными воспоминаниями, но она моя и ее стены хранят не только плохое, но и хорошее. А Паук просто взял и решился. Учитывая, что мы теперь не будем разделять близость, это что-то да значило.

— Почти приехали, — проговорил мужчина, нарушая ход моих мыслей.

— Где мы?

В темноте было совершенно непонятно, где мы оказались. Машина медленно ползла сквозь маленький поселок. По всей видимости, Паук выискивал здесь какой-то конкретный дом. Я же была рада скорому окончанию поездки. Пара часов в машине не самым лучшим образом сказались на израненной спине. Она болела и чесалась одновременно, заставляя меня постоянно ерзать на сиденье. Как только окажусь в более-менее приличном месте, сниму надоевшие бинты и как следует вымоюсь, даже есть после этого спина совсем отвалится!

Наконец, мерседес мягко затормозил. В свете фар было видно, что деревня осталась позади. Сбоку от нас на отшибе возвышался единственный дом. Окна приветливо светились оранжевым, наводя на мысли о тепле, еде и мягкой постели.

Я вышла из машины и тут же поежилась от холодного ночного воздуха. Темно-синее небо было усыпано бледными искорками звезд. Их оказалось много, гораздо больше, чем видно из города. По всей видимости, мы остановились достаточно далеко от крупных населенных пунктов и искусственные источники света не могли перекрыть этого волшебного зрелища.

— Нам сюда? — я повернулась к домику.

Строение стояло посреди поля на небольшом возвышении. Ни калитки, ни забора, просто дом.

— Да, малышка, — Паук подошел ко мне и, сняв куртку, укрыл мои плечи. Чужое тепло тут же согрело кожу, а волна горького, травяного запаха коснулась ноздрей, непроизвольно заставляя вздохнуть поглубже. — Дай мне руку, — горячие пальцы сжались на моей ладони.

Мужчина притянул меня к себе, запечатлев поцелуй на лбу. Я на секунду прикрыла глаза, наслаждаясь близостью.

— К кому мы приехали?

— Сейчас узнаешь, — негромко проговорил Паук, отстраняясь. В его голосе звучало странное напряжение, которое тут же передалось и мне.

Мы пересекли заросший высокой травой участок и вышли на мощеную кирпичом дорожку. Несколько метров до крыльца — и вот уже дверь. Паук занес руку и, слегка замешкавшись, постучал. Эта запинка обычно уверенного в себе мужчины удивила и насторожила меня. Кто же живет в этом доме?

Ответа не пришлось ждать долго. Раздались шаркающие шаги и приглушенная ругань. По всей видимости, хозяин дома не ждал гостей. Наконец, дверь распахнулась и на пороге возник мужчина. На вид ему было больше шестидесяти. Белая майка-алкоголичка с застарелыми пятнами, домашние штаны с вытянувшимися коленками, стоптанные пластиковые тапочки — все в нем выдавало человека неряшливого и любившего хорошенько выпить. Под карими глазами залегли глубокие тени, как обычно бывает при болезнях почек. На лысеющей голове клоками торчали седые волосы, кое-как зачесанные назад.

— Привет, папа, — проговорил Паук, делая шаг вперед.

От удивления я чуть было не вскрикнула. Папа? Мой взгляд тотчас заметался меж двух мужчин. Стоило лишь присмотреться, как становилось очевидным родственное сходство — те же брови, разрез глаз, линия челюсти.

— Йозеф? — голос старика оказался скрипучим и неприятным. — Что ты здесь делаешь?

— Решил тебя навестить. Может,пустишь? — голос маньяка казался подчеркнуто нейтральным, словно мужчина тщательно контролировал себя.

— Ну заходи. А это кто с тобой? — отец Паука посторонился, пропуская нас внутрь.

В доме оказалось тепло. На этом его достоинства заканчивались. Крошечная прихожая была заставлена множеством хлама от садового инвентаря до нескольких книжек, служивших подпорками сломанному стулу. Стены, некогда обклеенные обоями в цветочек, теперь кое-где щерились облупившимися досками. Из прихожей дверь вела в коридор, откуда можно было увидеть кухню. Источником света служила лампа с покосившимся абажуром, висящая под самым потолком.

— Кристина. Моя жена, — коротко представил нас убийца, второй раз за вечер вызывая мое удивление. В прошлом году мне уже приходилось играть роль спутницы жизни перед лицом старого друга Паука, но обманывать отца?

Словно в ответ на эти мысли, пальцы мужчины чуть сильнее сжались на ладони.

— Жена, значит? — на лице старика мелькнуло любопытство, сменившееся гримасой недовольства. — Ну, хоть что-то сделал как надо. А ты, девонька, ничего так. Неужто кого получше моего сына найти не смогла?

Я растерянно посмотрела на собеседника, не зная, как реагировать. Но Паук меня опередил.

— Отец, — в одном слове уместилось столько ярости, что хотелось на всякий случай отбежать подальше. — Не принимайся за старое.

— За старое? А чего ты хотел? Всю жизнь меня позоришь, а теперь ждешь, что буду стелиться перед женушкой твоей? Нет, родной, не пойдет так. Все как есть буду говорить, а не нравится, так убирайся туда, откуда пришел, — ворчливо произнес старик и повернулся ко мне. — Ян Седлак.

— Очень приятно, — пробормотала я, протягивая руку. Рукопожатие у отца Паука оказалось на удивление крепкое.

Похоже, здесь замешана какая-то старая семейная ссора, частью которой я теперь невольно являюсь. Поведение отца Паука удивляло — обычно родители не напускаются на детей, стоит им переступить порог. Разве что, отец в курсе кровавых увлечений сына?

— Чего тебе нужно? Семь лет ни звонка, ни письма, а тут нате вам, явился не запылится, — подозрительно спросил Ян, глядя на Паука. — Тоже мне, деятель науки. Что, так и не нашел времени девять цифр набрать?

Похоже, дело не в убийствах, иначе бы назвал сына совсем по-другому. Я с тревогой перевела взгляд на своего маньяка. На его лице ходили желваки, а глаза, казалось метали молнии.

— Решил познакомить с женой и узнать, как ты тут, — сухо обронил мужчина. — Вижу, что зря. Мы уезжаем.

— Куда это вы поедете? Ночь на дворе, не видно ни зги. Пойдемте, на кухню, хоть чаю попьем.

— Хорошо, мы останемся, — неожиданно согласился Паук. — И переночуем здесь, если ты не против.

Перемена планов меня удивила, но я решила не спрашивать. И так ясно, что маньяку нелегко находиться в обществе отца.

— Вот и славно, — Ян обрадовался и его обрюзгшее лицо на секунду озарила радость. — Пойдемте, дети, пойдемте.

Старик зашаркал по коридору. Теперь я заметила, что мужчина приволакивает одну ногу — по всей видимости старая травма. На кухне оказалось не лучше, чем в коридоре.

Большой обеденный стол завален грязными тарелками, пакетами с остатками еды, а под ним громоздились пустые бутылки. Похоже, вывод о любви к выпивке оказался верным. Оглядываясь по сторонам, я заметила, что на стенах висят фотографии. С черно-белых карточек смотрели улыбающиеся лица, молодые и не очень. Всех их объединяло фамильное сходство, так что можно было сделать вывод — это семья Паука.

— Вы садитесь, садитесь, я только чай заварю, — Ян засуетился по кухне.

Из старого крана со стоном хлынула вода, зазвенев о раковину и брызгами осев на стенах. Я же с любопытством рассматривала обстановку. Судя по всему старик жил в доме один, по крайней мере следов присутствия кого-то еще не наблюдалось. Кроме фотографий на стенах кое-где виднелись небольшие декоративные тарелочки и картинки. Их было немного, но вполне достаточно, чтобы создать ощущение уюта. Если эту кухню отмыть и выкинуть весь мусор, получилось бы вполне мило. Вот только Ян не производил впечатления ответственной домохозяйки.

Оказаться в доме, где вырос Паук было странно. Раньше, занятая выживанием и попытками обойти рифы характера маньяка, я даже не думала о том, что где-то существует его семья. Возможно, проблема в том, что он не воспринимался как обычный человек. Разве могут быть у знаменитого убийцы любящие — или в нашем случае не очень — родители?

Отношения между Пауком и отцом ставили в тупик. Было очевидно, что Ян не питает теплых чувств к сыну и потому вдвойне непонятно, почему мы оказались именно здесь. Даже мне было не по себе в компании ворчливого старика, а уж маньяку, не привыкшему перед кем бы то ни было отчитываться, это должно доставлять настоящие мучения. Оставалось только понять, зачем убийце понадобилось навестить родные стены. Не может же отчий дом являться его запасным вариантом?

— Так что, сын? Рассказывай давай, как живешь, — проговорил Ян, наполняя чайник водой. Голубое пламя конфорки зашипело, когда эмалированное дно коснулось железной решетки.

Мужчина обернулся, сделал пару шагов и опустился на скрипящий табурет напротив нас. Карие глаза в обрамлении морщин смотрели испытующе и немного нетерпеливо. Что ж, я могла его понять. Сын, появившийся на пороге спустя семь лет — это действительно могло выбить из колеи. Думаю, ему тоже интересно, что за причина привела Йозефа сюда, еще и так неожиданно.

— У меня все в порядке, — коротко ответил Паук. — Как сам?

— Старость не радость, как сам понимаешь, — прокряхтел старик, уверенным жестом сметая хлебные крошки со стола на пол. — Все болит, дети не навещают. Дом надо чинить, денег нет. В общем, ты и сам видишь.

— Понятно.

После короткого обмена фразами в кухне воцарилась тишина, прерываемая лишь кряхтением разогревшегося чайника. Атмосфера ощутимо накалилась. Я переводила взгляд с Паука на Яна и понимала, что этот визит домой вряд ли закончится без скандала. Ощущение бури нарастало с каждой секундой и было неуютно осознавать, что у меня нет ни малейшего понятия о ее причинах. На простой конфликт отцов и детей это уже не походило. Даже спустя семь лет разлуки они даже не способны спокойно поговорить, а это уже говорило о многом.

Отец Паука не спешил продолжать беседу. Потянувшись к коробочке на краю стола, мужчина достал сигарету и жестом предложил закурить и нам. Не дождавшись реакции, Ян щелкнул зажигалкой и с удовольствием втянул в себя резко пахнущий дым. Чуть поморщившись, я непроизвольно отодвинулась. Табачный запах вызывал тошноту еще с

детства.

— Где мама? — задал вопрос Паук.

— Мать то? — Ян поднялся с табуретки и отошел к плите. — Так это... Умерла она года два назад.

Моего колена коснулась горячая ладонь. От неожиданности я вздрогнула и посмотрела на маньяка. Его лицо и прежде сохранявшее тщательно нейтральное выражение, теперь больше напоминало погребальную маску.

— Как это произошло? — голос мужчины дрогнул, выдавая эмоции.

Ян наконец повернулся к нам и на лице старика можно было увидеть смесь вины и боли. Прочистив горло, он сделал очередную глубокую затяжку, а затем медленно выпустил дым в воздух, собираясь со словами.

— Дык... заболела она. Вроде все хорошо было, а потом в момент и свалилась. Ну я, значит, доктора вызвал, все как надо. Мать в больницу увезли, какие-то анализы делали. В общем, рак у нее был, последняя стадия. Говорят, ума не приложат, как она в таком состоянии даже не чихнула. Дали ей месяц жизни, да вот только мать и того не продержалась. Всего раз в сознание пришла, тебя звала, да сестру твою, а через неделю Богу душу отдала.

Ян скривился, едва сдерживаясь, чтобы не заплакать. Судя по всему кончина жены до сих пор заставляла его страдать. Я же ощутила, как засосало под ложечкой. Паук и раньше не отличался эмоциональной стабильностью. Так что же будет теперь, после уничтожения собственного дома и потери матери?

Неловкое молчание прервал свист чайника. Ян занялся чаем, а я повернулась к Пауку, глядя ему в глаза. Не знаю, почему, но мне хотелось, чтобы он заплакал, разозлился или сделал хоть что-нибудь. Но мужчина молчал.

Нащупав его ладонь под столом, крепко сжала горячие пальцы. Внезапно появилась потребность немедленно увести маньяка из этого дома. Желание было странным. Неужели мне хочется защитить его? На его руках кровь нескольких десятков человек, Паук — хладнокровный убийца. Но тем не менее я жалела его и хотела уберечь от боли. Рационально? Нет. Просто по-человечески. Сейчас, сбегав от всего и вся, особенно остро ощущалось, как просто лишиться вещей, что ранее казались незыблемыми. Родители, друзья, привычный уклад жизни. Иронично, но ценить их мы начинаем лишь потеряв. А Паук живет так уже много лет. И несмотря на то, что это его собственный выбор, мне было жаль его.

Не удержавшись, я подалась вперед и быстро коснулась чуть колючей щеки поцелуем. Это касание словно вернуло мужчину в реальность. Моргнув, маньяк посмотрел на меня и на секунду в его глазах мелькнуло выражение растерянности, быстро, впрочем, сменившееся злостью.

Перед нами появились чашки с горячим чаем. Воспользовавшись моментом, я положила ладони на горячие керамические бока, делая вид, что увлечена погружением бумажного пакетика в воду. На самом деле, мне просто были нужны хотя бы пара минут, чтобы понять, как себя вести.

— А что с Анетой? Приехала на похороны? — хриплый голос маньяка прорезал тишину.

— Она была, — с напряжением проговорил Ян. — Уехала сразу после церемонии.

Понадобилась всего секунда, чтобы сообразить, что речь идет о сестре Паука. Еще один пункт в список интересных фактов о мужчине, который пытается меня убить.

— Не могу ее в этом винить, — в голосе Паука зазвучал металл.

— По крайней мере Анета приехала. Ты хоть понимаешь, в каком состоянии была мать, когда обнаружила, что ты исчез? Сначала дочь, потом и сын!

— Она прекрасно знала, что это неизбежно, — Паук откинулся на стену позади себя, словно непроизвольно увеличивал расстояние между собой и отцом. В его взгляде начинала сквозить ярость, тщательно, впрочем, подавляемая.

— Экий неженка нашелся! Как что не по нутру, так рюкзак на плечо и поминай как звали, — голос Яна зазвучал сильнее. В этот момент его лицо приобрело злое выражение, став особенно похожим на Паука. Сходство пугало и завораживало одновременно.

— Ты прекрасно знаешь, почему мы ушли, — Паук подался вперед. Его пальцы судорожно вцепились в край столешницы. — И надеюсь отлично понимаешь, почему я не хотел вас больше знать.

— Йозеф... — отец поднял взгляд и в его глазах читался ужас пополам со страхом. — То, что произошло, было ошибкой.

— Ошибкой, которая повторялась сколько? Десять? Пятнадцать лет? — теперь Паук кричал.

Я съежилась на своем стуле, пытаюсь казаться еще меньше. Разгон от спокойствия до истерики у маньяка занял всего пол-минуты. Не очень хороший признак. Первый раз в жизни я слышала, чтобы маньяк кричал. Он мог быть страшным, но никогда не позволял эмоциям так явно выйти наружу.

— Я пил. Много, много пил и раскаиваюсь. После того, как и ты от нас ушел... — старик запнулся и на секунду прикрыл глаза. — Уже двадцать лет ни капли. Ни капли, слышишь? — Ян внезапно вскочил на ноги и табуретка с грохотом полетела на пол. — Семь лет назад ты позвонил и что? Только чтобы обвинить нас с матерью в старых грехах? Ты даже не дал мне шанса что-то сказать.

— И что теперь? Ты хочешь, чтобы я поаплодировал тебе стоя, воспевая твою стойкость перед алкоголем? — фраза маньяка прямо таки сочилась сарказмом. — Знаешь, существуют вещи, которые не забыть и за двадцать лет. Тогда я звонил только ради мамы, чтобы убедиться, что с ней все в порядке.

— Я знаю, что был херовым отцом и мужем. Не знаю, как твоя мать осталась рядом, несмотря на то, что произошло, — внезапно, Ян успокоился. Теперь на нас смотрел просто очень уставший мужчина, который уже не один год борется с гнетущим проступком прошлого. — Не проходит и дня, чтобы я не жалел о том, что творил в те годы.

— Она слишком тебя любила. А ты ее загнал в могилу, — процедил Паук уже тише. От его слов веяло презрением, пополам с тоской.

— Как ты смеешь? Избалованный мальчишка! Мало тебя в детстве пороли, раз такая срань с языка срывается? — отец стукнул кулаком по столу, отчего чашки подпрыгнули, расплескав чай по столу.

Паук медленно поднялся. На месте оставалась только я, с испугом глядя на ссору двух мужчин. Судя по глазам маньяка, он был близок к тому, чтобы совершить что-то непоправимое. Было видно, как судорожно сжались его кулаки. В следующую минуту мужчина медленно, тщательно контролируя каждое слово, проговорил:

— По-твоему мало? Когда ты кидал в меня бутылки — этого было мало? Или заставил нагишом ночевать перед домом в декабре, после чего я чуть не умер от воспаления? Разве мало, что ты сломал сыну руку, когда ему было пять лет из-за того, что тот пролил чай? И неужели тебе кажется недостаточной мерой воспитания в наказание застрелить мою собаку

у меня на глазах? А что ты скажешь о сломанных ребрах перед моим выпускным, когда тебе показалось, что у меня костюм «пидороватый»? И неужели это мало, избивать мать в наказание за мои проступки?

С каждым произнесенным словом, я чувствовала, как холод распространяется по телу. Хотелось мне узнать причины, почему отец с сыном так друг друга ненавидят? Пожалуйста, получите-распишитесь. Вот только легче не стало. Сочувствие к Пауку, потерявшему мать, стало вдвойне сильнее.

На кухне повисла тишина, прерываемая лишь тяжелым дыханием обоих мужчин.

— Прости меня, — произнес, наконец, Ян. Я видела как заблестели его глаза в свете лампы. — Прости меня, сын, за все, что я сделал.

— Мы боялись даже дышать в этом доме, боялись привлечь твое внимание. Мать плакала ночами, но ей было некуда идти. И после этого простить? Думаешь, даже пятьдесят лет трезвости изменят то, что ты сделал с нашей семьей?

Отец молчал, исподлобья глядя на сына. Я видела, как ярость борется в нем с чувством вины. Все-таки Седлаки были чрезвычайно похожи, по крайней мере характерами. Оба вспыльчивые и твердые.

На минуту в кухне повисла тишина. Теперь находится здесь было почти невыносимо. Неужели в этих стенах творилось столько зла? Неудивительно, что Паук стал маньяком, хотя я бы предположила, что он станет убивать мужчин, похожих на отца, но никак не женщин. С другой стороны, возможно он отождествляет всех с матерью, которая не сделала ничего, чтобы защитить детей. Вопрос показался интересным, но ответ на него мог дать только сам Паук.

— Сегодня мы переночуем здесь, а завтра уедем. Где похоронена мама? — внезапно спокойно сообщил маньяк, бросая на меня странный взгляд. Жалеет ли он, что я стала свидетелем их ссоры? Или так и было задумано?

— На кладбище, в Каменицах, — проговорил Ян, как-то разом сникая, а от злости не осталось и следа.

Глядя на старика, я чувствовала, как смешиваются в душе жалость и презрение. Второе, впрочем, пересиливало. Если все, что сказал Паук правда, то неудивительно, что его психика пострадала. Вопрос только в том, почему никто ничего не сделал? Где были учителя, социальные службы, соседи?

— Хорошо.

Маньяк сделал несколько шагов по направлению к двери и я тут же встала, не собираясь оставаться наедине с его отцом.

— Можешь идти в свою старую комнату. Мы ничего там не трогали, — глухо проговорил Ян. — Я принесу белье.

Паук протянул руку, за которую я с радостью ухватилась. Скорее бы оказаться подальше от этой кухни, наполненной образами прошлого!

Мы поднялись по узкой, темной лестнице наверх, мимо второго этажа ко входу на чердак. Комната под крышей оказалась маленькой и пыльной. Было видно, что уже несколько лет здесь не то, что не жили, но даже не заходили. Лампа, закрепленная на стене под потолком давала тусклый, желтый свет. Его было недостаточно, чтобы осветить темные углы, но хватало, чтобы оценить обстановку.

Прямо перед входной дверью виднелось небольшое чердачное окно. Сквозь грязное стекло пробивался свет луны, прочертивший бледную дорожку на пыльном полу. Доски

потемнели от времени, став почти черными. Когда-то на полу лежал ковер. Теперь от него осталась лишь светлая проплешина.

Стены комнаты формировались скатами крыши, делая ее визуально меньше, но уютней. По правую сторону в углу располагалась большая кровать, застеленная серым покрывалом. Она утыкалась длинной частью в скат крыши и таким образом лежащий на ней человек был хотя бы с двух сторон защищен. Было легко представить угрюмого подростка, свернувшегося под тонким одеялом и непрерывного глядящего на дверь. Если Ян и впрямь был неадекватным чудовищем, то держу пари, он мог ворваться к сыну и посреди ночи.

Напротив кровати находился письменный стол, покрытый внушительным слоем пыли, над которым висели бумаги и рисунки. От двери их было плохо видно, но я решила обязательно рассмотреть на них утром. Было очень интересно хоть немного заглянуть за завесу внутреннего мира Паука и коснуться того ребенка, каким он когда-то был.

— Может, заночуете в комнате матери? — спросил Ян, оказавшийся за нашими спинами.

Мужчина держался чуть поодаль и старательно избегал взгляда на сына.

— Нет, — уверенно отказался Паук.

Маньяк сделал несколько шагов и оказался в центре помещения. От движения в воздух взметнулась пыль, от которой тут же засвербило в носу. По хорошему, прежде чем ночевать, здесь стоило прибраться, но я сомневалась, что сейчас подходящее время для наведения чистоты. Приходилось смириться, что эту ночь мы будем дышать пылью.

— Вот ведь упрямый, — посетовал Ян, но в голосе его не было агрессии, только усталость. — Простыни свежие, располагайтесь, как вам будет удобно.

— Спасибо, — поблагодарила я, принимая белье из рук мужчины.

— Ну, доброй ночи, стало быть, — пробормотал Ян.

— Доброй ночи.

Дверь закрылась, оставив нас наедине. Я неуверенно сделала шаг вперед и опустив простыни на кровать повернулась к мужчине. Маньяк застыл посреди комнаты, невидящим взглядом уставившись в окно. Ясно, что визит в дом родителей оказался большим испытанием, чем ему казалось. Хотелось что-то сказать, попытаться ободрить, но подходящие слова никак не находились.

— Как ты? — произнесла я наконец.

— Жить буду, — произнес Паук, оборачиваясь ко мне.

— Насчет твоей матери... мне очень жаль, — тихо прошептала я, не делая, впрочем попыток приблизиться или дотронуться до маньяка. Какое-то шестое чувство подсказывало, что это может кончиться плохо.

— Ничего не говори, — оборвал меня мужчина. — Сочувствие здесь неуместно.

— Почему? Это же твоя мама.

— Я сказал, что не хочу об этом разговаривать, — маньяк в два шага преодолел разделявшее нас расстояние и теперь его глаза оказались всего в нескольких сантиметрах от моих. — Кажется, мы договорились, что ты будешь жить по моим правилам, если хочешь и дальше видеть солнце. Так вот одно из них — если я не хочу разговаривать, то ты будешь молчать.

Жесткие слова ударили не хуже хлыста. И если всего минуту назад в душе росло сочувствие, то теперь оно сменилось жгучим гневом. Не успев осознать, что делаю, я подняла руку и залепила Пауку сочную пощечину. Звук получился громким, словно выстрел.

Рука отозвалась немедленной болью, равно как и спина, все еще не готовая к резким движениям. На смену злости пришел страх. Взглянув на разом потемневшие глаза мужчины напротив, я непроизвольно сделала шаг назад, словно это могло меня спасти.

Паук медленно коснулся щеки, даже в тусклом свете наливавшейся краснотой. В следующий момент сильный толчок отправил меня на кровать. От удара предмет мебели протестующе скрипнул, а спина взорвалась болью. Крик оказался заглушен горячей ладонью, а тело прижато к пыльному покрывалу Пауком. Вторая рука мужчины с легкостью поймала мои запястья и завела их за голову, лишая возможности сопротивляться. Боль и злость придали сил и я со всей силы укусила маньяка за ладонь, надеясь хоть на секунду ослабить его хватку.

— Хочешь помериться силами, малышка?

Горячий шепот у уха вызывал мурашки по коже. В следующую секунду на мочке сошлись зубы Паука, вызвав стон боли, успешно заглушенный ладонью.

— Я всегда буду сильнее, — горячий язык скользнул по чувствительной коже вокруг уха, постепенно спускаясь ниже. Спустя секунду последовал еще один укус, на этот раз на горле. — Никто не смеет жалеть меня, — места укуса коснулись нежные губы, невесомыми поцелуями очерчивая пострадавшую область. — Ты должна подчиняться мне, малышка.

Я замерла под Пауком, отчасти от боли, а отчасти загипнотизированная его действиями. Гнев никуда не ушел, хоть его и потеснил страх пополам с непрошеным возбуждением. Как он смеет думать, что способен управлять моей жизнью? Пусть я потеряла все, но сила воли никуда не делась. И если под его правилами Паук понимает полное и безоговорочное рабское подчинение, то пусть лучше убьет. Ярость поднялась вновь, смывая доводы разума.

Удостоверившись в отсутствии сопротивления, маньяк отнял руку от моего рта. Я незамедлительно воспользовалась этим, чтобы проговорить:

— Вижу, что ты недалеко ушел от собственного отца. Причиняешь боль тем, кто от тебя зависит и чувствуешь себя героем?

Слова прозвучали резко и зло, совсем так, как мне хотелось. Вот только в следующий момент я поняла, что перегнула палку. Но было уже поздно.

— Не смей сравнивать меня с отцом, — почти прорычал Паук прямо мне в лицо. Его ладонь с силой сжалась на запястьях, причиняя немалую боль.

— Тогда не веди себя как мудака, — прошипела я, пытаюсь не выдать, как больно в эту минуту спине и рукам. Злость и страх плескались внутри, грозя вырваться наружу слезами.

Секунду мужчина смотрел мне в глаза и я отчетливо поняла, что совсем скоро могу умереть. Время словно замерло. Лишь сердце, бившееся как мотылек о стенки банки давало понять, что секунды все так же тикают. Горячее дыхание Паука касалось моего лица и с каждым мгновением становилось все страшней. Наконец, маньяк резким движением выпустил запястья из стальной хватки и одним текучим движением поднялся. Я тут же подалась вперед, не желая оставаться на спине. Паук же, не оборачиваясь, в несколько шагов достиг двери и почти вылетел из комнаты.

Я осталась одна. Сбившееся дыхание было единственным звуком, нарушавшим тишину чердака. Злость быстро ушла, сменившись ужасом. Что теперь будет? Очевидно, что Паук в ярости и это так или иначе отразится на мне. Чувство вины за произнесенные оскорбления было проснулось внутри, но тут же смылось отчаянием. Все внутри кричало, что нужно убираться отсюда подальше, чтобы не стать объектом гнева маньяка. Но я четко осознавала, что не могу так поступить. Мы дали друг другу слово, что будем вместе и найдем Ганса.

Побег станет предательством по отношению к Пауку, который пожертвовал собственным домом ради меня.

Ситуация становилась безвыходной. Инстинкт самосохранения требовал немедленного отступления, тогда как чувство благодарности не давало нарушить слово, данное мужчине. Нет, пути назад не существует.

Я поднялась на ноги и занялась обустройством ночлега. На пол полетело пыльное покрывало. Вместо него на матрац легла белоснежная простыня, пахнувшая стиральным порошком и сыростью. Двигаться оказалось неожиданно тяжело. К боли примешивалась еще и ограниченная подвижность. Похоже, кроме кожи, Ганс задел несколько мышц. Раньше я не обращала внимания на то, что поворачиваться стало гораздо сложнее, занятая вопросами выживания. Но теперь, по мере восстановления, становилось очевидным, что последствия могут быть серьезней косметических.

Когда с кроватью было покончено, я замерла на месте, прислушиваясь. В доме царил тишина. Паук либо ушел, либо сидит тихо где-то в темноте, обдумывая, как будет меня убивать. От этой мысли по коже проšliсь мурашки.

По всей видимости, ждать убийцу бессмысленно, а значит нужно ложиться. Тяжесть прожитого дня разом навалилась, стоило лишь о ней подумать. Погасив свет, я свернулась калачиком на кровати, вдыхая запах старого дерева и пыли. Несмотря на усталость, сон не шел. Мысли беспрестанно возвращались к ссоре с Пауком и к его словам о подчинении. Обида вернулась, вызывая невольные слезы.

Привыкай, Кристи, ты сама выбрала этот путь. Что будет дальше? Сколько еще продлится моя непонятная, изломанная жизнь и чем она закончится? Даже если мы с Пауком найдем Ганса, что сейчас кажется маловероятным, то как быть после? Я — калека. Пусть даже руки и ноги у меня на месте, но это не меняет факта, что Паук больше не хочет меня касаться. После смерти Ганса, что за отношения установятся между нами? Извращенная дружба или платоническая страсть? А может, маньяку просто надоест со мной возиться и он найдет себе новый объект обожания?

Мысль болью отдалась в сердце, подстегивая новую порцию слез. Словно в ответ на невысказанные вслух предположения, в тишине комнаты раздался скрип открываемой двери. Сердце застучало быстрее, разгоняя последние признаки сна. Я настороженно прислушалась к негромким шагам, а затем к шороху снимаемой одежды. Вскоре кровать закричала, принаравливаясь к тяжести мужского тела.

Я попыталась отодвинуться, но сделала это не слишком удачно, так как спина отозвалась порцией острой боли. Мне не удалось сдержать чуть слышный стон, который тут же привлек внимание Паука.

— Ты в порядке? — голос мужчины звучал напряженно.

— Все нормально, просто спина болит.

— Ложись на живот. Нужно сменить бинты и нанести мазь, — проговорил Паук, садясь на кровати.

Я хотела было возразить, но потом решила, что маньяк прав. Становиться беспомощной обузой не хотелось, тем более что боль и впрямь усиливалась. Не стоило так активно скакать со свежезащитой спиной. В комнате загорелся свет и я уткнулась лицом в подушку. Паук чем-то шуршал на другом краю комнаты. Послышался треск разрываемой упаковки, а затем звон стекла. Через несколько минут мужчина вернулся и кровать вновь зашаталась от его веса.

— Подними руки, — скомандовал он.

Горячие пальцы коснулись ребер и задрали футболку до самых плеч. Кожи коснулся прохладный воздух чердака, отчего я вздрогнула. Паук быстро развязал бинты на спине, с особой осторожностью отдирая нижний слой, приклеившийся к ранам. Было больно. Слезы вновь закапали на подушку, но мужчина этого видеть не мог.

— Прости меня, малышка, — тихий голос Паука разорвал тишину.

Мягкие ладони легко заскользили по спине, нанося охлаждающую мазь. От нее действительно становилось легче и боль начала уходить. Я сразу поняла, чему адресовано это «прости».

— Все в порядке, — прошептала я, не найдя других слов. — Это я не должна была говорить о твоём отце.

— Не в порядке, — возразил Паук, продолжая поглаживать спину. — Я... был неправ.

Признание звучало так дико, что я даже подумала на секунду, что это сон. Маньяк признал, что ошибался? Кажется, мир в эту секунду действительно может перевернуться. Надо было сказать что-то умное и подходящее, но Паук опередил меня.

— Ты единственный человек за последние двадцать лет, которого я могу назвать близким. И я боюсь тебя потерять.

В этих словах сквозила незащитность, от которой хотелось плакать. Сегодняшний день и впрямь оказался богат на чудеса.

Я села в кровати, повернувшись лицом к Пауку. Мужчина выглядел устало. Сейчас на его лице не было масок, лишь чистые эмоции. Его признание всколыхнуло внутри то, что созрело уже давно. Я нуждалась в маньяке так же сильно, как и он во мне. И ощущение взаимности порождало невообразимое чувство облегчения, смешанное с эйфорией.

— Я люблю тебя, — слова сорвались с языка сами, оставив после себя горьковатое послевкусие.

— Почему? — Паук выглядел удивленно. Его глаза неотрывно следили за моими, словно пытаюсь в них найти ответ.

— Разве для любви может быть причина? — я тихонько рассмеялась, осторожно скользя пальцами по линии его подбородка.

— Ты же понимаешь, что от этого ничего не меняется? — голос мужчины потяжелел. — Я тот, кем являюсь. Не стоит строить иллюзий.

— Я знаю.

— Моя малышка, — Паук скользнул ладонями по предплечьям, а затем мягко притянул к себе.

Я прижалась к сильному телу, чувствуя, как все переживания смываются всепоглощающей нежностью. Такого спокойствия и удовлетворенности не было уже очень давно. Макушки коснулся невесомый поцелуй, отчего по венам разлилось тепло. Хотелось обернуться в мужчину рядом, спрятаться в его объятиях и до скончания веков просто слушать биение его сердца под щекой.

— Нужно закончить перевязку, — Паук мягко отстранил меня от себя. — Ложись.

Я послушно вернулась на место, ощущая, как счастье постепенно заполняет душу. После вечера наполненного спорами и ненавистью Паук подарил мне самое важное — ощущение нужности.

Мужчина наложил бинты и, погасив свет, лег рядом. Я приподнялась на локтях, чуть нависнув над маньяком. В темноте было не разобрать деталей, а потому предстоящий

разговор должен был стать проще. Раз уж сегодня вечер откровений, то почему бы не добавить к ним еще одно?

— Есть вещь, которую мне очень нужно знать, — горло перехватило от волнения. В воображении все было проще.

— Какую? — я не увидела, но почувствовала, как напрягся Паук.

— Пожалуйста, пообещай, что ответишь честно. Это важно для меня, — сердце забилось с новой силой, отдаваясь в горле.

Паук секунду помолчал, а затем проговорил:

— Обещаю, — восторга в его голосе слышно не было.

— Я... — простое и логичное предложение, сформулированное в мыслях куда-то улетучилось, уступив место панике. — Мне просто нужно знать, неважно, каков будет ответ.

— Ответ на что?

— Ты... тебе всегда нравилась моя кожа, — сбивчиво начала я. — Теперь я калека. Шрамы никуда не уйдут. И ты... — на этом решительность закончилась. Ох, не стоит ставить себя в глупое положение, не так уж это и важно. — Ладно, просто забудь. Давай спать.

— Нет, — Паук обхватил меня рукой за плечи, не давая отстраниться. — Договаривай.

Я вздохнула, понимая, что вопрос все-таки придется задать.

— Ты все еще хочешь меня?

Несколько секунд ничего не происходило и я начала чувствовать, как противный червячок сомнения превращается в настоящего змея. Однако в следующий момент Паук потянул меня вниз и мужчина оказался сверху. Сильное тело второй раз за вечер прижимало меня к кровати.

— Ты нужна мне, малышка, — прошептал маньяк, пальцами заводя выбившуюся прядку волос мне за ухо.

В следующую секунду его губы тронули мои, заставив забыть обо всем. Горячие касания порождали волну жара, прокатившегося от кончиков пальцев на ногах по всему телу. Наши языки встретились и вступили в скользкую ожесточенную борьбу за доминирование. Я быстро сдалась, позволяя Пауку завладеть своим ртом и отдавшись на волю восхитительных возбуждающих ощущений. Руки Паука скользнули по плечам, легко огладили локти, а затем переместились на талию. В эту секунду мне как нельзя сильнее хотелось, чтобы разделявшая нас одежда исчезла. Все внутри буквально требовало скольжения кожи по коже, касаться мужчины всем телом, ощущать биение его сердца над моим.

Поцелуй закончился и Паук начал отстраняться. Я судорожно вцепилась в рубашку на его талии и потянула буквально опрокидывая мужчину на себя. На секунду мне стало страшно, что сейчас маньяк высвободится и просто пожелает спокойной ночи, поставив точку в моих мучительных тревогах по поводу собственной привлекательности.

— Пожалуйста, не уходи, — прошептала я, чувствуя, как на глаза наворачиваются непрошеные слезы.

— Нам не стоит продолжать, малышка, — проговорил Паук, проводя ладонью по моей груди. Касание было легким, но внизу живота тут же возникло тянущее напряжение. — Ты ранена.

Слова маньяка отдались почти физической болью в сердце. Паук не хочет заниматься любовью с калеккой. Это было предсказуемо, если вспомнить его одержимость идеальной кожей. В конце концов, можно и не быть любовниками, чтобы находиться вместе. Ведь самое важное заключается не в сексе, но в близости душ? Вот только эта отговорка никак не помогала заглушить чувство тоскливого одиночества.

— Почему нет? Это из-за шрамов? — вопрос сорвался с языка сам собой. — Если ты больше не хочешь меня, я пойму, — в конце голос сорвался, выдав всю ту бурю эмоций, что бушевала внутри.

Паук застыл надо мной и, кажется, даже перестал дышать. В темноте не было видно выражения его лица. Возможно это к лучшему, потому что я не уверена, что переживу жалость или презрение в его глазах.

Пауза затягивалась. Было ясно, что мужчина не может подобрать слов, чтобы сказать правду. К черту этот разговор. Зачем было вообще начинать? Я попыталась отстраниться, но сильные руки с легкостью удержали меня на месте.

— Все, чего мне хотелось, когда ты переступила порог моего дома, это сорвать с тебя одежду и иметь, сколько выйдет, — Паук склонился над моим лицом и его волосы упали мне на глаза.

Одним длинным, плавным движением мужчина лизнул щеку, оставив мокрый след. Его губы оказались прямо над ухом и отчего слова, казалось, проникали в самую душу:

— Мне плевать на шрамы. Я могу взять тебя прямо сейчас, впиться пальцами в спину, почувствовать, как кровь струится по рукам. Ты бы кричала подо мной, возможно умоляла бы остановиться, но я уже не смогу. Стоит мне утратить контроль, как я уже ничего не смогу гарантировать.

От этих слов внутри скрутился узел, а между ног стало нестерпимо жарко. Господи, что со мной не так? Разве могут возбуждать подобные вещи?

— Тогда почему ты больше не прикасаешься ко мне? — вопрос звучал довольно глупо. Паук не избегал прикосновений, просто не переступал определенной черты, отчего мои сомнения расцветали буйным цветом.

— Ты ранена, малышка, — в голосе Паука проскользнула неуверенность. — Я не хочу тебе навредить больше, чем уже навредил.

— Навредил? О чем ты? — я нахмурилась, пытаюсь уловить направление его рассуждений.

— Я обещал тебе свою защиту. Ганс чуть не убил тебя, малышка.

— Никто не знал, что Ганс чокнутый маньяк, — запротестовала я.

Паук покачал головой.

— Мне следовало сделать тебя своей в тот вечер. Если бы я был тверже, ты бы не пострадала, — шепот маньяка у самого уха вызывал мурашки по коже.

— Ты и вправду хотел меня убить несколько дней назад? — не знаю, почему это так удивляло. Возможно за прошедший год я придумала себе слишком много, идеализировала кровавого убийцу.

Нить рассуждений Паука становилась все яснее. Он винил себя в том, что случилось со мной. Маньяк всегда говорил, что не даст причинить мне боль, но случай с Гансом стал его провалом, чувствительно задевшем гордость мужчины.

— Я поддался эмоциям.

— Ты бы смог жить, если бы убил меня? — голос внезапно охрип, а по спине скользнул холодок.

— Не знаю, малышка, — совсем тихо прошептал Паук.

В воздухе на минуту повисла тишина, разбавляемая лишь нашим дыханием. Наконец, мужчина продолжил:

— Сейчас ты ранена, слаба и полностью принадлежишь мне. Пожалуй, я могу с этим смириться, — тон мужчины неуловимо изменился, превратившись в сокровенно-соблазнительный.

— Значит, даже несмотря на шрамы, которые останутся на всю жизнь, ты все еще считаешь меня привлекательной?

— Ты не представляешь, как много всего я хочу сделать с твоим телом, — Паук провел кончиками пальцев по линии волос, очертил ухо и скользнул ниже по шее. — Но я могу не сдержаться. Нам не стоит пересекать эту черту, пока ты ранена.

— Секс не навредит мне. Даже наоборот, — прошептала я, едва касаясь губами щеки мужчины.

— Не стоит просить о том, чего не понимаешь. Я могу причинить тебе боль, сделать что-то, о чем потом пожалею.

— Пусть. Просто трахни меня, — проговорила я, теряя терпение.

Я подалась вперед, намереваясь просто поцеловать кожу на горле, но в последний момент сжала зубы, чувствуя, как она поддается под напором, наполняя рот медным вкусом

крови. Если бы кто-то спросил о причинах моего поступка, то я бы и под присягой не смогла объяснить это животное желание обладать, охватившее меня с головой. Ответом на укус послужило короткое шипение, сменившееся немедленным действием.

Паук схватил меня за запястья, с силой завел их мне за голову и навалился всем весом, заставив воздух покинуть легкие, а спину взорваться вспышкой боли. Я невольно вскрикнула, но звук тут же был перехвачен жестким поцелуем, напоминавшем скорее поедание заживо. Горячие губы впились в мои, лаская и кусая, заставляя подаваться вперед и пытаться поймать хоть глоток воздуха. Поцелуй имел вкус крови Паука и это ощущение странным образом распалило желание. Однако мужчина быстро исправил это упущение, в какой-то момент прихватив зубами мою нижнюю губу.

Резкая боль смешалась со вспышкой возбуждения, когда колено мужчины вклинилось между ног и надавило на чувствительное местечко. Волна жара захлестнула с головой, сметая мысли и сомнения. В какой-то момент ладони, удерживавшие мои запястья исчезли и я тут же зарылась пальцами в волосы маньяка. Сейчас, оказавшись так близко, окутанная его запахом, чувствуя гладкость кожи под пальцами я была счастлива. Каждое прикосновение приносило такое удовольствие, что казалось оргазм придет и без секса, просто от осознания, что мы наконец то вместе.

Губы мужчины скользнули по шее, оставляя поцелуи вперемешку с укусами. Я чуть стонала, в свою очередь запустив руки под рубашку Паука и впиваясь ногтями в кожу. Чем интенсивнее он терзал меня, тем более глубокие царапины я оставляла на его спине. На языке ощущался привкус крови и мне доставляло извращенное удовольствие осознавать, что это его кровь смешалась с моей.

Маньяк на секунду отстранился от меня, но только чтобы стянуть через голову рубашку. Я подалась вперед, скользя ладонями по пояснице и царапая ногтями пояс джинсов. Паук схватил меня за запястья и опрокинул обратно, не давая проявлять инициативу. Одна ладонь удерживала руки в то время как другая задрала мою футболку, оголяя грудь. От прохладного воздуха чердака, коснувшегося нежной кожи я задрожала.

Мужчина склонился и неожиданно нежно провел губами по соску. Эта ласка, так контрастировавшая с безумной борьбой перед этим заставила меня выгнуться дугой и чуть слышно захныкать. Паук потерся щекой о мой живот, чуть царапая кожу начавшей пробиваться щетиной. Это прикосновение вызвало очередную волну возбуждения, сконцентрировавшуюся внизу живота. Я хотела продолжения, хотела, чтобы остатки одежды полетели прочь и это желание было таким сильным, что почти превращалось в боль.

— Моя малышка, — прошептал маньяк, чуть прикусывая кожу живота. — Ты так прекрасна.

Я не могла ответить, сосредоточившись на восхитительных ощущениях, владевших телом. Но мужчине не нужны были слова. Он подцепил край моих штанов и ловко одной рукой стянул их до колен. Я тут же избавилась от них окончательно, оказавшись практически обнаженной под Пауком. Он отпустил мои запястья и лег сверху, так что отчетливо ощущалась твердая выпуклость под тканью джинсов, прижатая к моему животу.

— Ты принадлежишь мне, — тихо проговорил мужчина, скользя ладонью по внутренней стороне моего бедра. — Ты только моя, малышка. Никто не смеет посягнуть на мое, — горячее дыхание мужчины касалось моей щеки, в то время как его ладонь осторожно оглаживала кожу между ног, избегая прикосновения к клитору. — У тебя больше никогда не будет выбора. Ты принадлежишь только мне.

— Да, — выдохнула я, пытаясь податься бедрами навстречу дразнящим пальцам. — Я принадлежу только тебе.

В следующий момент горячие пальцы коснулись клитора, заставив меня судорожно всхлипнуть и вцепиться пальцами в плечи Паука. Мужчина негромко рассмеялся и этот звук вспышкой отозвался в мозгу. Потребовалось всего несколько скользких движений пальцами, чтобы оргазм накрыл меня с головой. Мои стоны утонули в поцелуе. Касания губ совпадали с ритмом пальцев, продолжавшим движение вниз и порождавшим новые судороги удовольствия.

Наконец пальцы исчезли и я замерла, прислушиваясь к собственным ощущениям. В теле ощущалась потрясающая легкость. Все проблемы разом отошли на задний план, оставив меня наедине с любимым мужчиной и так и не прошедшим возбуждением. Второе было удивительно. Обычно после оргазма хотелось свернуться довольным клубочком и заснуть. Но не сейчас. Сегодня у меня словно второе дыхание открылось.

Я все еще ощущала тяжесть мужчины на себе и от одной только мысли, что он может быть во мне, возбуждение накачивало с новой силой. Похоже, длительное воздержание положительно сказывалось на выносливости.

— Я люблю тебя, — прошептала, вновь скользнув ладонями по поясу джинсов.

— Малышка, — его ладони накрыли мои и помогли справиться с застежкой.

В два счета расправившись с джинсами, мы отпихнули их куда-то на дальний край кровати. Я мягко подалась вперед, упираясь ладонями в грудь Паука. Его член, горячий, твердый, упирался мне в живот, отчего внутренности скручивались в тугий ком. Мужчина сел на колени, упираясь спиной в стену.

Мои ладони прошлись по гладкой груди, спустились к подтянутому животу, огладили узкие бедра и наконец коснулись нежной кожи яичек. Это касание вырвало из горла Паука чуть слышный стон. Звук мне определенно понравился. Я хотела было наклониться и взять чуть влажную головку в рот, но боль в спине скорректировала мои планы. Ничего, у нас будет еще много ночей впереди. Мы все успеем.

Вместо этого я подалась вперед и, обхватив горячий ствол ладонью, направила его в себя. Прикосновение горячей плоти казалось обжигающим. Я медленно опускалась на член, чувствуя как растягиваются стенки входа. У меня уже год не было секса, а потому вторжение причиняло небольшую боль. Руки Паука оказались на моих бедрах, направляя и ускоряя. Чувство наполненности вызвало новую волну возбуждения, напроць смывшую неприятные ощущения.

Я начала двигаться, опираясь о плечи мужчины. Скольжение посылало вспышки удовольствия по всему телу. В какой-то момент Паук опрокинул меня на спину и начал двигаться сам. Он жестко вбивался в мое тело, каждый раз касаясь головкой шейки матки. Размеренные, сильные движения вырывали из моего горла стоны, вторящие скрипу старой кровати. Где-то на периферии мелькнула и исчезла мысль, что отец Паука наверняка слышит все, что здесь происходит, но эта проблема была смыта чистым удовольствием, сияющей волной поднимавшемся внутри уже второй раз за вечер.

Оргазм накрыл нас одновременно. Паук задвигался быстрее и внезапно замер, до боли впившись пальцами в бедра. Я ощущала, как подрагивает его живот и слышала громкое, прерывистое дыхание. Не знаю, сколько мы провели в такой позе, все еще соединенные и с трудом восстанавливающие дыхание.

Наконец Паук соскользнул с меня и, устроившись рядом, притянул меня к себе. Я

прижалась к горячему мужскому телу, глубоко вдыхая травяной запах. Внутри царило потрясающее ощущение правильности происходящего. словно Вселенная пришла к долгожданному равновесию и таки определила меня на правильное место.

— Я люблю тебя, малышка, — голос мужчины внезапно прорезал тишину.

Я замерла, боясь спугнуть мгновение. Еще ни разу маньяк не признавался мне в любви. Между нами были угрозы, желание, страсть. Но ничего подобного. И это, пожалуй, было самым удивительным открытием сегодняшнего дня.

— Я тоже тебя люблю, — прошептала я, пряча лицо в подушке.

В комнате повисла уютная тишина. Расслабленная и уставшая, я начала было проваливаться в сон.

— Анета старше меня на шесть лет, — Паук внезапно заговорил, разрывая тонкую пелену дремоты. — Когда я был маленьким, сестра часто защищала меня перед отцом и ей доставалось вдвойне. Я часто прятался здесь, на чердаке и слышал, как он кричит внизу. Мать никогда не могла усмирить отца и ей тоже доставалось частенько. Анета была единственным человеком, которому было не все равно и единственный, кто в этом доме меня любил. Однажды ночью я спустился на кухню, чтобы попить воды. Мне было десять. Несмотря на поздний час внизу горел свет. В коридоре стояла Анета с большим рюкзаком. Я сразу понял, что она уходит. Знаешь, мы не сказали друг другу ни слова. Просто стояли и смотрели, пока она не открыла дверь и не ушла. Тогда я погасил свет и ушел к себе. На следующие несколько лет я остался наедине с отцом-алкоголиком и резко потерявшей вкус к жизни матерью.

Откровенность Паука оказалась полной неожиданностью.

— Ты больше не виделся с сестрой? — спросила я, чувствуя, как еще один кусочек мозаики становится на место.

— Один раз на улице. Я не стал останавливаться и пошел дальше.

— Почему? Разве тебе не хотелось поговорить?

— Она бросила меня, даже не сказала, что уходит. Наверное, это глупо, но я так и не смог этого ей простить.

— Возможно, она боялась, что что-то пойдет не так и ей не удастся сбежать, — предположила я. — Ей было всего шестнадцать.

— С тех пор я боюсь любить и еще больше боюсь потерять, — голос Паука звучал совсем тихо, так что едва удавалось разобрать слова.

— Я всегда буду тебя любить, — прошептала я, теснее прижимаясь к мужчине. Этот разговор порождал внутри отчаянное желание проявить сочувствие, но приходилось держаться, памятуя, чем жалость обернулась для меня в прошлый раз.

— Я знаю, малышка, — мужчина коснулся моих волос легким поцелуем.

Больше не прозвучало ни слова и я таки провалилась в долгожданный сон.

Утро началось с боли в спине. Она была противной, ноющей и неожиданно сильной. Разлепив глаза, я несколько секунд созерцала дощатый потолок, подсвеченный розовым светом восходящего солнца и пыталась понять, где нахожусь. Память с трудом восстанавливала события прошедшего дня. Наконец, нужное воспоминание всплыло на поверхность, расставив все на свои места.

Поездка к дому Ганса, пепелище, отец Паука, ссора, примирение, секс, ночные откровения. Да уж, ну и денек выдался. Повернув голову, я обнаружила, что Паука в постели нет. Судя по прохладной подушке, ушел мужчина довольно давно. Внутри шевельнулось

беспокойство, тут же заглушенное болью от попытки сесть.

Стиснув зубы, я попыталась перевернуться на бок, но вышло плохо. Вспышка боли была такой сильной, что в глазах потемнело. Пришлось остаться на месте, глотая слезы. Наверное, стоило позвать на помощь, но гордость не позволяла. Может, сейчас отлежусь и все пройдет? Вместе с болью и вынужденной неподвижностью пришел и страх. Что со мной такое? Еще вчера все было в порядке, а теперь даже встать не могу. Похоже, активные занятия любовью не пошли мне на пользу.

Боль утихла минут через десять. Попробовав еще раз, я таки смогла сесть. Было все еще больно, но я терпела. Так, теперь передышка, а потом попробуем встать. Возможно поврежденные мышцы просто затекли за ночь и нужно лишь расходиться. Думать о том, что проблема может оказаться серьезнее не хотелось.

Наконец, спустя полчаса мне удалось встать с кровати, крепко держась за спинку. Босые ноги охладила грязный пол, но нагнуться за обувью нечего было и думать. Ну что же, можно себя поздравить — я стою. И что дальше? Вряд ли в таком состоянии у меня получится спуститься по лестнице. С другой стороны, я просто обязана быть огурчиком, иначе мы не сможем нагнать Ганса.

Разжав судорожно сжатую ладонь я отделилась от кровати и сделала несколько медленных шагов по комнате. Ходить оказалось не так плохо, как наклоняться или садиться. Добравшись до письменного стола у противоположной стены, я ухватила за столешницу, переводя дух. Взгляд упал на рисунки, припиленные к стене. Они заинтересовали меня еще вчера, а теперь выдалась отличная возможность их рассмотреть.

С клочков пожелтевшей бумаги на меня смотрели лица. Просто быстрые зарисовки, сделанные, по всей видимости, в школьных тетрадях, а затем небрежно вырванные и приколотые к обоям. Портретов было много, больше двух десятков. Особенно выделялся рисунок Яна, размещенный ровно в центре. Несмотря на явную разницу в возрасте, отца паука я узнала безошибочно. Здесь он был изображен в спящем в кресле, с бутылкой, грозящей вот-вот выскользнуть из руки.

Да, детству Паука не позавидуешь. Неудивительно, что у него начались проблемы с психикой, переросшие в убийства. Проговорив последнюю фразу про себя я поняла, что факт того, что я сплю с серийным убийцей больше меня не беспокоит. Как будто с кожей на спине Ганс срезал остатки моей морали. Однако додумать мысль я не успела.

Дверь скрипнула и открылась, впуская в комнату Паука. Мужчина был полностью одет и выглядел довольно мрачно.

— Доброе утро, — поздоровалась я, не зная, как себя вести. Вчера в темноте маньяк позволил себе быть откровенным и у меня не было уверенности, что теперь он об этом не жалеет.

— Доброе утро, — мужчина подошел ко мне и остановился в шаге. — Одевайся, едем сразу после завтрака. Кажется, я нашел след Ганса.

Уходя, мы так и не попрощались с Яном. Не знаю, это отец не хотел видеть сына или Паук специально выбрал время, чтобы избежать столкновения. Ощущения от посещения родного дома Паука и от торопливого отступления у меня остались самые противоречивые. Отчаянно хотелось спросить его об этом, но чувство самосохранения одержало победу над любопытством. Не думаю, что сейчас маньяк ответит, а если и ответит, то наверняка разозлится.

Мы сели в машину и выехали на шоссе. За все это время мужчина не проронил ни слова. Я тоже не настаивала на разговорах, сосредоточилась на боли в спине. Сейчас она немного отступила, но стоило шевельнуться, появлялась вновь. Оставалось лишь надеяться, что все пройдет само собой. Мне не хотелось, чтобы Паук подумал, будто это его вина. В конце концов, если бы не мое желание получить все и сразу ночью, я бы чувствовала себя гораздо лучше. Что ж, каждый сам расплачивается за свои глупости.

— Ты в порядке? — голос мужчины разорвал установившуюся тишину.

— Да, все хорошо, — я улыбнулась, стараясь выглядеть беззаботно. — Куда мы едем?

— В Тишнов.

— Зачем? Думаешь, Ганс находится там?

— Счет за коммунальные платежи, который мы нашли в машине, принадлежит дому в Тишнове. Плюс талоны на парковку. Одни выданы в Австрии, остальные относятся к разным местам в окрестностях Тишнова. Если Ганс не там, то в любом случае мы сможем найти его след.

— Хорошо, мы найдем дом. Но что дальше? Просто вломимся туда?

— Не стоит спешить, малышка. Мы еще не знаем, там ли Ганс и что это за дом. У нас достаточно времени, чтобы все подготовить, — Паук усмехнулся и я внезапно поняла, что он наслаждается ситуацией.

Если подумать, это логично. До недавнего времени основным хобби маньяка было отслеживание и тайная слежка за девушками. Сейчас же жизнь Паука потеряла свою остроту и преследование Ганса это отличный шанс разнообразить серые будни.

Осознание того, что рядом сидит убийца, заставило меня поежиться. Не то, чтобы я хоть на мгновение забывала о том, кто такой Паук. Просто иногда это знание отходило на второй план, заслоняемое его вполне нормальными поступками и поведением. Еще одна мысль также не давала мне покоя, назойливо покалывая на границе сознания. Что будет дальше? Так или иначе, Ганс получит по заслугам. После этого мы останемся с Пауком наедине. Как будет выглядеть жизнь с маньяком? Тихое семейное счастье с маленьким домиком в деревне? Или постоянная, выматывающая игра на грани? Эти мысли вызывали неуверенность и неотвратимо портили и так не самое радужное настроение.

— Ты голодна? — снова заговорил Паук.

Прислушавшись к себе, я поняла, что завтрак не помешает. А если к нему будет прилагаться и огромная чашка кофе, то жизнь вполне может наладиться.

— Да, было бы неплохо перекусить.

— Через пару километров будет кафе у мотеля.

Паук заботился обо мне и это очень контрастировало с его мрачной манерой держаться. Пойму ли я этого человека хоть когда-нибудь? Украдкой разглядывая его профиль я

внезапно поняла, что несмотря на боль в спине, начинаю вновь чувствовать возбуждение. Вчерашняя ночь отзывалась в теле томлением, а ноги становились ватными, стоило лишь подумать о том, как ладони мужчины скользят по коже. Отвернувшись к окну, я попыталась сосредоточиться на других мыслях, но выходило плохо.

Через несколько минут мы и впрямь затормозили у небольшого заведения, находящегося у трассы. Было уже около десяти утра и солнце заливало светом пустынную парковку. Выйдя из машины я поежилась от неожиданного холода. Пусть на мне и была куртка, но осень уже вступила в свои права. Одноэтажное белое здание смотрелось гармонично и уютно на фоне желтеющих деревьев. Крыльцо кафе было усеяно листьями, которые пригонял игривый ветерок.

Я полной грудью вдохнула свежий воздух и потянулась, чтобы немного размять мышцы. Спина отозвалась резкой болью, от которой у меня вырвалось чуть слышное шипение. Паук ничего не заметил, так что я расправила, как могла, плечи и двинулась следом за ним в теплое помещение.

Обстановка внутри напоминала американские кафешки пятидесятых. Ряды диванчиков со столами были разделены перегородками, обеспечивая гостям относительную приватность. В воздухе витали запахи яблок, корицы и свежесваренного кофе.

Завтракали мы молча. Едва поклевав заказанные тосты с омлетом, я гораздо большее внимание уделила кофе. Приятная горечь оседала на языке и вместе с тем вызывала воспоминания о Гансе, который меня опоил, добавив что-то в кружку. Вот подонок. Неужели я теперь всегда буду вспоминать о нем, наслаждаясь любимым напитком?

— Как твоя спина? — по всей видимости, на моем лице отразилось неприятие и Паук истолковал его по своему.

— Все в порядке.

Мужчина не отводил взгляда и от этого мне становилось не по себе.

— Я просто вспомнила, что Ганс добавил снотворное мне в кофе, чтобы затащить в подвал, — продолжила я. Голос дрогнул, стоило воскресить в памяти ощущение собственной беспомощности на холодном столе. — Не могу поверить, что доверяла ему.

— Хм. Не понимаю, почему он ждал так долго, — Паук сделал глоток из своей кружки и я встретила его взгляд.

— В каком смысле?

— Я бы затащил тебя туда гораздо раньше, — мужчина усмехнулся. От звука его голоса по спине пробежали мурашки.

Призрак прошедшей ночи вновь встал перед глазами и между ног стало жарко. Я почувствовала, как краска заливает лицо и поспешно спряталась за кружкой кофе. Происходящее не укрылось от взгляда Паука. Мужчина рассмеялся, а затем внезапно перегнулся через стол, так что его губы оказались у моего уха:

— Мне нравится, когда ты так реагируешь.

Я шевельнулась и щека Паука коснулась моей. Щетина мазнула по коже отчего стало еще жарче. Бесконечное желание, на целый год похороненное внутри, теперь выплескивалось наружу и сдержать его не было никакой возможности. Жалобно звякнула ложка, выпавшая из разом ослабевших пальцев. Мужчина отстранился, но я протянула руку и привлекла его обратно, чтобы вовлечь в поцелуй. Мысли о будущем разом вылетели из головы, стоило мне ощутить огненное касание губ.

— Ты не перестаешь удивлять меня, малышка, — тихий, проникновенный шепот еще

больше раззадорил чувства. — Пей кофе и поедом, — мужчина мягко высвободился, а затем перехватил мою ладонь и поцеловал. Этот жест был наполнен такой нежностью, что сердце на секунду замерло, а затем застучало с новой силой.

Я снова спряталась за чашкой, стараясь не встречаться взглядом с Пауком. Смущение, возбуждение и ликование смешались в душе, заставляя губы раздвигаться в нелепой улыбке. Что происходит? Почему я веду себя как влюбленная девочка-подросток? Мы уже были вместе и Паук видел меня в таких позах и ситуациях, в которых не каждая пара увидит друг друга и за десять лет. Так из-за чего кровь так приливает к щекам, а сердце бьется словно сумасшедшее?

— Нам еще долго ехать? — спросила я, чтобы преодолеть собственную неловкость.

— Около часа.

— И что потом? Мы останемся в городе?

— Снимем комнату на несколько ночей, а дальше посмотрим по ситуации, — взгляд маньяка не выражал ничего хорошего, но я понимала, что эта ненависть направлена на Ганса. Не хотела бы я быть на месте этого подонка, когда Паук его выследит.

— Хорошо, — я допила остатки кофе. — Тогда поехали?

Мы поднялись с места и я уже почти привычно поморщилась от боли в спине. Надеюсь, она пройдет иначе придется рассказывать обо всем Пауку и вновь просить помощи. Мужчина расплатился на стойке, а я взяла бесплатную региональную газету со стойки у входа. Моя жизнь вновь сделала кувырок и привычное течение времени нарушилось. Кажется, вся эта чехарда с Гансом и Пауком длится уже целую вечность, тогда как прошло всего несколько дней. Надо хоть новости почитать.

Мы вернулись в машину и Паук внезапно притянул меня к себе. Было неудобно перегибаться через рычаг передачи, отчего спина отозвалась новой порцией боли.

— Больше не соблазняй меня, малышка, — проговорил мужчина, запечатлевая поцелуй на моем виске. — Иначе тебе придется заниматься сексом в туалете.

— Я не против, — подняв глаза, я встретила взгляд, полный темного желания. Мне нравилось ощущать своеобразную власть над этим неприступным человеком. Он мог быть сильнее и опасней, но был не в силах побороть слабость по отношению ко мне. — Я хочу тебя постоянно и все равно где.

Ладонь маньяка заскользила по моему плечу в неспешной ласке. Прикрыв глаза я впитывала прикосновение, наслаждаясь каждой секундой. То, что сейчас происходило, вовсе не было похоже на борьбу, в которую превращался каждый наш секс. Кажется, впервые мы вели себя как обычная влюбленная пара, а не строили отношения по образцу маньяк и жертва. Это было ново и полностью объясняло, почему я так смущалась в кафе.

— Надо ехать, — Паук с видимой неохотой отпустил меня и повернул ключ в зажигании. — Ты сводишь меня с ума.

Я тихонько рассмеялась, ощущая, как счастье звенит в каждой клеточке тела. Я так долго была одна, что сейчас ощущение влюбленности было сродни опьянению.

Мы выехали на трассу и я вспомнила о взятой газете. Первая полоса была посвящена двум огромным пожарам, причиной которых стал умышленный поджег. Я напряженно вчитывалась в статью, чувствуя, как замерло от волнения сердце. Текст был длинным и тут же приводились слова полицейского департамента, который связал сожженный дом с пропавшим доктором. Имя Паука не фигурировало, однако я не сомневалась, что полиция уже начала поиски. О Гансе в статье тоже упоминалось, но вскользь. Дело пропавшего врача

было гораздо интереснее, чем еще один сгоревший дом.

— Тут написано про твой сгоревший дом и возможность связи владельца с исчезновением врача. Думаю, нас уже ищут, — слова с трудом выходили из разом пересохшего горла. От недавнего счастья не осталось и следа. — Полиция знает твое имя и внешность. Им ничего не стоит нас выследить.

— Хм. Пусть попробуют, — Паук усмехнулся, даже не посмотрев на меня.

— У тебя есть какой-то план? — с надеждой спросила я, чувствуя, как страх распространяется внутри.

— Что-то вроде. Не бойся, малышка. Они не поймают меня так быстро.

— Почему ты так уверен?

— Ну, во-первых, они ищут одинокого мужчину в Подивине. Во-вторых, чтобы объявить доктора пропавшим по закону понадобится еще несколько дней. После этого начнется расследование и поиски. За это время мы успеем сделать все, что нужно и уедем достаточно далеко, чтобы начать новую жизнь.

Паук говорил так уверенно, что мне стало легче. В конце концов, он наверняка знал, что делал, когда убивал врача и поджигал дом. Воспоминание о Долежале вызвало ощущение вины, тут же перекрытое новой волной страха. А что, если маньяк ошибается и полиция уже начала расследование? Неужели он исчезнет из моей жизни, едва успев появиться? Эта мысль была такой болезненной, что к глазам подступили слезы.

— Что с тобой? — эта реакция не укрылась от внимания Паука.

— Просто боюсь, что могу потерять тебя снова, — произнесла я тихо, ощущая себя на удивление глупо. Разговоры о чувствах вообще не были моим коньком. — Не обращай внимания.

Мужчина ничего не ответил и в машине вновь повисла тишина. Я вяло полистала газету дальше, пытаюсь изгнать неприятный осадок, оставшийся в душе после разговора. Возможно, мне просто не стоит разговаривать о чувствах с Пауком. В конце концов, пусть между нами теперь и больше нежности, но не стоит забывать, на какой основе все держится. Не стоит доставать маньяка с чувствами и переживаниями.

Оставшееся время пролетело быстро. Я вынырнула из душевных мыслей только в тот момент, когда машина резко свернула и мы выехали на одну из улиц Тишнова. Солнце уже поднялось высоко и заливало светом улицы. Небольшой городок казался спящим, несмотря на будний день и разгар дня. Исторические дома пролетали за окнами, постепенно сменяясь новыми кварталами. Тишнов был так похож на Брно, что сердце защемило от тоски. Возможно, когда все закончится, можно будет съездить в родной город, прогуляться по знакомым улицам, встретиться с друзьями и семьей.

Если подумать, то сколько я уже не видела Любу? А маму? Конечно, мы иногда созванивались, но моего терпения хватало ровно на пять минут разговора, а конкретно до момента, когда она начинала рассказывать про замечательного брата, который не только женат, но и осчастливил родителей внуками. Интересно будет посмотреть на ее лицо, если я приведу к ней Паука и расскажу, как мы познакомились. Эта мысль оказалась настолько забавной, что я даже хихикнула.

— Почему ты смеешься? — спросил мужчина, сворачивая на парковку какого-то магазина.

— Просто подумала о маме и о том, что будет, если вас с ней познакомить.

— Ты удивляешь меня, малышка, — проговорил мужчина. — Но я не против.

— Не против чего?

— Познакомиться с твоей мамой, — машина затормозила у входа в большой магазин с одеждой.

— Ты серьезно? — внутри возникло сосущее ощущение неловкости. — Не думаю, что это хорошая идея. То есть, я ничего не имею против, но...

— Не бери в голову, малышка. Сейчас все равно не время для этого, — проговорил Паук без тени улыбки.

Я была только рада сменить тему. Внезапное желание маньяка увидеться с моей семьей выходило за рамки вещей, что можно было так просто переварить.

— Зачем мы сюда приехали?

— Чтобы замаскироваться, — Паук заглушил мотор и распахнул дверцу. Мне ничего не оставалось, кроме как направиться следом.

— Ты думаешь, что новая одежда поможет нам скрыться? — с недоверием переспросила я. Даже в фильмах такой ход всегда казался надуманным. Словно стоит одеть другой свитер и тебя больше никто не узнает.

— Ты недооцениваешь узкость человеческой мысли, малышка, — усмехнулся Паук. — Они ищут одинокого замкнутого мужчину в черном, я же буду своим парнем в нелепой футболке под руку с женой в придачу.

— Хм, — рассуждения мужчины имели смысл. — А если спросят документы?

— Малышка, — маньяк обернулся и в глазах его плясали смешинки. — Неужели ты думаешь, что у меня нет запасного комплекта?

Я почувствовала себя глупо. Действительно, передо мной маньяк, успешно проворачивавший свои темные дела несколько лет. Было наивно полагать, что он не озаботился новыми документами.

— Хорошо, — вздохнув, я зашла в магазин вслед за Пауком. — Но я ощущаю себя словно в каком-то дешевом фильме.

— Это охота, малышка. Ты хищник, а они — жертвы. Просто почувствуй азарт и отпусти сомнения, — мужчина взял меня за руку и его пальцы переплелись с моими. — Тебе понравится.

Я подняла глаза и встретила ответный взгляд. В темных глазах маньяка горело возбуждение, предвкушение чего-то потрясающего. И глядя на его лицо я чувствовала, как и сама начинаю улавливать это потрясающее чувство вседозволенности. Оказывает, ходить по грани может быть не только страшно, но и увлекательно.

— Выбирай что-то максимально отличное от твоего обычного стиля, — Паук отпустил мою руку и подтолкнул в сторону женского отдела. — Чтобы никто даже случайно не смог связать тебя с Кристиной, что живет в Вене или жила в Брно.

Я послушно двинулась к рядам с одеждой. Хорошо, пусть это будет игра. Взгляд скользил вдоль вешалок с одеждой. В конце концов, мой выбор пал на джинсы с дырками и несколько огромных футболок. Такого рода шмотки я всегда считала подростковыми и проходила мимо, не достаивая даже взгляда. Проходя мимо стенда с бижутерией, я заметила косметику. Что может лучше изменить внешность, как не она? Внутри вновь шевельнулся азарт, словно Паук каким-то невообразимым образом сумел заразить меня им по воздуху.

Двинувшись к кабинкам, я столкнулась там с маньяком. Кроме нас здесь никого не было. В руках мужчины был ворох одежды невообразимых цветов. Кажется, из-под низа

торчал край гавайской рубашки. Неужели он все это оденет?

— Иди сюда, — Паук потянул меня к одной из кабинок и заперся со мной внутри. — Поворачивайся и снимай рубашку.

— Что ты собираешься делать? — мысль о сексе в магазине испугала и возбудила одновременно. Господи, неужели теперь я всегда буду безумно хотеть Паука?

— Не то, о чем ты подумала, — проговорил мужчина, избавляя меня от куртки и рубашки. — Почему не сказала, что спина опять болит?

— Все не так плохо, — я попыталась отстраниться, но мужчина с силой провел по бинтам, отчего у меня вырвался сдавленный вскрик. — Ты моя, малышка. И я должен знать обо всем, что с тобой происходит, — от слов, сказанных таким тоном становилось не по себе.

— Похоже, ты и так все знаешь, — вяло огрызнулась я, чувствуя, как стремительно падает настроение.

Спина действительно болела и теперь даже сильнее, чем утром. Вот только откуда об этом узнал Паук?

— После магазина мы едем в отель и занимаемся тобой.

Мне не очень понравилась авторитарность Паука, но выбора у меня не было. Лучше подчиниться, тем более, что он прав и ранами следовало заняться.

— Все будет хорошо. До свадьбы заживет, — я попыталась улыбнуться, но маньяк выглядел серьезно.

— Если снова начнется воспаление, тебе придется лечь в больницу, — слова разом меня отрезвили. Нет уж, пусть будет все, что угодно, но не это.

— Прости. Просто мне не хотелось быть обузой, — повернувшись к мужчине лицом, я уперлась ладонями ему в грудь.

— Меряй одежду и потом едем в отель, — голос мужчины немного смягчился. — И больше никогда не скрывай своего состояния.

Пробовать новые футболки и джинсы в итоге пришлось только мне. Паук заявил, что ему примерка ни к чему и мне так и не удалось посмотреть на него в гавайской рубашке и смешной спортивной куртке. Ничего, успех приходит к терпеливым. Так или иначе, ему придется одеть эти вещи и тогда то я вдоволь посмеюсь.

Мужчина ушел оплачивать покупки, а я тем временем ходила вдоль вешалок с мужской одеждой, рассматривая всевозможные варианты забавных надписей на футболках. Это занятие так увлекло меня, что завернув за угол я не заметила человека, в которого врезалась.

— Извините.

Подняв глаза, я увидела человека, которого меньше всего ожидала встретить. Передо мной стоял Ганс.

Я смотрела в лицо своего мучителя и ощущала, как сердце сжимается от страха. Ганс выглядел не менее пораженным. Несколько секунд мы рассматривали друг друга, словно не веря собственным глазам. Время замедлилось, став густым, словно патока. А затем с новым ударом сердца, все пришло в движение.

Отшатнувшись, я вскрикнула и обернулась к кассам. Паук скользнул взглядом сначала по мне, а затем по Гансу. Бывший бойфренд сделал несколько шагов назад, а затем быстрым шагом направился к выходу. Не знаю, понял ли он, что мужчина на другом конце зала это Паук, но встреча с несостоявшейся жертвой определенно подкорректировала его планы.

Поколебавшись с мгновение, я бросилась следом, чувствуя, как вскипает кровь от адреналина. Страх сменился гневом. Мне хотелось догнать подонка и сомкнуть пальцы на его горле. Спина отреагировала вспышкой боли, но это лишь придало сил. Ганс разрушил мою жизнь и искалечил навсегда. Прощение? Нет, не слышала.

— Кристина! — Пауку не нужно было повышать голос, чтобы я услышала.

Затормозив, я взглянула на приближающегося маньяка. Этой задержки хватило, чтобы бывший бойфренд успел выскользнуть из магазина.

— Это был Ганс! — почти прокричала я. Паук, в несколько шагов преодолевший разделявшее нас расстояние, приложил палец к губам, призывая помолчать.

Я упрямо сделала шаг назад, встречая его взгляд. Все во мне kloкотало, ярость и гнев требовали выхода.

— Мы еще можем догнать его! Почему ты ничего не делаешь?

— Нет, малышка, мы никуда не пойдём, — Паук покачал головой и взял меня за руку. — Успокойся.

— Почему? Разве мы не должны были найти Ганса? Почему ты не хочешь его поймать сейчас? — я попыталась высвободиться из хватки мужчины, но пальцы на моем запястье сжались сильнее.

— Тише. Мы все равно не можем ничего сделать сейчас. Ты и так привлекла достаточно внимания, — маньяк окинул взглядом зал и только сейчас я заметила, что взгляды продавцов буквально прикованы к нашей части зала.

— Он видел меня и теперь наверняка сбежит, — в душе поднималось разочарование. — Мы никогда его не найдем.

— Ошибаешься, малышка, — Паук потянул меня к выходу.

Я замолчала, пытаюсь выровнять дыхание и успокоить бешено бьющееся сердце. Мысли путались, а в ногах появилась предательская слабость. От падения меня удерживала только рука Паука.

Мы вышли из магазина и пересекли парковку, направляясь к машине. Я отчаянно вертела головой, пытаюсь высмотреть Ганса, в то время как Паук казался абсолютно спокойным. Когда мы сели в машину, я повернулась к маньяку.

— С чего ты решил, что мы не спугнули его?

— Все очевидно. Ты — его шедевр. Ганс не расстанется с этой мыслью так просто.

— Но откуда такая уверенность?

— Это охота, малышка. Примерь на себя шкуру охотника и ты поймешь, что им движет. Люди могут быть разными, но некоторые вещи едины для всех. Инстинкту наплевать на

профессию или образование, ему важно, преследуешь ты или убегаешь.

— Все равно мне кажется, что Ганс испугался и постарается затаиться, — я потеряла переносицу и с трудом прогнала наворачнувшиеся на глаза слезы. Еще не хватало расплакаться сейчас. Слишком много эмоций, надо попытаться взять их под контроль.

— Ты мыслишь не так, как он. Поверь, теперь, когда Ганс увидел тебя, он не остановится. Я знаю, как это происходит. Мысль о незаконченном деле будет сводить его с ума. Нам же остается лишь расставить сети в правильном месте.

Слова Паука имели смысл и странным образом меня успокоили. В конце концов, кому лучше знать о поведении чокнутого маньяка как не другому маньяку?

— И что теперь будем делать?

— То, что охотники умеют лучше всего — ждать.

— А вдруг он выследит нас раньше? — от мысли, что Ганс может получить меня снова все внутри перевернулось.

— Значит, ему не повезет быстрее, чем могло бы, — негромкий смех буквально заполнил машину. Мне все это не казалось смешным, но спорить с Пауком было бесполезно.

— Хорошо, — кивнула я, но спокойствия это не прибавило.

Обхватив себя за плечи, я попыталась избавиться от внезапного ощущения холода. Сколь бы ни были убедительны слова мужчины, было сложно забыть о том страшном подвале и ощущении собственной абсолютной беспомощности.

— Тебе не о чем беспокоиться, малышка, — мужчина словно читал мои мысли. — Ты моя. Никто не заберет то, что принадлежит мне.

На секунду наши взгляды встретились и этого короткого мгновения хватило, чтобы тело отозвалось требовательной истомой. Господи, ну почему это происходит со мной сейчас? Даже несмотря на переживания, что вызвало появление Ганса, я все равно была готова заняться сексом с Пауком. Интересно, прекратится ли это когда-нибудь?

Мы выехали с парковки, но на дорогу я внимания не обращала. Образ страшной ночи, было померкший в воспоминаниях, снова ожил и беспокойство глодало меня изнутри. Ощущение собственной уязвимости невероятно раздражало. Я всегда была сильной, никогда не жаловалась и стойко переносила все неприятности. Логика и твердый расчет руководили моей жизнью и не позволяли впадать в пучины эмоций. Почему же сейчас так трудно собраться с мыслями и дать отпор страху?

Я оглянулась на Паука. Мужчина смотрел на дорогу и лицо его казалось очень спокойным. Интересно, о чем он сейчас думает? Жаль, нельзя влезть другому человеку в голову и посмотреть, что там творится. Это существенно облегчило бы мне жизнь.

Отель, выбранный Пауком, оказался на порядок приличней всех, в которых мне доводилось останавливаться. Я оглядывала просторный холл, чувствуя себя несколько неуютно в окружении сверкающего стекла и металла. В зеркале напротив отражалась растрепанная блондинка с темными кругами под глазами и растянутой футболке. Боже, неужели это я? Зрелище унылое. А если учесть, что под футболкой теперь навечно поселились уродливые шрамы, запрещающие даже думать о бикини, то общая картина выходила и вовсе неприглядной.

— Пойдем, — я испуганно дернулась, когда рука Паука коснулась плеча. Оказывается, мысли о собственном уродстве затянули меня так глубоко, что окружающий мир почти исчез.

Из окна номера открывался отличный вид на сад. Сразу за ним начинался виноградник,

уходивший к самому горизонту. Осень раскрасила пейзаж в яркие тона, придав долине такое очарование, что смотреть на нее хотелось вечно. Сама комната была просторной и очень уютной. Если бы не обстоятельства и состояние, я бы сразу упала в объятия огромной кровати со множеством подушек. Подушечки! Мое давнее хобби. Странно, но в Вене мне не приходило в голову их покупать. Возможно потому, что я так и не почувствовала себя там как дома?

Осматриваясь, я сделала несколько шагов. В номере преобладали золотые и бежевые цвета, оттененные темным деревом мебели. Напротив огромной кровати виднелась дверь в ванную, вправо от которой начинался небольшой стеллаж с мини-баром и телевизором.

Заперев дверь, Паук положил мне руки на плечи.

— Как ты, малышка?

Я откинула голову назад, на плечо мужчины и прикрыла глаза. Ощущать поддержку было очень приятно. Хотелось обернуться и спрятать лицо на его груди, скрыться от всех неприятностей мира в крепких объятиях. Вот только непонятно откуда взявшаяся стеснительность не давала поддаться слабости. Я замерла, пытаюсь решить, стоит ли проявлять такую явную зависимость.

— Все в порядке.

— Как спина? — ладони Паука скользнули по плечам в невесомой, успокаивающей ласке.

— Болит, — со вздохом призналась я.

К черту сомнения. Развернувшись, я обняла мужчину и зарылась носом в рубашку на его груди. Паук не сопротивлялся. Его пальцы запутались в моих волосах, поглаживая и успокаивая. Это был момент абсолютного счастья. Все проблемы отошли на задний план, вытесненные звуком нашего общего дыхания и ровным биением сердца у меня над ухом.

— Иди в ванную, — проговорил мужчина и моих волос коснулся легкий поцелуй.

— Почему ты раньше не был таким хорошим? — едва слышно шепнула я и потерлась носом о ткань рубашки.

— Что ты имеешь в виду? — в голосе маньяка явственно слышалась усмешка.

И зачем было поднимать эту тему? Как показывал опыт, мужчины редко склонны к сентиментальности. А ждать проявления чувств от Паука было и вовсе глупо. Расцепив объятия, я покинула защитное кольцо рук.

— Ничего, — улыбка вышла хорошая, уверенная и надежно скрыла за собой сомнения.

Я заперлась в ванной и медленно разделась. От каждого движения спина отзывалась болью. После осмотра себя в зеркале становилось понятно, что под бинтами все плохо. Нездоровая краснота распространялась на здоровую кожу, сигнализируя о новом воспалении. Открытие пугало. А что, если все станет еще хуже?

Включив горячий душ, я осторожно встала под струи. Бинты тут же намокли и спина начала невероятно чесаться. Однако это было мелочью по сравнению с чувством невероятного облегчения, которое дарила теплая вода. Прикрыв глаза, я попыталась представить, что последнего года не было. Ни маньяков, ни мафии, ни Дэни. Ощущение спокойствия на мгновение окутало душу теплом, но стоило мне открыть глаза, как взгляд зацепился за свежий засос на груди, тут же прогнав иллюзию. От вида метки Паука на коже между ног стало горячо, а дыхание перехватило от желания. Господи, неужели я превращаюсь в нимфоманку, которая все время жаждет секса?

Закончив с гигиеническими процедурами, я завернулась в полотенце и вышла в

комнату. Паук сидел на кровати с ноутбуком на коленях. При моем появлении мужчина поднял глаза от экрана и несколько секунд не отрывал взгляда от меня, словно что-то для себя решая.

— Что ты делаешь? — поинтересовалась я, подходя ближе. Было непривычно видеть Паука таким обычным, будто бы он самый обычный человек, а не маньяк со шлейфом убийств.

— Кое-что проверяю. Ложись, — скомандовал мужчина, жестом указывая на постель.

Спорить я не собиралась. После душа силы кончились, а боль в спине наоборот усилилась. Паук легко откинул полотенце в сторону и спины коснулся холодный воздух, отчего по коже забегали мурашки. В следующую секунду горячая ладонь опустилась на плечо и скользнула вниз. От этого ощущения по телу разлился уже знакомый жар и я невольно подалась навстречу глядящей ладони.

— Потерпи, малышка, сейчас будет немного неприятно.

Маньяк осторожно распутывал бинты на моей спине, но несмотря на все его старания, было все же больно. Я старалась дышать осторожно, сквозь стиснутые зубы, но стон все равно прорвался наружу, а вместе с ним по щекам покатались и слезы.

— Все в порядке?

— Просто больно. Не обращай внимания.

— Я постараюсь помочь, — голос маньяка звучал невероятно мягко. — Просто потерпи еще немного.

Наконец, последний бинт полетел на пол и я смогла насладиться передышкой.

— Что у меня со спиной?

Паук не ответил. Через минуту, когда я уже хотела повторить вопрос, тишину комнаты разорвал его голос:

— Снова началось воспаление. Несколько швов разошлось.

— Насколько все плохо? — от последнего известия к горлу подкатила тошнота.

— Пока не знаю. Я сделаю все, что смогу, а потом только время покажет. Возможно, тебе придется ехать в больницу.

— Нет! — воскликнула я и дернулась. Спину прошила вспышка боли, тут же уложившая меня обратно.

— Не двигайся, иначе станет хуже, — проговорил Паук. — Думаю, тебе как минимум придется провести пару дней в постели.

— А как же Ганс? — перспектива провести кучу времени в кровати не воодушевляла. По крайней мере не в тот момент, когда я уже увидела врага и была готова его чуть ли не загрызть.

— Ты обещала, что будешь выполнять мои просьбы, — теперь в голосе мужчины звучало явственное предупреждение. — Я заинтересован в том, чтобы ты поправилась.

— Почему? Что случится, если я умру?

Я замерла в ожидании ответа. Хотелось услышать что-нибудь романтическое и приятное, хотя надежды на это было немного. В конце концов передо мной маньяк убийца, который не привык распространяться о чувствах. Понравилась девушка — перерезал ей горло, вот и вся романтика.

— Ты не умрешь, — коротко ответил Паук и по его голосу было невозможно понять, что он чувствует.

Наконец, когда все манипуляции были закончены, а спина перетянута новыми бинтами,

я расслабилась. Боль немного отступила и снова накатила сонливость.

— Постарайся спать на животе, малышка, — Паук легко провел ладонью по моим волосам.

От поглаживания хотелось замурлыкать словно кошка, но сил не оставалось даже на это. Сон уже наложил на меня свои липкие лапы и все, на что я оказалась способна, так это закрыть глаза и заснуть.

В следующие несколько дней спина не переставала болеть и Паук категорически отказался выпускать меня из кровати. Если быть честной, то вставать и не хотелось. Я чувствовала слабость, а из-за таблеток, которыми меня щедро кормил мужчина, постоянно хотелось спать. В редкие моменты бодрости я ела, смотрела мультики и ждала маньяка.

Паук часто уходил и на все мои расспросы отвечал односложно. Через некоторое время я просто перестала задавать вопросы, но обида на такую скрытность никуда не делась и росла внутри день ото дня. Из-за проблем со спиной и вынужденного безделья я оказалась один на один с собственными мыслями и довольно скоро подобная компания начала утомлять. За неимением новых эмоций и впечатлений мозг принялся за душевные копания и вопрос о том, есть ли у нас с мужчиной хоть какое-то будущее с каждым днем становился все острее.

Маньяк был неизменно добр и внимателен. За неделю, проведенную в отеле, Паук ни разу не сделал ничего, что могло бы меня напугать и это настораживало. Я знала, кто он такой и на что способен, знала, какие мысли живут в его голове и что вечно так продолжаться не будет. Это угнетало, мне хотелось напрямую поговорить с мужчиной о своих страхах и обсудить с ним будущее. Но как это сделать?

Дни шли, а я все не решалась начать разговор. Рассматривая Паука долгими вечерами, я размышляла, что же такого притягательного содержится в этом человеке. Лицо, как лицо, немного грубое, но не слишком. Пальцы красивые, длинные, чувственные, но опять таки, ничего особенного. Отношение ко мне? Уж точно не самое лучшее, что можно было бы придумать. Тогда что? Почему мне так легко оказалось отринуть старую жизнь и погрузиться в омут страсти? Не может же дело быть только в потрясающем возбуждении, которое я испытываю, стоит только Пауку посмотреть на меня?

Прошла неделя и размышления становились серьезнее и серьезнее пока неожиданные новости не прервали их размеренное течение.

— Я нашел Ганса, — объявил Паук, едва переступив порог комнаты.

— Где? — я резко села в кровати, отметив про себя, что спина практически перестала болеть.

— У него здесь дом, — мужчина сел на край постели и я почти уже привычно прильнула к его плечу. Желание касаться было таким сильным, что у меня не было шанса устоять, а потому я просто с удовольствием ему поддавалась.

— Значит, нужно дождаться правильного времени и пробраться к нему, — по телу разливалась горячая волна адреналина. — Я хорошо себя чувствую, мы можем это сделать хоть сегодня.

— И что ты собираешься делать, малышка? — Паук обнял меня за плечи и притянул к груди. — Мы проникнем в дом, найдем его. Что дальше?

— Я убью его, — с уверенностью проговорила я и остановилась.

Я хочу убить человека? Seriously? Пробраться в его дом, взять пистолет и нажать на спусковой крючок? Внутри образовался липкий ком ужаса. Воображение услужливо

нарисовало сцену со стоящим на коленях Гансом. Умоляющий взгляд, мой палец медленно нажимающий на курок, кровь и мозги, разлетевшиеся по стенам. Господи, неужели я действительно готова сделать это?

Дурнота усилилась и я едва успела убежать в туалет, где меня и вырвало. На глаза навернулись слезы, а на душе стало так плохо, словно внутри появился незримый камень. Пока я умывалась, в ванную зашел Паук и положил руки мне на плечи.

— Ты в порядке? — голос его звучал непривычно мягко.

— Нет.

Прижав ладони к лицу я дышала мелко и часто, пытаюсь избавиться от кошмарного видения, так внезапно захватившего сознание. Мужчина молчал, едва заметно поглаживая пальцами кожу. От его присутствия становилось легче, но вместе с тем и тяжелее.

— Знаешь, я думала, что смогу выпустить пулю ему в голову, просто сосредоточившись на собственной ненависти, — мой голос прозвучал хрипло. — Но мысль об этом заставляет все внутри перевернуться. Он почти убил меня, но при этом я все равно не способна сделать то же самое в ответ.

— Я знаю, малышка, — мужчина положил подбородок мне на голову и я облокотилась спиной о его грудь.

Мы стояли перед зеркалом и я рассматривала наше отражение. Черное и белое, очень символично.

— Раньше казалось, что мне хватит сил. Но я всего лишь жертва. Маленькая, испуганная и послушная.

— Не думай об этом. Я убью его для тебя, — проговорил Паук и это прозвучало жутко и романтично одновременно.

Мы еще немного постояли обнявшись. Я чувствовала, как приступ дурноты постепенно отступает, сменяясь отчаянием.

— Как ты его нашел? По тем квитанциям из машины?

— Не совсем. Счета были за дом его матери.

— Матери? — зачем-то переспросила я.

Новость о том, что у Ганса может быть мама оказалась неожиданной. С другой стороны, что же в этом удивительного? Даже подонки родились от кого-то. У Паука есть отец, Ганс оплачивает счета своей матери. Мир не делится на черное и белое. Самый отъявленный злодей может заботиться о ком-то.

— Надеюсь, он живет не с ней, — улыбнулась я, внутренне содрогаясь от гипотетической возможности встретить мать Ганса во время рейда возмездия.

— Нет, он живет со своей женой и ребенком, — проговорил Паук спокойно.

— Что? — я почувствовала, как сердце сжалось и ухнуло куда-то вниз.

Сбросив руки мужчины с плеч я развернулась и сделала несколько шагов, пытаюсь восстановить внезапно сбившееся дыхание.

— Он женат, их сына зовут Мирек и ему завтра исполнится три, — каждое слово Паука словно забивало очередной гвоздь в крышку моего морального гроба.

Неужели все это время Ганс врал мне? Мы встречались, я так верила ему, а в итоге у него есть семья и маленький ребенок? Эмоции захлестнули с головой и на глаза навернулись слезы, что естественно не прошло мимо Паука.

— Почему ты плачешь? — голос мужчины был спокоен. Маньяка остался стоять на месте, просто наблюдая за мной.

— Не знаю... — прошептала я, обхватив плечи руками. Внутри разрасталась сосущая дыра, быстро поглощавшая все хорошее и взамен дарившее ощущение собственной ничтожности.

— Расскажи мне.

— Он обманул меня. Ганс встречался со мной, но ни раз не упомянул, что у него жена и маленький ребенок.

— Он не встречался с тобой, — спокойно возразил Паук. — Ганс готовил почву к своему триумфу и все, что между вами произошло можно назвать долгой прелюдией.

Эти рациональные слова эхом отдались внутри и вызвали новый поток слез.

— Ты плачешь, потому что любила его, не так ли? — пальцы мужчины на секунду сжались на моих плечах, а затем расслабились.

На мгновение стало страшно, что сейчас маньяк разозлится и сделает что-то страшное. Но секунды шли, а я все еще была жива и невредима.

— Я убью его для тебя, малышка, — проговорил Паук, пальцами поднимая мой подбородок и заставляя встретиться с ним взглядами. — Мне плевать, что у него есть семья. Ганс чуть не убил тебя и заслуживает того, что с ним случится.

От этого тихого, спокойного голоса мне стало не по себе. Я верила маньяку и понимала, что он осуществит все, о чем сейчас говорит. Вот только что делать с моральным аспектом? Как отрешиться от того, что маленький ребенок, вовсе не повинный в том, каков засранец его папочка, скоро лишится отца?

— Пообещай, что не причинишь вреда его семье, — попросила я, все еще глядя в глаза мужчины. — Пожалуйста.

— Я не причиню вреда его семье, — голос Паука прозвучал твердо и серьезно. — Но не проси меня сохранить ему жизнь.

Этой ночью я спала плохо. Мне снился Ганс, описывающей детали безумного плана, и женщина, обнимавшая его за плечи и нежно целующая в щеку. Затем пара исчезла, а на их месте появился ребенок. Он указывал пальцем прямо на меня и тревожно спрашивал: «Ты же не моя мамочка?». Белокурый и розовощекий — точная копия Ганса и это пугало еще больше.

Из-за неприятных снов я проснулась рано. Солнце только-только показалось из-за горизонта. Слабый еще свет проникал в комнату, мягко оглаживая очертания мебели и вещей. За окном звонко щебетали птицы, чьи трели вплетались в звук проезжавших мимо машин. Пока что водителей было немного, но еще полчаса и мир проснется окончательно, чтобы отправиться на работу.

Мысль о работе и привычном укладе жизни казалась странной и далекой. Неужели и я когда-то могла думать о чем-то, кроме выживания и испытывала что-то кроме страсти к убийце? Ан нет, был период самобичевания и сожалений, внезапно закончившийся появлением восставшего из мертвых Пауком.

Я провела ладонью по лбу, стирая выступившую испарину. Все тело ломило, а разум находился в том странном оцепенении, что наступает после глубокого и яркого сна. Вроде бы уже и осознаешь окружающее, но привидевшееся пока кажется реальнее. Образ Ганса был таким ярким, что сердце до сих пор билось быстрее обычного, а на душе оставался гадкий осадок. Слишком много эмоций.

Повернувшись, я обнаружила, что Паука в кровати нет. Куда он пропал? Неужели ушел, чтобы покончить с Гансом? Или ему просто надоело со мной нянчиться? Последняя мысль была странной и вызывала больше всего эмоций. Что, если маньяк в конце концов отступится от плана, оставит свою старую жертву и приступит к поискам новой? Не знаю, почему это вызывало такое беспокойство — маньяк и раньше исчезал на целый день, ничего не объясняя и часто это происходило еще утром, пока я спала. Нас связывает слишком многое, чтобы просто разойтись своим путем. Но несмотря на доводы разума, странное сосущее чувство в животе никуда не уходило. Предчувствие? Или просто расшалившиеся нервы? Если последнее, то тогда удивительно, как мне удавалось не сойти с ума весь прошлый год.

Я встала с кровати, ощутив боль в спине. Она казалась такой привычной, что было почти невозможно вспомнить, каково это быть здоровой. Нехороший знак. Аккуратно шагая, я проверила ванную — Паука действительно не было в номере. Записки тоже не наблюдалось. По всей видимости оставалось смириться с ролью маленькой покорной жертвы — сидеть послушно в номере и ждать возвращения маньяка, вздыхая у окошка.

В маленьком холодильнике у стены еще оставалась упаковка ветчины и несколько хлебцов, мой стандартный завтрак. Паук, как настоящая мамочка, приносил продукты и тщательно следил за тем, чтобы я ела. Мне не нравилось быть настолько беспомощной, но передвигаться на расстояния большие, чем до туалета и обратно было действительно тяжело.

Забравшись обратно в кровать, я принялась за завтрак. Вчера мужчина выразился ясно — он убьет Ганса во что бы то ни стало. А что, если он это делает прямо сейчас? Смотрит прямо в глаза своему неудавшемуся подражателю и нажимает на курок? Или же Паук притаился и выжидает момента, чтобы подкрасться из-за спины и перерезать врагу горло?

От этой мысли становилось не по себе. Я знала, с кем имею дело, знала об убийстве девушек, смерти Долежала, но сейчас это было что-то иное. Холодное, расчетливое преступление, совершаемое не из-за безумия, но ради меня.

У Ганса есть мать, жена, ребенок. Неужели я готова позволить его смерти произойти? Меня и так окружал ореол убийств, последствия тесной дружбы с маньяком. Стоило ли добавлять к ним еще одно? Пусть даже и очень, очень плохого человека, фактически уничтожившего мою последнюю надежду на нормальную жизнь.

Внутри возникло странное чувство, смесь страха, вины и сомнения. Ночной кошмар не шел из головы, а образ маленького мальчика вновь и вновь вставал перед глазами, усугубляя мою тревогу. Душащая ярость, которая переполняла сердце еще пару дней назад, отступила. Да, Ганс убил Марию и искалечил меня. Но его сын не имеет к этому отношения. А что если Паук убьет мужчину прямо на глазах его семьи?

От этой картинки к горлу подкатила тошнота. Приступ был таким сильным, что я едва успела дойти до туалета, чтобы оставить недавний завтрак в унитазе. Ох, второй раз за неполные сутки. Пожалуй, надо попросить Паука купить что-то от нервов. Если меня будет тошнить каждый раз, когда я думаю о Гансе, то ни к чему хорошему это не приведет. Идея о том, чтобы обратиться в полицию начала казаться не такой уж неудачной. В конце концов, мы нашли преступника. Остальное было бы просто — прийти в отделение, дать показания и мужчину схватят, осудят на пожизненный срок и никто не умрет.

На пару минут я всерьез поверила, что план может сработать. К черту страх. В конце концов, история с мафией давно позади, бояться властей нет повода. Да, у них есть солидная папка с моим именем, но сейчас я — потерпевшая. Они осмотрят шрамы и прищучат гада. Не стоило, правда, забывать о Пауке. Я дала слово, что буду во всем ему подчиняться и вряд ли маньяк так просто согласится с изменением планов. Для него это дело личное, задевающее, так сказать, профессиональную гордость. Плюс, полиция может ненароком выйти на его след и трудно предположить, чем закончится их любопытство.

Течение мыслей прервал телефонный звонок. Потребовалась пара секунд, чтобы сообразить, что это мой мобильник. За дни, проведенные наедине с собой и Пауком я успела забыть о том, что такая штука вообще существует. Звонивший оказался настойчивым типом и не прекращал попыток услышать ответ все то время, что я искала проклятую шайтан-коробку в сумке с одеждой.

— Алло?

— Пани Кристина Хамерникова? — поинтересовался приятный мужской голос на другом конце провода.

— Да. Кто это? — поинтересовалась я, присаживаясь на край кровати.

— Меня зовут лейтенант Бук, я расследую дело об убийстве вашей подруги Марии. Нашим сотрудникам удалось выйти на след предполагаемого преступника и нам необходимо ваше присутствие в отделении.

Неприятное чувство дежа-вю поднялось из глубины души и вызвало волну паники. Когда-то точно такой же звонок привел меня в кресло основной подозреваемой в убийстве Дэни. Конечно, тогда во всем была виновата мафия, сейчас ничто не могло подвести служителей правопорядка к выводу, что я в чем-то виновата, но доводы разума находили плохой отклик в сердце. Доводы доводами, а страх страхом.

— Чем именно я могу помочь? Вы знаете, кто это?

— Я не могу раскрывать тайну следствия по телефону. Когда бы вы смогли приехать в

отделение?

— Я... не знаю. Сейчас так много дел, — соврала я, судорожно соображая, как поступить. С одной стороны, игнорировать требование полиции было рискованно. С другой — а что скажет Паук? Стоит ли подвергать нас обоих этому риску?

— Чем быстрее мы получим ваши показания, тем скорее преступник будет пойман, — голос лейтенанта звучал спокойно и доброжелательно. Не похоже, чтобы он собирался меня обвинить в убийстве.

В конце концов, что за проблема? Я могу сесть на автобус, поехать в Вену и вернуться. С Пауком мне не связаться, а угрозы в даче показаний я не вижу. Единственным препятствием для путешествия может стать больная спина, но если быть осторожной, то и это не проблема. К тому же, если они вышли на след Ганса, то мои этические страдания прекратятся сами собой. Полиция накажет подонка и нам с Пауком не придется ничего делать. В конце концов, каким бы чудовищем он ни был, я не была готова лишать ребенка отца. И пусть кто-то назовет меня мягкотелой, неважно.

— Могу приехать сегодня днем, — проговорила я. Принятое решение легло на сердце приятной тяжестью. — Какой адрес?

Разыскав ручку и бумагу, я записала координаты отделения в Вене. Оставалось только найти транспорт и можно отправляться. После недели вынужденного безделья в четырех стенах перспектива куда-либо выбраться казалась весьма заманчивой. Ну в самом деле, ничего же не случится.

Правда, вопрос с Пауком все еще оставался открытым. Подождать мужчину, чтобы рассказать о звонке? Но вдруг он решит, что встречаться с полицией неразумно и запретит ехать? В конце концов дело затрагивает его собственные интересы и гордость. С другой стороны, разве готова я превратиться в послушную рабу и спрашивать разрешения на каждый вздох? Это моя жизнь и мои решения. Да, мы договорились что живем по правилам Паука, но это вовсе не означает, что кроме его слова не может быть ничего.

Упрямство и чувство собственного достоинства перевесили чашу сомнений, так что я принялась за сборы. Первым делом пришлось искать варианты, как добраться до Вены. Мы остановились в Брецлаве, небольшом городке на границе Чехии и Австрии. Если быстро собраться, то я как раз успею на рейсовый автобус. А если встреча не займет много времени, то возможно мне удастся вернуться домой даже до возвращения Паука.

Новые вещи, купленные неделю назад сидели отлично, но выглядела я в них непривычно и чуждо. Совсем не мой стиль. Ну да ладно, как там говорил Паук? Охота. А для удачной охоты нужно замаскироваться. Немного подумав, я даже воспользовалась косметикой. Играть, так играть. Полиции все равно, а Ганс меня точно не опознает в панковского вида подростке с яркими глазами на пол-лица. Розовые с синим тени смотрелись очень эффектно и абсолютно не ассоциировались со старой мной.

Разыскав лист бумаги я оставила записку для Паука:

Позвонили из полиции, просили дать показания по поводу Марии. Я скоро вернусь.

Для верности я приписала внизу свой телефонный номер. Конечно, он у Паука наверняка был, но так спокойнее. Интересно, как отреагирует маньяк? Разозлится? Бросится на поиски? Что ж, не попробуешь — не узнаешь.

Вена встретила меня шумными улицами и солнцем. Погода была такой потрясающей, что захотелось послать к черту полицию и отправиться гулять. Возможно, я бы так и поступила, если бы не спина. Несмотря на пару таблеток обезболивающего, принятого перед поездкой, боль усиливалась с каждой минутой. Я успела дважды пожалеть о своем опрометчивом решении, но отступить уже поздно. В конце концов, дойду до полицейского участка, дам показания и сразу в отель, больше никаких приключений.

Я шла по проспекту, стараясь не концентрироваться на неприятных ощущениях. Легкий ветерок играл опавшими листьями, игриво швыряя их в прохожих и унося в неведомые дали. В воздухе пахло землей и осенью. Этот запах у меня всегда ассоциировался с уютом дома и легкой лирической печалью перед приходом негостеприимной зимы. Глядя на людей, спешащих по своим делам, я чувствовала, как щемит сердце от странной тоски. Вот бы сейчас закончить дела и вернуться домой, в свою родную квартирку в Брно. Включить кофеварку, наполнить кофе любимую кружку до самых краев и просто сидеть у окна, наслаждаясь ощущением почти позабытого уже покоя.

Мечты оказались такими яркими, что на глазах выступили слезы. Боже, что же я делаю со своей жизнью? Маньяк, погоня, выбор между убийством или милосердием к Гансу... Разве это можно назвать счастьем? Горячие ночи, объятия Паука... стоит ли оно того, чтобы променять на них свой тихий домашний уют? С другой стороны, какой у меня выбор? Либо Паук, либо что-то еще, не менее странное и полное боли. Конечно, он предлагал уехать, обещал забыть меня, но можно ли этому верить? Безумные голоса в голове так или иначе возьмут свое и он отправится на поиски вновь.

Увлечшись размышлениями я не заметила, как подошла к отделению, в котором меня ожидал лейтенант Бук.

Невысокое, выкрашенное в серый цвет здание скрывалось на одной из небольших тенистых улочек в центре. За невысокой кованой оградой бурно разрослись кусты шиповника, на которых даже осенью красовались крупные, розовые цветы, окруженные начавшими желтеть листьями. Высокие тополя шуршали ветвями над головой, периодически отпуская на волю ветру пару листочков.

Людей перед отделением не наблюдалось, лишь одинокий воробей скакал по асфальту в поисках крошек. Снова захотелось развернуться и уйти. Вдруг они решат, что я в чем-то виновата, как в той истории год назад? И пусть это логически невозможно, ведь в деле с Дэни была замешана мафия, однако на душе все равно было беспокойно. Боль в спине за время прогулки усилилась и мне не хотелось представлять что же будет, затянись наша беседа с лейтенантом.

Так, Кристина, соберись. Ты сильная и умная девочка. А еще последовательная. Решила дать показания — значит иди, нечего придумывать отговорки.

Глубоко вздохнув, я твердо двинулась к крыльцу. В пику унылой серости фасада, внутри отделение было выкрашено в разные оттенки голубого. Стойка ресепшена, пара стульев и раскидистый фикус — действительно спартанская обстановка.

После непродолжительного разговора с юношей у стойки, меня отвели в кабинет лейтенанта Бука. Пока мужчина изучал документы и заполнял необходимые формы я оглядывалась по сторонам, пытаясь успокоить расшатанные нервы чашечкой предложенного кофе. Напиток оказался неплох — горячий, терпкий, с кислой ноткой. Не идеально, но гораздо лучше, чем можно было ожидать в полиции. Эх, а ведь именно страсть к кофе дала Гансу возможность подсыпать мне в чашку снотворного. Но что поделать, не отказываться

же от единственной привычки, пронесенной сквозь года из-за какого-то паршивого маньяка?

Комната была оформлена в мягких, спокойных тонах. Бежевые стены, бледно-серый ковер, темного цвета мебель. В отличие от допросной, в которой мне довелось побывать в Брно, тут было довольно мило, если это слово вообще применимо к отделению полиции.

— Большое спасибо, что нашли для нас время, пани Хамерникова, — проговорил полицейский, протягивая мне мой паспорт.

Мужчина, сидящий передо мной, был высоким. Даже в кресле он возвышался над столом как могучий дуб. Широкие плечи, массивные руки, тяжелая челюсть — если бы не удивительно умный взгляд карих глаз, я бы сказала, что передо мной типичный «качок» не отягощенный интеллектом. На вид Буку было около тридцати. Первые морщинки уже коснулись кожи, а в коротко стриженных темных волосах прослеживались искристые нотки седины. Безымянный палец правой руки украшало простое золотое кольцо, при виде которого у меня внезапно защемило сердце. Лейтенант был женат. Выйду ли я когда-нибудь замуж, заведу ли детей? Мысль оказалась настолько болезненной, что на глаза против воли навернулись слезы. Кристина, хватит. Сейчас не время жалеть себя и переживать о принятых решениях. Соберись!

— Ради такого важного дела время всегда найдется, — проговорила я, с трудом сглатывая подступившие к горлу слезы. — Вы сказали, что вышли на убийцу Марии. Кто это был?

— Сейчас у нас двое подозреваемых. В доме вашей подруги были установлены камеры видеонаблюдения. Незадолго до времени смерти на лестничной площадке появлялись двое мужчин, один из которых наиболее вероятно является убийцей.

Двое? Сердце сжалось от нехорошего предчувствия.

— Вы смогли их опознать? — задала я вопрос, заранее зная ответ.

Лейтенант прокашлялся, а затем достал из ящика стола две фотографии.

— У нас есть основания полагать, что вы знаете обоих мужчин, — проговорил мужчина, положив подбородок на скрещенные руки. — И любая информация, которую вы сможете предоставить, поможет в поисках и поимке преступника.

Глаза мужчины неотрывно следили за моим лицом, отслеживая реакцию. Я понимала это, но ничего не могла поделать с собственными эмоциями.

Снимки были не очень четкими, распечатанными со стоп-кадра видеозаписи, но сомнений не оставалось, передо мной оказались фотографии Паука и Ганса. Внутри поднялась непрощенная паника. Я была готова увидеть изображение Ганса и дать всевозможные показания по его поводу, но Паук... Откуда полиции известно о нашей связи? Что им известно? Знают ли они, кем мужчина является на самом деле?

— Узнаете этих мужчин? — задал вопрос лейтенант, все еще не отрывая взгляда от моего лица.

— Да, — проговорила я медленно, пытаясь придумать на ходу, что соврать. — На первой фотографии мой бойфренд Ганс, а на второй — старый приятель из Чехии.

По сути, я сказала правду. Паук — мой старый приятель. Его формальная сторона, известная обществу, выглядела более чем прилично. И если полиция не в курсе убийства Долежала и об остальных жертвах, то опасаться нечего.

— Ваша подруга была знакома с обоими мужчинами?

— Честно говоря, не знаю. При мне она никогда не упоминала о... Йозефе, — я немного запнулась, когда пришлось назвать настоящее имя Паука. — Насчет Ганса сказать

сложно. Мы встречались, но я еще не знакомила его с друзьями, так что если они и знали друг друга, то об этом мне известно не было.

Не отрываясь я рассматривала обе фотографии, чувствуя, как внутри копят вопросы. Паук сказал, что не убивал Марию. Но тогда что он делал в ее доме перед убийством? Возможно, ее убийство входило в планы маньяка, но Ганс успел добраться первым до несчастной женщины? Если это так, то в чем заключался его мотив? Напугать меня? Показать, что еще жив? Или просто из-за скуки?

— Хорошо, — кивнул лейтенант Бук, делая пометки в блокноте. — Как давно вы в последний раз видели вашего бойфренда?

Нехороший вопрос. Сказать правду или соврать? Если я расскажу о нашей встрече с Гансом и своих мучениях в подвале, дело так просто уже не закончится. А я, несмотря ни на что, хотела сохранить в тайне то, что произошло. Можно соврать, но есть вероятность, что полиция уже в курсе того, что я встречалась с Гансом после смерти Марии и тогда у них возникнет еще больше вопросов.

— Мы встретились на следующий день после смерти Марии, но свидание не задалось и я пошла домой, — полуправда лучше, чем откровенная ложь. — После этого мы не виделись и даже не общались.

— Хорошо, — лейтенант бегло что-то напечатал на компьютере, не глядя мне в лицо. — Возможно Ганс затрагивал необычные, странные темы во время разговора?

— Нет, не думаю. Мы говорили о смерти Марии и о том, как это тяжело, — непрощенное воспоминание о трупке на кровати встало перед глазами, отчего на глаза сами собой навернулись слезы. — А потом я пошла домой.

— Держите, — мужчина достал из стола упаковку бумажных салфеток.

— Спасибо, — я промакнула глаза и сделала глубокий вдох, пытаюсь успокоиться. Но сделать это оказалось не так уж и легко. Событий последних дней оказалось так много, что психика явно отказывала.

— Что насчет Йозефа? Когда вы видели его в последний раз?

— Где-то год назад, еще в Чехии, — соврала я. — Мы не очень близкие друзья и с тех пор совсем не общались.

— Вы уверены, Кристина? — лейтенант скрестил руки на столе и лицо его стало неожиданно серьезным и сосредоточенным. — Любая крупица информации может помочь.

— Я уверена, — как можно тверже произнесла я, сжимая в ладони бумажную салфетку. — Но почему вы не спросите их сами? Я могу вам дать номер Ганса.

Ох, какая я молодец. Лучшая защита — это нападение. Ничего не знаю, ни с кем не общаюсь.

— Дело в том, что до Ганса сгорел дотла неделю назад и с тех пор его никто не видел, — произнес мужчина, внимательно следя за моим лицом.

— Сгорел? — как зачарованная переспросила я, пытаюсь сообразить, как же сыграть удивление. — Вы хотите сказать, что он... погиб?

— Тело не нашли, так что есть вероятность, что ваш партнер просто уехал.

От слова партнер меня передернуло. Чертов подонок. Лучше бы он сгорел вместе со своим домом.

— Боже мой, я не знала, — опустив глаза я спряталась за очередным бумажным платком. — Наверное, с ним что-то случилось, раз он не отвечает на мои сообщения.

— Этого мы точно не знаем.

— Пожалуйста, если найдете его, сообщите, — попросила я, все еще не глядя на лейтенанта. — Хочу знать, что с ним все в порядке.

— Непременно, — мужчина улыбнулся, но улыбка не дошла до глаз. Лицо лейтенанта оставалось сосредоточенным и серьезным. — У нас также будет просьба. Если Ганс или Йозеф с вами свяжутся, пожалуйста, незамедлительно позвоните мне.

Мужчина протянул визитку с телефоном и я сунула ее в карман. Неужели на этом все? Всего пара вопросов и больше ничего? Правда, чего уж таить, разговор поселил в душе немало сомнений. Зачем Паук навещал Марию? Он клялся, что не убивал ее, но возможно, его планам просто помешали.

— Непременно. Надеюсь, что вы найдете убийцу и он получится по заслугам, — проговорила я, пожимая руку лейтенанту.

Из отделения я вышла глубоко погруженная в свои мысли. Залитые солнцем улицы большого города больше не радовали, уж больно мрачная картинка вырисовывалась перед глазами. Полиция знает о Пауке и Гансе. И это лишь вопрос времени, когда обнаружится убийство Долежала и за маньяком начнется настоящая охота. А если полиция подозревает в чем-то и меня? От этой мысли по телу прокатилась волна жара. Воспоминания годичной давности вновь заполнили голову, не давая взять себя в руки и рассуждать логично.

Лейтенант сообщил, что дом Ганса сгорел, но не упомянул об уничтоженном доме Паука. Возможно ли, что они еще об этом не знают? Если дом был записан на другое имя, то органам потребуется время, чтобы все соотнести. Или же это уловка, своеобразная ловушка. Возможно, они пытаются меня использовать, чтобы выйти на Паука и этот разговор был лишь ширмой?

От этой мысли сердце в груди сжалось. И что же теперь делать? Идти домой, рискуя привести полицию к Пауку? Или пойти в свою венскую квартиру, чтобы отвести подозрения? В последнем случае получится, что я нарушила условия сделки с маньяком, хоть и во благо.

Я остановилась посреди улицы, чувствуя себя абсолютно потерянно. Зачем вообще было нужно идти на эту встречу? Благородство по отношению к семье Ганса может выйти боком мне самой. Чертовы принципы.

Сделав пару глубоких вдохов, я постепенно взяла контроль над эмоциями. Идея слежки это лишь мои догадки. Ничего еще не случилось. А даже если и случится, Паук найдет выход из любой ситуации. От этой мысли на душе стало теплее и несмотря на многократно усилившуюся боль в спине, я улыбнулась. Пора ехать в отель, а дальше случится то, что случится.

«Настоящие вещи всегда так некстати»

Флёр

В номер я вернулась еще до заката. После насыщенного дня хотелось лишь добраться до кровати и рухнуть в ее мягкие объятия. Из-за боли в спине, путешествие на автобусе из Вены превратилось в адскую пытку. Стоило ли так мучиться и рисковать ради дачи показаний? С другой стороны, теперь я знаю, что Паук попал на радары и ему грозит опасность. Сведения достаточно ценные, чтобы немного помучиться. Сейчас только выпью пол-пачки аспирина и станет легче.

Паук, по всей видимости, еще не появлялся. Напряжение, всю дорогу сковывающее сердце, наконец отпустило. Я с удовольствием скомкала записку, которую оставляла для мужчины и запустила в мусор. Прибавлять ко всем проблемам еще и «семейную» ссору мне совсем не улыбалось.

Переодеваясь и смывая с себя яркий макияж, я размышляла, стоит ли рассказывать о сегодняшней вылазке Пауку. С одной стороны, можно и промолчать, но с другой — если маньяк узнает о том, что я скрывала дачу показаний в полиции, приятного будет мало. Ко всему прочему, происходящее касается его самым непосредственным образом. Теперь мы одна команда, любовники и сообщники в одном лице. Прямо Бонни и Клайд. От этой мысли стало очень смешно, но вместе с тем внутри разрастался тугий узел беспокойства. Ведь не такой жизни я себе хотела? Господи, еще пару лет назад все казалось таким прекрасным и определенным. Собственная квартира, машина, бойфренд... Кто бы знал, что все закончится любовным треугольником с двумя маньяками и постоянной угрозой для жизни.

Закончив с умыванием, я потянулась к зубной щетке. Но стоило почувствовать вкус пасты, как к горлу поступил очередной приступ тошноты. Да что такое, в самом деле! Вроде бы ничего плохого не ела, да и спина под действием обезболивающих стала ныть меньше. Может, во всем виновата усталость? С трудом подавив спазм, я посмотрела на себя в зеркало. Большие блестящие глаза, синяки под ними, бледная кожа. Видок тот еще. Спина болит и грудь ноет. Да уж, не женщина, а катастрофа.

В этот момент в голове что-то щелкнуло и от появившейся мысли меня обдало жаром с ног до головы. Тошнота, болит грудь, незащищенный секс с Пауком. Может ли это быть... беременность? От пугающей догадки успокоившаяся было дурнота взяла стремительный реванш. Стоя над раковиной и пытаюсь взять под контроль непрекращающиеся спазмы, я пыталась собрать мысли в кучу. Так, главное без паники. Пока еще ничего не ясно. Во-первых, надо сходить в аптеку и купить десяток тестов на беременность. Во-вторых, записаться к врачу. И уже на основании этого что-то решать.

На ватных ногах я вернулась в комнату. Внутри, несмотря на все увещевания разума, разгоралась паника, щедро сдобренная самобичеванием. Неужели это я, Кристина, которая даже девственности лишалась заставив парня надеть два презерватива одновременно, занималась столько времени незащищенным сексом и даже не подумала о возможных последствиях? Черт, черт, черт!

Глубоко вздохнув, я попыталась взять эмоции под контроль. Так, когда там были

последние месячные? Вроде бы еще до встречи с Пауком. Или после? В голове царил каша. После всего, что мне довелось перенести за последние дни, вспомнить необходимые детали оказалось практически невозможно. Что же, всегда есть проверенные методы. Просто так сидеть в номере и паниковать все равно ничему не поможет, нужно действовать и все узнать наверняка.

Быстро одевшись, я спустилась вниз. Аптека находилась прямо через дорогу от отеля, так что далеко за ответами ходить не придется. С каждым шагом сердце билось все сильнее, словно пытаюсь проломить грудную клетку изнутри. Его удары отдавались в голове, а внутренности сжались в тугий комок от тревоги. Если беременность подтвердится, то придется принимать решение относительно ребенка. И разумеется, надо будет рассказать Пауку. Как отреагирует маньяк на такое известие? Обрадуется? Потребуется сделать аборт? Разозлится и перережет мне горло? Честно говоря, я даже свою реакцию пока что затруднялась предсказать, уж слишком все выходило неожиданно, что уж говорить о мужчине.

А смогу ли я стать матерью? Взять на себя ответственность за слабое существо, которое полностью будет зависеть от правильности принимаемых мной решений? Любить, кормить, воспитывать, не спать ночами, отдавать всю себя? Ответов на эти вопросы у меня не было. В конце концов, люди же как то справляются, правда?

Погрузившись в себя я не замечала ничего вокруг. Мир словно отдалился, а мое присутствие в нем было лишь данью необходимостью. В холле гостиницы было чуть оживленнее, чем обычно, но мое внимание было сосредоточено совсем не на том. И потому было неудивительно, что Паука, как раз входящего в здание, я заметила только в него врезавшись.

— Малышка? — прозвучал хриплый голос над ухом.

— Привет, — я подняла глаза на маньяка. Вырванная из глубоких раздумий, я едва смогла собрать мысли в кучу для ответа.

— Уходишь? — горячая ладонь обхватила запястье. Этот собственнический жест вызвал внутри волну протеста. Какое его к черту дело, собираюсь я куда-то или нет?

— Мне нужно в аптеку, — ответ прозвучал резче, чем хотелось.

— Спина? — деловито уточнил мужчина.

— Не совсем... это быстро, буквально пару минут, — я попыталась высвободиться из хватки Паука, но пальцы сжались на запястье сильнее, почти причиняя боль. Во взгляде мужчины читалось подозрение пополам с зарождавшимся недовольством.

— Я пойду с тобой, — тон маньяка не предполагал возможностей спорить.

— Хорошо, — я пожала плечами. Спорить было бесполезно, да и не очень хотелось. На фоне возможной беременности фокусы Паука уже отходили на второй план.

Вечерний воздух был наполнен свежестью. Я поежилась, поняв, что в спешке не сообразила даже накинуть куртку. Сердце колотилось как бешеное, а мысли в голове путались. Паук шагал рядом, не задавая больше вопросов, но я понимала, что он все поймет, стоит нам зайти в аптеку. От этого становилось неуютно.

Не доходя пары метров до входа, я остановилась и взглянула на мужчину. Сегодня он не стал забирать волосы в хвост, отчего черные пряди спускались на плечи и частично закрывали лицо. Темные глаза смотрели внимательно, изучающе, словно пытаюсь проникнуть в душу, разобрать ее по кусочкам, да так и оставить.

— Что происходит, малышка? — от тихого вопроса живот скрутился в тугой узел, а к

горлу подступила очередная волна тошноты.

Я глубоко вздохнула, набираясь смелости.

— Возможно, я беременна, — от едва сдерживаемого волнения мой голос прозвучал тише, чем хотелось бы. — И сейчас иду в аптеку, чтобы купить тесты и узнать наверняка.

— Беременна... — повторил Паук задумчиво и на краткий миг на его лице отразилось удивление смешанное с растерянностью. Но это выражение быстро сменилось обычной бесстрастной маской. Маньяк умел держать себя в руках, в отличие от меня. — Значит, идем в аптеку.

Магазин встретил нас знакомым горьковатым запахом лекарств. Тогда как на улице уже царили сумерки, помещение освещали яркие лампы. Их свет резал глаза отчего по щеке скатилась непрошенная слезинка.

— Покупай тесты, малышка. Я жду тебя здесь, — маньяк на секунду сжал мою ладонь, словно пытаюсь ободрить.

Кивнув, я углубилась в лабиринт полок, пытаюсь сосредоточиться и найти необходимое. Теперь Паук знает, что у нас возможно будет ребенок. Но что творится в его голове? Думал ли он когда-нибудь о подобном развитии событий? Сценка «Кровавый маньяк превращается в заботливого родителя» никак не желала складываться в голове.

Несколько минут поисков заветных коробочек наконец увенчались успехом. Я поздоровалась с улыбчивой продавщицей и отсчитала требуемую сумму.

— Надеюсь, у вас с мужем будет замечательный малыш! Хорошего вечера! — напоследок пожелала девушка. Невинная фраза отдалась болью в сердце. Если бы только она знала, какие на самом деле отношения связывают меня и Паука, то не стала бы разбрасываться такими оптимистичными заявлениями.

— Все в порядке? — поинтересовался мужчина, придерживая передо мной дверь.

— Да. Просто... волнуясь, — я повела плечами от прохлады, царапавшей кожу после тепла магазина.

— Я знаю, — моей ладони коснулись горячие пальцы и от этого напряжение немного спало. В конце концов, Паук рядом со мной. Он мог убить меня десятки раз, но несмотря на это я все еще жива, по мере сил здорова и маньяк готов на все, чтобы мы были вместе. Остается лишь надеяться, что при положительном результате теста он не поменяет своего отношения.

Сопровождать меня в туалет на время тестов Паук не стал. Отгородившись от мира дверью, я осталась наедине с собой. Удивительно, но паника потихоньку утихала. В конце концов, есть лишь два возможных ответа. Надо собраться и с мужеством принять то, что готовит судьба.

Инструкция до предела проста: две полоски и моя жизнь меняется навсегда или одна полоска и в следующий раз Паук наденет сразу два презерватива. Или даже три. А еще куплю таблетки и свечи. Картинка, вставшая перед внутренним взором оказалась такой забавной, что я едва подавила смех, зародившийся в груди. Вот Паук услышит и решит что его жертва тут сошла с ума на нервной почве. Хотя, так оно, наверное, и есть. Моя жизнь в последнее время совершала такие кульбиты, что даже неожиданная беременность не кажется такой уж большой неприятностью.

Следующие десять минут прошли в увлекательном ожидании, но с весьма неутешительными результатами. Все пять тестов однозначно показывали две полоски. Конечно, можно было сделать еще парочку, в тщетной надежде на иной результат, но разум

уже принял неизбежное, да и писать уже было нечем. Я — беременна. И если ничего не делать, то через девять месяцев на свет может появиться ребенок. Мой ребенок... хотя нет, наш ребенок.

Страха уже не было, ему на смену пришла сосредоточенное возбуждение. Опираясь ладонями о край раковины я взглянула на себя. Неужели вот эта усталая девушка собирается стать матерью? Положив руку себе на живот, я попыталась прислушаться ко внутренним ощущениям. Конечно, срок такой маленький, что было невозможно что-либо почувствовать. Но все же где-то глубоко внутри билась мысль — теперь я не одна. И вместе с этим пришло понимание, что аборта не будет.

— Малышка? — мужчина, постучал в дверь, прерывая мою задумчивость.

Я глубоко вздохнула, собираясь с мыслями. Вот он, момент истины. Остается лишь молиться всем существующим богам, чтобы все было в порядке. Я вышла из ванной и оказалась в темноте. Солнце давно село и на улице зажглись редкие фонари, чей оранжевый свет едва проникал сквозь окно. Паук стоял посреди комнаты и вся его фигура выдавала напряжение. Похоже, не только меня тревожил вопрос будущего.

— Все тесты положительные. Я беременна, — голос, несмотря на все старания, немного дрогнул.

На минуту между нами повисла тишина. Напряжение, сковывающее тело буквально секунду назад, внезапно отступило. В конце концов, что бы ни сказал Паук, я не собираюсь избавляться от ребенка.

— И что ты думаешь по этому поводу? — спросил маньяк, делая несколько неспешных шагов по направлению ко мне. По голосу было невозможно сказать, что он думает по поводу столь внезапных новостей. Испуган? Злится? Растерян?

— Думаю, нам стоит это обсудить, — я старалась говорить спокойно, тщательно выбирая слова. Но внутри уже начинал поднимать голову страх.

— Хорошо, — согласился мужчина и между нами вновь повисло тягостное молчание.

Я знала, о чем думал Паук, ведь мои мысли вертелись вокруг того же. Оставлять ребенка в ситуации, когда мы постоянно балансируем на грани опасности было безрассудно. В то же время, убить собственную плоть и кровь, пусть даже сейчас это просто крошечный сгусток клеток без малейших признаков сознания? Не думаю, что я на это способна. Может ли получиться из Паука, безжалостного маньяка, примерный отец и семьянин? Могла ли я верить будущее себя и своего ребенка этому мужчине?

— Я хочу его оставить, — произнесла я, готовая встретить сопротивление и достойно на него ответить. Но к моему удивлению, битва закончилась даже не начавшись.

— Ты уверена, малышка? — в голосе Паука звучала неуверенность. Слышать это было непривычно. Как правило, мужчина всегда знал что сказать и как поступить.

— Уверена как никогда, — кивнула я. — Поверь, мы справимся. Просто...

— Мы поговорим об этом позже, — прервал меня маньяк. — А пока иди сюда.

Я послушалась и тут же оказалась крепко прижатой к сильному телу. Горячие губы скользнули по щеке вниз, мягко прихватывая чувствительную кожу на шее. Волна жара захлестнула с головы до кончиков пальцев, вызывая произвольный стон. Ладони Паука сжали мою грудь, отчего все посторонние мысли просто вылетели из головы, вытесненные требовательным желанием.

— Пожалуйста, — шептала я, в то время как Паук ловко избавлял меня от одежды. — Пожалуйста...

Мои ладони скользили в вырезе его рубашки, ногти царапали гладкую кожу груди, в то время как внизу живота уже наливалась горячая тяжесть, избавиться от которой можно было лишь одним способом.

— Ммм, чего ты хочешь, малышка? — на секунду мужчина отодвинулся и прохладный воздух коснулся кожи.

— Тебя, — я дернулась навстречу, чтобы добраться до ремня на джинсах Паука, но тот легко остановил мои руки. Губ коснулся очередной поцелуй, обманчиво легкий и дразнящий.

— Пойдем, — мужчина легко увлек меня на кровать и, усадив перед собой, начал медленно расстегивать ремень.

Мой взгляд был прикован к нему. Даже если бы мир за окном внезапно взорвался, я бы вряд ли обратила на это внимание. В горле пересохло, зато между ног было нестерпимо горячо и влажно. Мысли, так сильно волновавшие меня еще пять минут назад, напрочь исчезли, смытые волной возбуждения.

— Разденься, — проговорил мужчина и это простое слово заставило сердце пропустить удар.

Я тут же избавилась от остатков одежды, чуть поморщившись от боли в спине. Желание хоть и притупило остальные ощущения, но совсем их убрать не смогло. Паук по всей видимости ничего не заметил. Джинсы упали на пол, так что из одежды на нем осталась лишь рубашка. Но она меня совсем не волновала, мое внимание было приковано к другой части тела.

— Раздвинь ноги, — приказал мужчина и я не могла не подчиниться. От звука хриплого голоса и предвкушения секса ноги становились ватными. — А теперь поиграй с собой для меня.

От этой просьбы на секунду стало неловко. Разумеется, за свою жизнь я немало экспериментировала, но сейчас, наедине с Пауком все ощущалось иначе.

В слабом свете фонарей, проникавшем с улицы, я едва могла рассмотреть Паука. А вот на меня свет падал так удачно, что мужчина мог насладиться зрелищем в деталях. Моя ладонь скользнула по груди, приласкав сосок и двинулась вниз, туда, где все было так мокро и напряжено, что еще немного и оргазм пришел бы сам.

Стоило пальцам прикоснуться к клитору, как стон удовольствия непроизвольно вырвался из горла. Я подняла глаза на Паука и замерла, глядя, как его ладонь неспешно скользит по всей длине члена. От этого зрелища дышать стало труднее.

— Продолжай, малышка, — прошептал мужчина.

Мне понадобилось лишь несколько движений, чтобы достичь оргазма. Сладкая судорога свела тело, а вырвавшиеся на волю стоны были заглушены жестким поцелуем Паука. Мужчина легко перевернул меня на живот и поставил на колени. Горячие ладони сжали бедра, а кончик члена скользнул по влажным складочкам.

— Пожалуйста, — тихо проговорила я, не в силах сдерживаться. — Пожалуйста...

— Чего ты хочешь, малышка? — горячий шепот раздался у самого уха. Паук едва прикусил мочку, отчего по телу словно прошел электрический разряд.

— Тебя. Возьми меня грубо и жестко, — от слов, слетевших с языка, я чувствовала себя развратной, но это только добавляло возбуждения.

— Моя, — проговорил мужчина, резко толкаясь бедрами вперед.

После секса мы так и остались лежать на полу, не в силах переместиться на кровать.

Восстанавливая сбившееся дыхание, я размышляла. Вот рядом со мной лежит Паук. И у нас будет ребенок. Если удастся забыть прошлое и стать нормальной семьей, то каким вырастет наш потомок? Передастся ли ему отцовское безумие? Узнает ли он когда-нибудь, через что прошли его родители, чтобы быть вместе? Эти мысли вызывали беспокойство.

— О чем ты думаешь? — мои губы легко коснулись щеки мужчины.

— Ни о чем, — коротко ответил маньяк.

Ответ мне не понравился. В нем не было ничего такого, но что-то внутри подсказывало, что все не настолько в порядке, насколько Паук пытается показать. Он так спокойно отреагировал на новость о будущем ребенке, что я не могла не задаться вопросом, что же на самом деле творится в его душе.

— Я люблю тебя, малышка, — добавил мужчина тихо и от этого признания все сомнения испарились. Возможно и впрямь, волноваться не о чем? Ребенок может стать тем звеном, что позволит нам быть счастливой парой до конца жизни.

— Я тоже тебя люблю, — мой шепот утонул в тишине спальни.

Перебравшись наконец в кровать, я впервые без всяких сомнений устроилась в объятиях Паука. Вечный страх от его присутствия постепенно уходил, уступая место безмятежному счастью. Возможно, весь мир меня осудит, но сейчас мне наплевать. Значение имеем только мы.

Проснулась я поздно. Часы показывали почти полдень, но вставать решительно не хотелось. Паука в кровати уже не было. Как говорится, старую собаку новым шуткам не научишь, даже беременность не могла изменить привычек мужчины. От этой мысли на душе поселилось неприятное ощущение. Неужели так будет продолжаться все время? Я рожу ребенка, а Паук продолжит вершить свои непонятные дела, уходить и приходить когда ему вздумается?

Представлять себя в роли домохозяйки запертой дома с ребенком мне решительно не хотелось. Похоже, нам с маньяком нужно серьезно все обсудить. Вчера все получилось слишком сумбурно и внезапно, но точки над «ё» должны быть расставлены. Мой мозг услужливо выдал картинку Паука, с ребенком в одной руке и поварешкой в другой, тщетно пытающегося справиться с домашним хозяйством. Тихонько посмеявшись над шуткой воображения, я легко погладила плоский еще животик.

Вставать все еще не хотелось. Спина почти не беспокоила, а в теле поселилась непривычная расслабленность. Сладко потянувшись, я бросила взгляд на деревья за окном. Осень постепенно передавала бразды правления подступающей зиме. Листьев на деревьях становилось все меньше, а хмурых пасмурных дней наоборот больше. Возможно, стоит прогуляться по окрестностям и немного размяться, пока не выпал первый снег. Напуганная появлением Ганса, я за последние дни практически не выходила на улицу, если не считать визита в аптеку.

Ну все, хватит бездельничать! А то так можно мхом зарости и корни в кровати пустить. Через несколько минут мне все же удалось уговорить себя подняться и умыться. Кое-как зачихнув в себя завтрак, я справилась с позывами к тошноте и взяла в руки телефон. Стыдно признаться, но о беременности и родах мне было известно не больше, чем об особенностях анатомии свиньи. То есть в общих чертах ясно, что через девять месяцев из меня вылезет живой человек, но как конкретно это будет происходить?

После двадцати минут чтения форумов тошнота победила. Провожая в последний путь завтрак, я пыталась подавать накатившую панику и включить логику. Да, во время беременности бывают осложнения. Да, во время родов бывают несчастные случаи. Да, ребенок может родиться с нарушениями. Но ведь это все единичные случаи, не имеющие ко мне отношения! Однако посты говорили сами за себя. Как бы оптимистично ты не был настроен, ничего не происходит четко по плану.

Пришлось признаться себе, что рожать на самом деле страшно. Страх пронизывал до самой глубины души, не давал пошевелиться, перехватывал дыхание. Боже, я стану матерью! Неужели вчера мне это казалось хорошей идеей? А папой становится — барабанная дробь — убийца с двадцатью семью жертвами на счету. Да уж, джек-пот!

Присев на краешек кровати, я обняла себя за плечи и постаралась успокоиться. Вероятно, во всем виноваты гормоны и не в меру мрачные форумы. Не стоило их читать, просто запишусь к врачу и получу квалифицированную консультацию.

Окончательно прервал поток мыслей телефонный звонок. Это еще кто?

— Привет, мам, — поздоровалась я, стараясь скрыть удивление. С семьей мы не были особенно близки, а последний разговор с мамой состоялся около полугода назад. — Что-то случилось?

В какой-то момент мелькнуло подозрение, что она подозревает о ребенке, но я тут же от него отмахнулась — в телепатию не верю, а других способов быть не может.

— Почему ты спрашиваешь? Разве я не могу позвонить просто так? — мамин голос звучал преувеличенно жизнерадостно, что вызывало у меня еще больше беспокойства.

— Пожалуй не припомню случая, чтобы ты звонила без повода.

— Какая ты скептическая. Могла бы и сама разок позвонить. А то уехала в другую страну и все, ни слуху ни духу.

— Давай не начинать этот разговор сначала. Ты прекрасно знаешь, почему мне пришлось поменять место.

— Дела давно минувших дней, — отрезала мать. — Думаю, тебе пора возвращаться домой и всерьез подумать о будущем. С каждым годом все сложнее найти подходящего мужчину, ты же понимаешь?

— Мама, ты либо говоришь, звонишь, либо мы заканчиваем этот разговор — я начинала терять терпение. Тут своих проблем хватает, а тут еще мама с ее нравоучениями.

После произошедшего с мафией я не особо рассчитывала на поддержку семьи, но мама умудрилась даже ту паршивую ситуацию сделать еще хуже. Она звонила почти каждый день, причитая, что всего этого бы не случилось, если бы я была замужем и рожала детей, как племенная овечка.

— Кристи, я понимаю, между нами не всегда все было гладко, — на этом месте я едва удержалась от ехидного комментария. — Но кое-что произошло и мы должны забыть о любых разногласиях, — тон маминого голоса мне не нравился.

— Боже, что случилось? — нехорошее предчувствие поселилось внизу живота.

— Твоему брату стало плохо прошлой ночью. Его увезли в больницу, а сегодня... Врачи диагностировали рак... неоперабельный, — мамин голос дрогнул, но она нашла в себе силы продолжить. — Они дают ему неделю, максимум две. Хочу, чтобы вся семья была тут, рядом с ним, когда...

На этой ноте мама не выдержала и заплакала. Я слышала ее слезы, но не могла произнести ни слова. Новость выбила почву из-под ног и полностью парализовала мыслительную деятельность.

— Мама... Ты слышишь? Я скоро приеду. Сяду на первый же поезд и буду у тебя. Пожалуйста, дождись меня...

— Кристи... дочка... приезжай скорее, — мама едва могла говорить.

Сумбурно попрощавшись я положила трубку и на несколько минут впала в ступор.

Иван, мой старший брат. Успешный стоматолог, примерный семьянин, родительская гордость. Его всегда ставили мне в пример. Мол посмотри, как нужно жить. На семейных встречах, которые я терпеть не могла, всегда оказывалось неважно, как много добилась младшая дочь, зато любой незначительный успех сына ставился на пьедестал и мне в персональный пример. Однако, как бы тяжело ни складывались отношения, брат оставался братом, плоть от плоти, кровь от крови. Не сказать, что мы были особенно близки, но общались неплохо.

Рак. Слово болью отдалось внутри. Господи, неужели через пару недель Ивана не станет? Я вспомнила его милую жену и детей-близнецов. Знают ли они, что папа не вернется из больницы? От этой мысли глаза наполнились слезами. Я машинально погладила свой живот. Что же ждет моего ребенка? Жизнь с маньяком-отцом под постоянным прицелом? Или все может поменяться и Паук превратится в семьянина и забудет о своих

«привычках»?

Я решила дожидаться вечера, чтобы рассказать мужчине о произошедшем, а затем уехать. Что бы ни происходило со мной, семья в данный момент была важнее. Собрав сумку, я сидела и смотрела телевизор, пытаюсь собрать разрозненные мысли в кучу, но получалось плохо.

Минута проходила за минутой, но Паук не торопился возвращаться. С каждой минутой беспокойство нарастало. Когда стрелка часов подползла к часу ночи, я задремала, готовая проснуться по любому звуку. Но тишину комнаты нарушали лишь приглушенные звуки с улицы.

В семь утра маньяк не появился, равно как и в полдень, и на следующее утро. Я разрывалась между паникой, страхом и истерикой. Возможно, что-то с ним случилось и мужчина попал в неприятности? Может, Паук попытался убить Ганса, но тот оказался сильнее? Однако неприятное подозрение точило душу изнутри. Мог ли мужчина просто испугаться и оставить меня одну? Я пыталась отогнать все прочь, но вцепившись острыми коготками в сердце, мысль совсем не спешила исчезать.

Как бы то ни было, больше медлить нельзя. Иван в больнице и кто знает, как долго ему осталось. Не хочу потерять последнюю возможность общения с ним. С тяжелым сердцем я собрала сумку и, немного подумав, оставила записку и адрес родителей для Паука. Последний взгляд на себя в зеркало перед выходом не принес утешения — лохматая, с кругами под глазами и потухшим взглядом, женщина. Наверное, так плохо я не выглядела даже убегая от мафии.

Мне повезло купить билеты на ближайший поезд, так что час спустя я уже сидела в купе, наблюдая за убегающими вдаль пейзажами за окном. На сердце было беспокойно, а мысли вертелись вокруг Паука. Где он? Все ли с ним в порядке? Мог ли он бросить свою несостоявшуюся жертву с ребенком в утробе и исчезнуть навсегда? От этих размышлений мне было несколько стыдно — зная о состоянии брата, я все равно думала не о нем, а о маньяке.

— Извините, у вас свободно? — в купе заглянула девушка. На вид ей было лет восемнадцать. Каштановые локоны до плеч, удивительно зеленые глаза, приятный овал лица.

— Конечно, садитесь, — я постаралась вложить максимум дружелюбия в голос.

— Отлично! А то везде все занято, — девушка протиснулась в дверь, затаскивая за собой внушительных размеров чемодан. — А вы тоже едете в Брно, — спросила она с мягкой улыбкой. — Я никогда не ездила поездами и теперь боюсь пропустить остановку.

— Да, в Брно, — несмотря на невероятную тяжесть на душе, я улыбнулась. — Нам ехать еще около часа.

— Ох, это хорошо. Представляете, я поступила в университет, первый курс юридического, — похвасталась собеседница. — Учеба начнется в понедельник, я так волнуюсь! Надеюсь, у меня получится.

— Конечно, получится, — заверила я девушку. — Всем бывает страшно на первом курсе, но если не расслабляться, то все получится.

— Спасибо! — рассмеялась новоиспеченная студентка. — А вы тоже живете в Брно?

— Жила... раньше, — запнулась я. — Теперь возвращаюсь. У меня скоро будет ребенок, — признание вырвалось внезапно и вызвало настоящий восторг у собеседницы.

— Серьезно?! Это же потрясающе! Мальчик или девочка?

— Еще не знаю, срок маленький. Но надеюсь девочка.

— Как же здорово!!! Когда-нибудь я тоже стану мамой и буду любить своих деток больше всего на свете!

Я улыбнулась. От восторженной простоты случайной попутчицы на душе стало светлее. Несмотря ни на что, у меня будет ребенок. Мой ребенок, самый красивый и замечательный на свете. И пусть его отец решил оставить нас сразу как узнал, пусть он и кровавый маньяк, убивший кучу людей. Мой малыш не будет нуждаться в любви, ему хватит меня одной.

— Ваш муж наверное без ума от счастья?

— Думаю да, — этот вопрос снова поднял с глубин мысли, о которых хотелось забыть.

Если маньяк не вернется, то после родов в графе «отец» придется ставить прочерк. Или указать его настоящее имя? Еще один вопрос, ответ на который может дать только время.

За легкой беседой поездка прошла незаметно. С Ханной — так звали мою попутчицу — мы попрощались на перроне и разошлись в разные стороны. После разговора истерическая паника в душе немного улеглась и я была практически способна адекватно мыслить.

Вернется Паук или нет, сейчас можно рассчитывать только на себя. И к этой роли мне привыкать не придется. Сейчас мой путь лежал в дом родителей, а затем в больницу к Ивану. А в долгосрочной перспективе пора было звонить людям, арендовавшим мою квартиру и возвращаться к жизни. Через девять месяцев у меня будет малыш и к этому моменту все должно быть готово.

Больше книг на сайте - Knigoed.net